

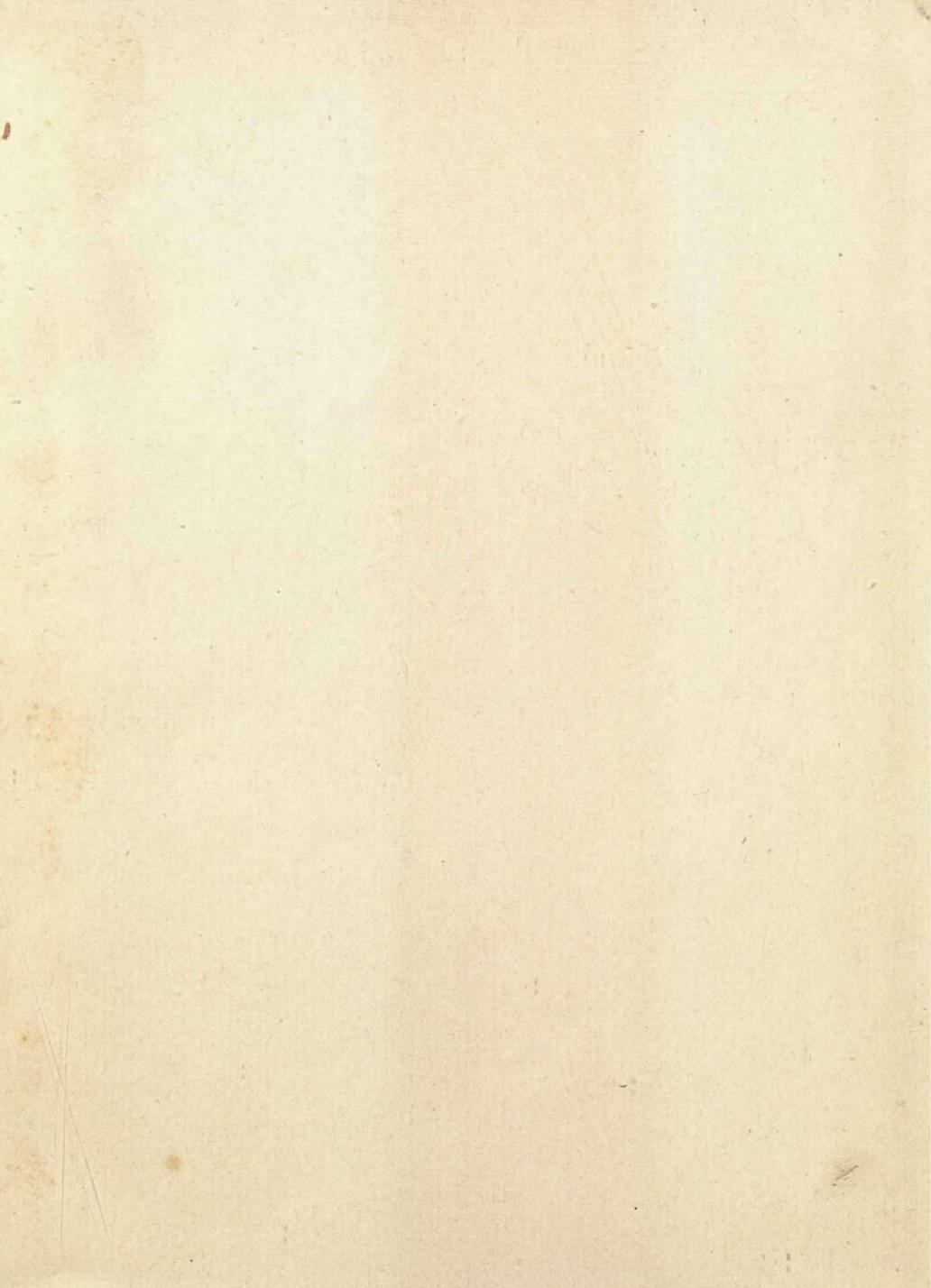
✓

М. ГОРЬКИЙ В Н. НОВГОРОДЕ

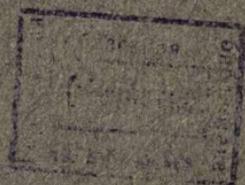
488

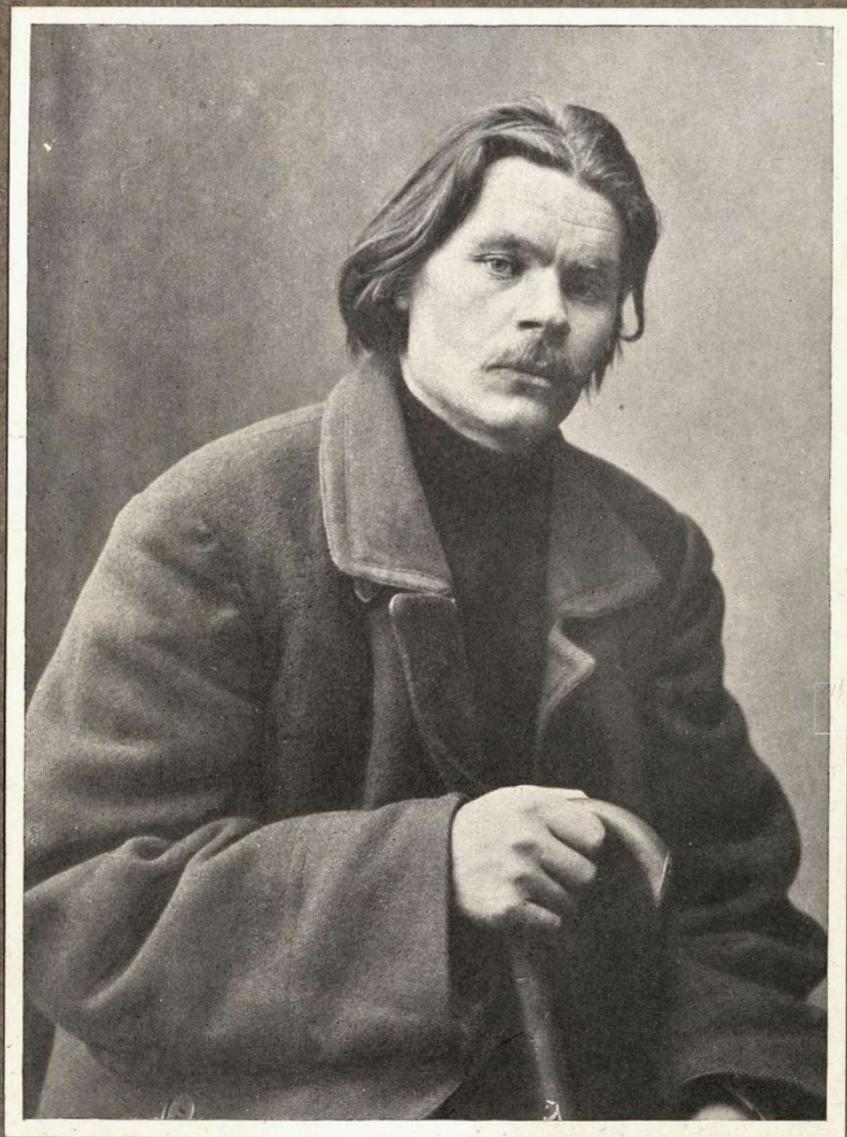
---

1 л. портр.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ПО ОЗНАМЕНОВАНИЮ ЮБИЛЕЯ М. ГОРЬКОГО

М. ГОРЬКИЙ

* * * * * В

Н.-НОВГОРОДЕ

025488

МАТЕРИАЛ СБОРНИКА
СОБРАН И ПОДГОТОВЛЕН
К ПЕЧАТИ НИЖЕГОРОДСКИМ
НАУЧНЫМ ОБЩЕСТВОМ
ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО
КРАЯ * * * * *

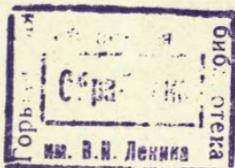
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Я. О. ЗБИНЕВИЧА
Г. Л. БЕШКИНА
А. А. БЕЛОЗЕРОВА и
А. Н. СВОБODOVA

1928

ИЗДАНИЕ ТОРГОВОГО
ОТДЕЛА НИЖГУБОНО
НИЖНИЙ-НОВГОРОД
* * * * *

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижпо-
лиграф, Н.-Новгород,
Варварка, 32, в колич.
3100 экз. Гублит № 1898
* * Заказ № 5613. * *

Нижегородское Научное Общество по изучению местного края в заседании от 22 марта 1927 года постановило, в ознаменование исполняющихся юбилейных дат (35-летие литературной деятельности и 60-летие со дня рождения) нашего знаменитого земляка, талантливого писателя, родоначальника пролетарской литературы и крупного общественного и революционного деятеля, Алексея Максимовича Горького (Пешкова)—издать сборник, посвященный его творчеству, и организовать литературный музей имени Горького.

Дело с издательством сборника и с открытием музея затянулось до момента, пока не организовался в Нижн.-Новгороде Горьковский Общественный Комитет, который на первом же своем заседании в феврале 1928 г. постановил издать подобный сборник и открыть музей, и взял на себя организацию по проведению означенных мероприятий в свои руки.

Редакционная Комиссия по изданию сборника руководилась при подборе статей следующими соображениями. Хотелось полнее охватить и осветить

главные стороны жизни и деятельности А. М. Горького в Н.-Новгороде, где прошли его детство, отрочество и юность, где началась и развернулась его общественная, революционная и литературная деятельность. Этим объясняется, что большинство статей имеет краеведческий характер и состоит из воспоминаний и статей, обрисовывающих те или другие стороны его деятельности. В сборнике даны также статьи, выходящие за пределы нижегородского периода жизни А. М., как напр., статьи Я. О. Збиневича, Г. Л. Бешкина, Н. К. Пиксанова, Н. В. Ильина и др.—Редакционная Комиссия не хотела замкнуться в чисто краеведческие рамки и нашла возможным дать ряд статей, важных для уяснения жизни и творчества Горького.

Редакционная Комиссия.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И НАША РЕВОЛЮЦИЯ

Я. О. Збиневиц

Юбилей Максима Горького для нас, для советской общественности, для коммунистической партии, для рабочего класса представляет собой крупное и радостное событие. Миллионы людей с гордостью в эти дни вспоминают имя великого писателя и революционера. И неудивительно. Алексей Максимович является огромной художественной фигурой, чрезвычайно крепко вправленной в рамки пролетарской революции. И трудно себе представить целые периоды русской революции, русской социал-демократии отдельно от истории самого Горького.

Но и это еще не все.

Важно, что наш юбиляр на протяжении своей революционной жизни боролся на левом фланге революции, что ей отдал он свои таланты, свой гений художника.

Не случайно ведь Владимир Ильич еще 20 лет тому назад назвал Горького самым крупным представителем пролетарского искусства. Когда-то могло пока-

заться, что Ленин переоценил пролетарский характер творчества Алексея Максимовича. Однако, это не так. Ильич и здесь своим гениальным взором уловил самое главное в писателе: его внутреннюю органическую связь с трудовыми массами фабрик и заводов, полное созвучие их стремлений и идеалов с теми, которым служил Горький.

Дело не в том, что Горький не изобразил самых передовых индустриальных пролетариев, что его рабочие типы недостаточно классово четки, страдают как бы незаконченностью своих пролетарских очертаний. Горький дает пролетариат не в самом полном и зрелом его развитии, а в его становлении.

Горький принадлежит к тому поколению, на глазах которого зарождался, вырос, боролся и победил современный пролетариат. Кто дал нам еще такую глубокую, богатую, многоцет^вную картину «окуровской Руси», как та, которую создал Горький? Если из «окуровщины» выходили «чумазные», то из нее же выходили и люди, ненавидящие старый мир с его подлостью, лицемерием и, возводимым в священный и вечный принцип, социальным неравенством. Не только раззоряющаяся деревня, но и «окуровщина» гнала людей на фабрики и заводы, где закаля^лась их воля и характер, где, в атмосфере коллективного труда и борьбы, они становились беззаветными революционерами, — той шеренгой славных бойцов, усилиями которых наносились удары царизму, капитализму

и, одновременно, создавался стальной партийный авангард, подготавливалась грядущая победа.

Мировая литература не знает бытописателя, который бы с такой художественной силой, как у Горького, изобразил, и при том — с точки зрения интересов трудовых низов, всю многокрасочную социальную обстановку эпохи первоначального накопления, эпохи разложения докапиталистической «окуровской» среды, эпохи восходящей буржуазии и восходящего пролетариата. Ни один корифей буржуазной литературы ее классических времен не дал и не мог дать по самой социальной своей природе таких проникновенных и правдивых образов художественного анализа целой эпохи и галереи ее типов от босяка и до чумазого миллионщика, как это сделал своим гениальным пером Горький.

В России это тем более трудно было изображать, что здесь капитализм был самым отсталым в Европе, что он рос, помимо всего прочего, за счет совершенно небывалой эксплуатации масс, что «свинцовая мерзость» мещанства тормозила рост культуры, что, наконец, сетка социальных отношений именно у нас была исключительно сложной и запутанной. Всю сознательную жизнь свою,—35 лет литературной деятельности, свыше 20 том. повестей и рассказов, вот что уже отдал рабочему классу его писатель. Да, прав был Ленин, подчеркивая заслуги Горького перед революцией, подчеркивая то, что он ей уже дал и что — как тогда писал Ильич — он ей еще сможет дать.

Как раз накануне юбилея Алексея Максимовича развернулась дискуссия: пролетарский ли писатель Горький или нет; является ли он неотъемлемой частью русской пролетарской революции или только ее попутчиком, временным союзником? Напрасно старались ретивые критики, — им не удалось поколебать тезис Ленина и подвергнуть ревизии взгляд партии на этот счет. Рабочий класс и раньше считал и теперь считает Горького своим. Алексей Максимович в статье «О пролетарском писателе» по этому поводу пишет: «Я очень горжусь тем, что рабочие меня считают своим человеком, своим «товарищем»: это — искренняя моя гордость и великая честь для меня».

В этой же статье Горький как раз и отвечает на поставленный ему вопрос: пролетарский он писатель или нет?

Прежде всего, Горький вполне правильно, д и а л е к т и ч е с к и подходит к этому вопросу. Он с полным основанием утверждает, что термин «пролетарский» уже не совсем отвечает действительному положению трудовой массы Союза Советов. Разве не верно, что у нас пролетарий есть рабочий, получающий заработную плату, но в то же время являющийся частью господствующего класса — хозяина страны. Термин «пролетарий» механически еще повторяется в нашей стране, но здесь он уже приобретает другой смысл, другое, чем в капиталистических странах, содержание.

«Вы спрашиваете, — пишет Горький, — по каким признакам можно определить действительно пролетарского писателя? Думаю, что таких признаков немного. К ним относится активная ненависть писателя ко всему, что угнетает человека извне его, а также изнутри, все, что мешает свободному развитию и росту способностей человека, беспощадная ненависть к лентяям, паразитам, пошлякам, подхалимам и вообще к негодьям всех форм и сортов.

«Уважение писателя к человеку, как источнику творческой энергии, создателю всех вещей, всех чудес на земле, как борцу против стихийных сил природы и создателю новой, «второй» природы, создаваемой трудами человека, его наукой и техникой для того, чтобы освободить его от бесполезной затраты его физических сил, затраты, неизбежно глупой и циничной в условиях государства классового.

«Поэтизация писателем коллективного труда, цель которого — создание новых форм в жизни, таких форм, которые совершенно исключают власть человека над человеком и бессмысленную эксплуатацию его сил.

«Оценка писателем женщины не только как источника физиологического наслаждения, а как верного товарища и помощника в трудовом деле жизни.

«Отношение к детям, как к людям, перед которыми все мы ответственны за все, что делаем.

«Стремление писателя всячески повысить активное отношение читателя к жизни, внушить ему уверен-

ность в его силе, в его способностях победить, и в самом себе, и вне себя все то, что препятствует людям понять и почувствовать великий смысл жизни, огромное значение радости труда».

Таков ответ Горького. Разве в нем Горький не дает классовой характеристики собственного творчества? Разве он сам всю жизнь свою не шел по этому же пути?

Горький с первой минуты своего творчества искал Правды, боролся со Злом, искал Человека.

Где же эта Правда, где этот лишенный всякой корысти, всякого лицемерия, всяких мещанских предрассудков настоящий Человек? Не нашел его Горький среди босяков и мелких ремесленников. Не могло его быть среди чумазных купцов и капиталистов. Не могла его создать самовлюбленная, пустая внутри и трусливая буржуазная интеллигенция. В костюме странника, с посохом в руках нашел Горький этих будущих людей на уральских заводах, среди станков и машин, среди пролетариев. И тогда стало вполне ясным и для нас, и для самого Горького, что то абстрактное Зло, с которым боролся Горький, это был царизм и капитализм, с их совокупным гнетом и преступлениями; что коллективным Человеком мог стать только рабочий класс, руководимый в борьбе за новую жизнь революционной социал-демократией; что Правда кроется в торжестве пролетариата, в социализме.

Магистраль горьковского творчества идет «от мещанско-окуровской деклассации ко внедрению в пролетарский класс», от босяцкого индивидуализма к пролетарскому коллективизму.

Растущие волны революции еще до первой революции подхватили Горького и прочно его прибили к пролетарским берегам. Умение глубоко отличать искренность от фальши подсказало Горькому, что именно большевики являются подлинными революционерами, борцами не на час, а на все время революции — вплоть до ее окончательной победы. Горький стал в одни ряды с большевиками.

Были у него ошибки и колебания, были они и в дни реакции, и в дни октябрьского восстания. Сложная, впечатлительная натура художника тем и отличается от природы политика, что первая не всегда поддается хладнокровному, дисциплинированному регулированию чувств, что на крутых поворотах революции она может на миг потерять правильную политическую ориентировку и только под влиянием партии опять вернуться на действительный революционный путь.

Ошибки Горького, которые он уже сам публично признал, не идут ни в какое сравнение с огромными заслугами его перед революционным движением последних более чем трех десятилетий. Его «Песнь о соколе», его «Песнь о буревестнике», его рассказы и повести, его сказки и аллегории производили впе-

чатление взрывающихся бомб; они помогали складываться революционной идеологии, они помогали революции взрывать старый строй.

Горький целиком принадлежит пролетариату. Он наш. Он буревестник и певец нашей революции. А сормовские, канавинские и нижегородские пролетарии могут с гордостью сказать: он вдвойне наш — он наш потому, что он с пролетариатом, он наш еще и потому, что именно среди канавинцев и сормовичей он рос и заряжался ненавистью к старому миру. И когда в дни первой революции он в повести «Мать» развернул перед нами художественную картину революционной борьбы, то именно Сормово и его пролетариат послужили ему материалом для повести.

В фашистской Италии Алексей Максимович закончил новую монументальную трилогию. Он дает нам в ней еще типы прошлого. Но его взоры обращены и на советскую современность и на социалистическое будущее.

Горькому исполнилось 60 лет. Но как он еще молод душою и бодр! Сравните Алексея Максимовича с целой плеядой русских писателей, когда-то соприкасавшихся с революционным движением в прошлом.

Знаменитый Леонид Андреев умер в эмиграции белогвардейцем. А где Куприн, Чириков, «сверхреволюционный» и чуть ли не подпольный Мережковский? А Зинаида Гиппиус, а другие? Где они те-

перь? На службе у контр-революции, среди белой эмиграции они источают ядовитую слюну против пролетарской страны Советов.

Единственно Горький был и остался революционером, единственно он, получивший мировую известность еще до революции, выдержал испытание времени.

Прочитайте блестящее предисловие Алексея Максимовича к книжке Д. А. Горбова «О белоэмигрантской литературе». Именно в этом предисловии Горький подводит итоги многолетней деятельности «бывших»...

Остановившись на Мережковском, Гиппиус, Философове и др., упомянув о меньшевиках Далиных, Толиных и Данах, которых, в свое время, В. И. Ленин беспощадно трепал за уши, Алексей Максимович пишет: «Вся перечисленная публика мучительно надоела друг другу, вся духовно обнищала, изъедена мелкой злостью. Год за годом, изо дня в день она упражняется в хуле и в поношении большевиков, делая это уже далеко не так умело и даровито, как когда-то критиковала самодержавный строй, бюрократизм и ужасы русской жизни.

«Всю ее тайно и явно об'единяет только одно желание: чтобы исчезли большевики, а русский рабочий народ поклонился им, «страдающим между собой» за него, поклонился и попросил:

«Придите княжить и володеть нами».

Напрасное ожидание — не поклонится, не попросит».

Несколько дальше, в этой же статье Горький пишет: «Шесть лет я читаю прессу эмигрантов. Сначала читал, спрашивая себя с недоумением наивным:

«Неужели все эти одичавшие публицисты — те самые русские интеллигенты, которые учились и учили «меньшого брата» чувству «священной ненависти» к жизни, от корней до вершины отравленной лицемерием, злобой, ложью? Неужели это они восхищались работой таких разрушителей лжи, как мрачный Свифт, безжалостно глумливый Вольтер, чудовищно-огромный Лев Толстой? Они учили детей своих любить изумительно выдуманный образ священного рыцаря из Ла-Манча?

«Героями юности их были Спартак, Фра-Дольчино, Уотт Тэйлор, Томас Мюнцер, Ян Гусс и все те люди, которые пытались из крови и плоти своей создать свободу, никогда не жившую на земле, но совершенно необходимую людям.

«Любимыми песнями их молодости были песни разбойников, романтические песни протеста, баллады о Разине, гневные стихи Некрасова; казалось, что искренней религией их был «социальный романтизм».

«Ныне все это больше не звучит, онемели души. Очевидно, материалисты «большевики» правы, говоря, что в столкновении с беспощадной действитель-

ностью идеология легко уступает место самой злейшей классовой зоопсихологии»...

«... Я никогда не из'яснялся в «любви к народу». Но в юности я искренно верил, что есть люди, которые действительно «любят» народ — обладают каким-то сверх'естественным чувством, которого у меня нет. Когда-нибудь я расскажу, как «революционная» интеллигенция вытравила из меня эту веру. В 1917 году все-таки мне было очень горестно и больно наблюдать, когда обезумевший народ серой лавиной покатился с войны в деревню и поднялась над землей его широкая возмущенная — наконец, — рожа, больно было видеть, как эта рожа реализмом и анархизмом своим тотчас спугнула «любовь» интеллигенции, соловья души ее. Упорхнул соловей в кусты забвенья, а на место его сел черный ворон мещанской мудрости.

«И сразу вся сила критического отношения к жизни, вся сила беспощадной истинной и активной революционности оказалась в обладании «большевиков».

«Я не забыл свою позицию в те дни.... Я был уверен, что «народ» сметет большевиков вместе со всей иной социалистической интеллигенцией, а главное, вместе с организованными рабочими. Тогда единственная сила, способная спасти страну от анархии и европеизировать Россию, погибла бы. Благодаря нечеловеческой энергии Владимира Ильича и его товарищей этого не случилось»...

Надо ли еще умножать примеры, чтобы доказать, что Горький всю свою революционную страсть отдавал, отдает и отдаст рабочему классу, его великой борьбе?

Когда пишутся эти строки, Горький находится в СССР. Он и издали видел — какая большая работа совершается в стране строящегося социализма. Вблизи это ему станет еще ясней. Могучий художественный талант Горького особенно нужен пролетариату в дни культурной революции, в дни борьбы за нового человека, за нового работника, в дни борьбы с мещанством, с остатками старого, рабского прошлого.

На этом фронте Алексей Максимович еще повоюет своим гениальным пером. И вместе с Горьким пролетариат будет идти к новым успехам, к окончательной победе социализма.

ЛЕНИН О ГОРЬКОМ

Г. Л. Бешкин

025488 В великих художественных творениях Горького, дышащих ненавистью ко всем угнетателям народа, гениальный мастер классовой борьбы улавливал чаяния и надежды «угнетенных и оскорбленных» слоев капиталистического строя. Ленин, всю жизнь свою, мозг и волю направлявший к заветной мечте «освобождения самого страдающего и в то же время самого передового класса современного общества — пролетариата», слышал биение его сердца в творчестве «крупнейшего представителя пролетарского¹ искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать²».

Враг всяких идейных компромиссов, готовый «дать себя четвертовать, нежели принимать участие в идейном блоке» враждебных пролетариату течений, — Ленин окружал Горького тщательной заботливостью,

¹ Последнее слово подчеркнуто Лениным.

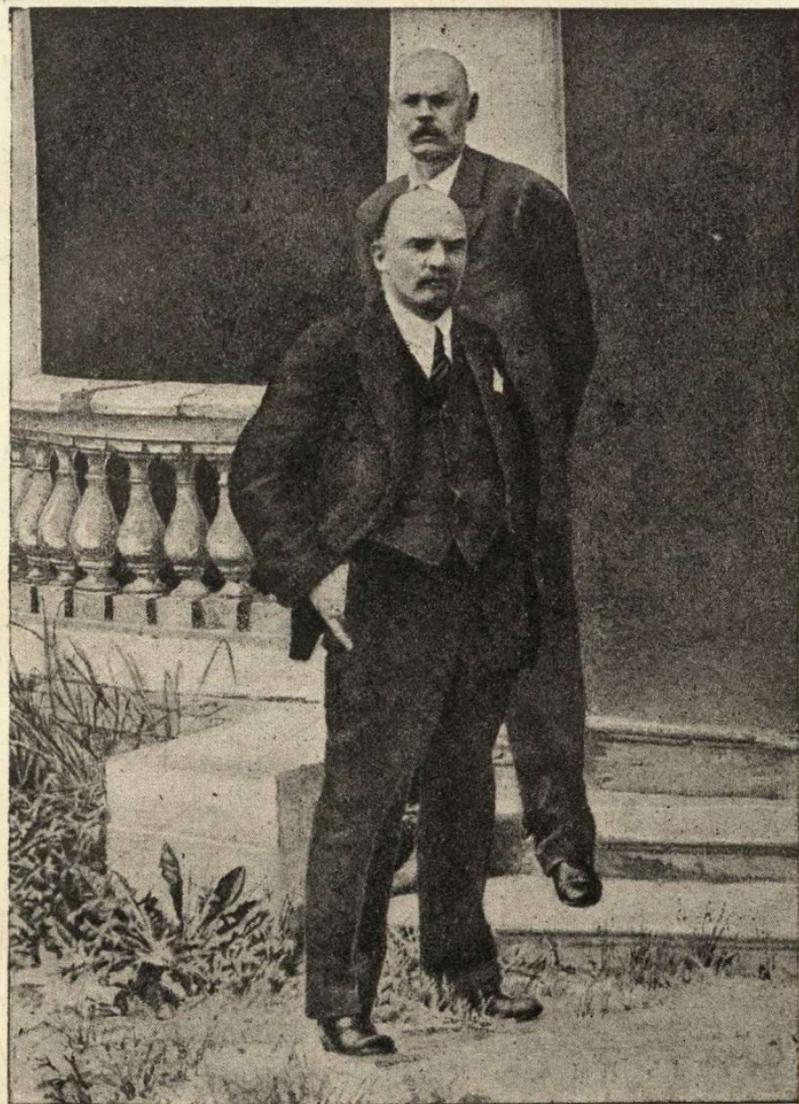
² Ленин — т. XII.

доходившей порой до нежности, в те годы, когда политические блуждания великого художника доставляли Ленину горькие минуты. Стремление связать теснее талант писателя с рабочим движением, помочь освободиться великому художнику от всего того, что является чужеродным и порой прямо враждебным пролетариату, глубокая вера в силу художественного творчества Горького, желание помочь, не вторгаясь в специфически-художественную область, — все это проходит красной нитью в переписке Ленина с Максимом Горьким.

Вспоминаются мрачные годы разгула царской реакции. Отдельные вспышки рабочего движения и крестьянских восстаний 1906—7 года, после декабрьского восстания 1905 года, — оказались «последнею тучей рассеянной бури». Наступила мрачная полоса русского революционного движения: тюрьмы, ссылки, виселицы, и стоны умиравших героев затихали в жуткой тишине страны. В эти годы свили себе гнезда: пессимизм, разочарование в революции и жизни, стремление уйти в себя, чтобы хотя на минуту забыть «об отвратительной гнусной действительности». Настроения эти, охватившие значительные кадры революционной интеллигенции, проникали и в среду передового отряда рабочего класса — социал-демократов (большевиков).

Группа большевиков во главе с Лениным отступила с поля сражения, сохранив веру в силы рабочего

М. Горький и Ленин.

класса и в новый революционный под'ем. Начался период собирания сил и подготовки к следующей битве с царским самодержавием. Ленин строит партию не только в борьбе с режимом Романовых, но и в ожесточенной схватке с меньшевистскими ликвидаторами революции. Ленин поднял знамя борьбы против тех пессимистических настроений, которые проникли в большевистскую среду в форме богостроительства и богоискательства, и против политической бесхарактерности «ликвидаторов слева» — отзовистов, не умевших сочетать легальную и нелегальную формы борьбы.

В числе «врагов-товарищей» Ленина временами был и Горький. Ленин поддерживал всячески переписку с писателем, стараясь вырвать его из объятий идеализма и прочей философской поповщины.

Чем же руководствовался при этом Ленин?

В конце 1909 года, в связи с разногласиями среди социал-демократов, буржуазные газеты распространили слух о выходе Горького из социал-демократической партии. Ленин ответил на это: «Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением»¹.

¹ Ленин, т. XI, часть I.

Эта мысль отражает мнение Ленина о Горьком. В последнем он видел не только крупнейшего художника нашей эпохи, но и борца за те идеалы, которым сам Ленин посвятил всю жизнь. Художественное слово Горького было в глазах Ленина одним из могучих орудий борьбы рабочего класса, на-ряду с марксистской теорией; вот почему он жаждал видеть великого писателя в рядах борющегося авангарда рабочего класса.

В письме из Женевы¹ (от 9 января 1908 г.) Ленин сообщает Горькому о том, что думает захватить к нему на остров Капри, когда у писателя «не будет большой работы, чтобы можно было пошляться и болтать вместе». В феврале 1908 года Вл. Ильич пишет тов. Луначарскому о том, что он мечтал о передаче литературно-критического отдела «Пролетария» Ал. Максимовичу: «Я боялся, страшно боялся прямо предлагать это», пишет Ленин, «ибо я не знаю характера работы (и работосклонности) А. М-ча. Если человек занят серьезной большой работой, если этой работе повредит отрывание на мелочи, на газету, на публицистику, — тогда было бы глупостью и преступлением мешать ему и отрывать его. Это я очень хорошо понимаю и чувствую».

² См. письма Ленина к Горькому, опубликован. в Ленинск. сб. № 1, 2 и 4.

Если вспомнить ту огромную помощь, которая оказывалась Горьким его участием в большевистской печати, то сразу бросается в глаза чуткость Вл. Ильича, сознание им важности и ценности для пролетариата художественного творчества писателя, перед произведениями которого «газета и публицистика» казались Ильичу «мелочью». Когда было получено согласие Горького давать для «Пролетария» маленькие вещи, Вл. Ильич ответил: «Меня очень и очень радует. Но, разумеется, раз есть большая работа, не отрывайтесь» (разр. Ленина).

В конце февраля 1908 года отношения между Лениным и богоискателями обострились; он пишет длинное письмо Горькому, указывая на отход махистов от марксизма и на ошибку писателя и вредность одной его статьи, пропитанной идеалистическими тенденциями. «Я считаю», пишет Вл. Ильич, «что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества вам все книги в руки и что, извлекая этого рода воззрения и из своего художественного опыта и из философии хотя бы идеалистической, вы можете придти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу».

Как видно из этих строк, Вл. Ильич подчеркивает отличие политических разногласий, где требуется

строжайшая классовая установка, от области художественного творчества, где писатель может сделать ценные выводы даже из идеалистической философии искусства; поэтому он разграничивает, конечно, относительно, области художественного творчества и политической борьбы, допуская тесный политический союз при «нейтрализации» вопросов философии и эстетики, вызывавших разногласия в большевистской среде, которые меньшевики старались использовать в фракционных целях. Но чем более отход «богоискателей» от марксизма становился явным и опасным, тем непримиримее становился Ленин, ибо он как никто понимал, что расхождения в самых «тонких» вопросах теории марксизма, если на ошибках настаивать и их углублять, — приведут к разногласиям политическим.

В марте 1908 года Вл. Ильич пишет Горькому: «Я убежден глубочайше, что вы ошибаетесь». В тех условиях (1908 года) доводить из-за философии дело до прямого политического раскола большевистской фракции было нецелесообразным с точки зрения Ленина, и он считал Горького личностью, которая этому расколу может значительно воспрепятствовать. «Необходимо», пишет Ленин, «чтобы практически необходимая партийная работа не страдала. Об этом вам надо позаботиться, и $\frac{9}{10}$ русских большевиков помогут вам и большое спасибо скажут» (разр. Ленина). Однако,

в этом же письме Ленин подчеркивает вред замазывания идейных разногласий и говорит, что «бой абсолютно неизбежен», — это было ответом писателю, считавшему возможным идейно примирить марксизм с махизмом. Конечно, вести практическую работу с товарищами, отходящими от марксистской теории, дело «трудное и большое», здесь нужны «заботливые товарищи». «Тут должны помочь вы», писал он Горькому, «тут «психология» — вам и книги в руки». Такого заботливого и чуткого человека Ленин и видел в лице Алексея Максимовича.

«Эмигрантская склока» портила не мало крови и Горькому, нагоняя порой тоску на писателя. Ленин указывал, что, несмотря ни на что, рабочая партия растет и укрепляется, что «непозволительно отдавать себя во власть настроению». В апреле 1911 года, когда у партии не было средств для издания «журнальчика», Ленин обратился за помощью к Горькому, выручавшему часто не только своими статьями, но и прямой денежной помощью. Сообщая о слушателях партийной школы, Вл. Ильич писал: «А рабочим из нашей школы ответьте. Хорошие парни. Один поэт, бедняга, все стихи пишет и нет у него руководителя, помощника, наставника и советчика». Высоко ценя художественный талант Ал. Максимовича, Ленин видел в нем естественного руководителя наших молодых пролетарских, народных писателей и поэтов.

Когда Горькому казалось, что фракционная борьба, «драка» с отзовистами есть простая склока, что можно примириться, — Ленин дружески раз'яснял корни разногласий и невозможность мира с людьми, «поносящими» марксизм. «Пишу вам, ибо всего меньше хотел бы допустить в а с (подчеркнуто Лениным) терять время и нервы и пр. на кашу» (Письмо от 27 мая 1911 года).

В 1912 году большевики начали издавать «Правду». Редакция тотчас же решила пригласить Ал. М. для участия в сотрудничестве, но боялась, что он обидится, если предложат 25 коп. за строчку. Сообщая об этом Горькому, Ленин писал: «О том, чтобы ваше сотрудничество изменилось под влиянием соображений о гонораре, никто и помышлять не может». Он указывал Ал. Максимовичу, что ничего обидного в предложении редакции нет, ибо вообще пора наладить газету с «прочной оплатой труда» сотрудников. Нечего и говорить о том, что Ленину никогда и в голову не приходило заподозрить Горького в корыстолюбии, в шалыпинском сребролюбии.

Несмотря на разногласия, заботливость и чуткость проникает все письма Ленина к Горькому.

В феврале 1913 года Вл. Ильич пишет: «Дорогой А. М.! Что же это вы, батенька, дурно себя ведете? Заработались, устали, нервы болят? Это совсем беспорядки. Уж на Капри-то, да еще зимой, когда народу, вероятно, меньше, следовало бы вести

правильный образ жизни. Без присмотра, что ли, вы распустили себя? Ей-же-ей, нехорошо. Возьмите себя в руки и установите «прижим» (режим) по-строже, право! Хворать по нынешним временам вещь совсем недопустимая. По ночам стали работать?» Из этих строк вырисовывается образ и автора письма.

Тревога, проявленная в связи с ухудшением здоровья Ал. Максимовича, была не только выражением дружественных уз, но сознанием ценности великого таланта художника-борца для рабочего движения. Сохранить здоровье, работоспособность Горького было немалой заботой Вл. Ильича; более того, он рассматривал это как прямую обязанность не только по отношению к Горькому-человеку, но перед лицом пролетариата, которому принадлежит художник. В этом смысле Ленин и писал ему 30 сентября 1913 г.: «Расхищать зря казенное имущество, т.-е. хворать и подрывать свою работоспособность—вещь недопустимая во всех отношениях»... «Убедительно прошу взяться серьезно за лечение, а запускать—прямо безбожно и преступно». В следующем письме к Горькому Вл. Ильич дает совет лечиться у «первоклассных профессоров» и просит подробнее сообщать о здоровье писателя.

Ленин рассматривает работоспособность А. М. как «казенное имущество», т.-е. достояние рабочего класса, которое нужно всячески оберегать. Его отношения к великому художнику были чужды

приторности мещанской сентиментальности, переходящей в лесть и угодничество. Он видел в Горьком могучего соратника по борьбе, бьющего врагов рабочего класса художественным словом. Когда же, по мнению Ленина, Горький совершал ошибки, он немедленно указывал на опасность их для революционного движения. По поводу богостроительства он писал Ал. Максимовичу: «С точки зрения не личной, а общественной, всякое богостроительство есть именно любовное самосозерцание тупого мещанства, крупной обывательщины, мечтательного «самооплевывания» филистеров и мелких буржуа, «отчаявшихся и уставших» (как вы изволили очень верно сказать про душу, но только не русскую надо бы говорить, а мещанскую, ибо еврейская, итальянская, английская — все один чорт, везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а «демократическое мещанство», занятое идейным труположеством, сугубо гнусно») (разр. Ленина). Когда отголоски этих настроений послышались Ленину в статьях А. М., он «недоумевал», откуда у писателя «эта описка» (разр. Ленина). «Что это?» спрашивал В. Ильич, «остатки «Исповеди», которую вы сами не одобряли?? Отголоски ее??» И далее: «Зачем вы это делаете? Обидно дьявольски». Строчкой ниже мы читаем: «Лечитесь серьезнее, право, чтобы зимой можно было ехать без простуд, зимой опасно...» (подчеркнуто Лениным).

Ленин боролся неутомимо против всяких теоретических и политических извращений марксизма, проявляя здесь твердокаменность. Сознание величайшей опасности уклонов для рабочего движения заставляло его часто рвать отношения с товарищами, связанными с ним, иногда, годами упорной революционной борьбы. Когда обнаруживалось, что такой товарищ неизлечим, что на ошибках он настаивает и отходит все дальше и дальше от революции, — Ленин открывал беспощадную «драку», разя противника острым оружием марксистской диалектики. Несколько иначе он относился к Горькому. Укоряя писателя за отступление от теории и политики марксизма, не скрывая от него опасности «уклонов», он думал, что они отражают чуждые пролетариату настроения и являются «временным поветрием», ибо он исходил из глубокой связи художника с рабочим классом, связи, запечатленной в творениях писателя, его литературных произведениях. Вот почему об ошибках писателя он говорил: «о б и д н о д ь я в о л ь с к и».

Горький обиделся на одно из писем, в котором Ленин бичевал его ошибки, — последний ответил: «Не сердитесь, что я взбесился. Может быть, я вас не так понял? Может быть, вы в шутку писали «на время?» И о богостроительстве, может быть, не всерьез писали??» (разр. Ленина). В этих строках отразилась, как в капле, та чуткость, которую Ленин проявлял к нему на всем протяжении своей деятель-

ности; в этих строках сквозит скрытая радость по поводу того, что Горькому доставляют неудовольствие воспоминания о его теоретических блужданиях, радость по поводу возвращения художника в лоно марксизма. Однако, всякие рецидивы прошлого Ленин встречал «в штыки». По поводу определения Горьким бога, «как комплекса идей, которые будят и организуют социальные чувства», Вл. Ильич писал: «Все ваше определение насквозь реакционно и буржуазно». Когда богостроители и отзовисты образовали группу «Вперед», втянув туда и Горького, Ленин говорил, что «положительное содержание» «впередовцев» «можно выразить одним словом: М. Горький»¹, и обрушивался на своих противников за то, что они прикрывают свои ошибки «авторитетом Горького», указывая при этом, что «всякая фракция социал-демократической партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького».

Высокая оценка писателя никогда не останавливала Вл. Ильича перед тем, чтобы в интересах дела открыто бичевать всякое проявление писателем политических ошибок. Ленин очень жалел, что Ал. Максимович подписал во время войны «поганую бумажку российских либералишек» против немецких зверств в то время, как следовало разоблачать зверство всех империалистов; он указывал на вред «отдаваться

¹ Ленин, т. XI, часть II.

чувству и настроению» в вопросах жизни и смерти революционного движения.

В марте месяце 1917 года было опубликовано во всех газетах оборонческое письмо Горького. Ленин говорит: «Горькое чувство испытываешь, читая это письмо, насквозь пропитанное обывательскими пред-рассудками. Пишущему эти строки случалось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупредить его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: «Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди». Приведя последние слова А. М., Ленин добавляет: «нелегко спорить против этого»... Чувство привязанности и уважения к Горькому не покидали Ленина в минуты расхождения с художником. Политические ошибки последнего никогда не казались Вл. Ильичу выражением сознательно-враждебной линии, он скорее видел в них плоды «настроений и чувств» и ему «обидно» было; когда Горький отражал, невольно, чаяния чуждых пролетариату течений.

В той же статье, где Ленин выступил против оборонческой статьи А. М., мы находим следующие слова: «Нет сомнения, что Горький—громадный художественный талант, который принеси принесет много пользы всемирному пролетарскому движению».

Враги революции, меньшевики, напомнили недавно Ал. Максимовичу о 1917 годе, о «Новой Жизни» и т. д. Г. Дан недоуменно вопрошал писателя — о причинах, заставивших его отказаться от политической позиции 1917 года. Горький ответил кратко: «В 1917 г. я ошибался»¹.

Мы празднуем юбилей Горького без Ленина. За время, прошедшее со дня его смерти, некоторые «вожди» успели сделать немало шагов в сторону от ленинского учения, но иные пришли к нему, может быть, после долгой, внутренней борьбы, чтобы сказать: «Ты победил, галилеянин»... Горький принадлежит, несомненно, к последним. Без всякой дипломатии и уверток, перед всем миром, великий художник трудового народа повествует о том, как политический спор между ним и Лениным история разрешила в пользу последнего. Меньшевик Дан взывает к «чувству справедливости» писателя, приветствующего власть «террора и жестокости», т. е. Советы... Не удалось меньшевикам поймать писателя на толстовскую удочку, — Горький ответил: «Г-н Дан не понимает, что есть жестокость самозащиты народа, окруженного тайными и явными предателями, непримиримыми врагами. Эта жестокость вызвана и — тем самым — оправдана. Но есть жестокость паразитов, которые, привыкнув жить за счет энергии поработанных, пытаются вновь поработить народ, завое-

¹ См. «Изв. ЦИК» № 296 — за 27-й год — «Анонимам и псевдонимам».

вавший свободу. Эта жестокость не может найти оправдания. Напоминаю об этом г-ну Дану, конечно, не для полемики с ним, а для поучения его».

Мы живем в период бурного строительства социалистической культуры. Борьба за нового человека, достойного строителя нового общества является нашей насущнейшей задачей; в первых рядах культурных борцов мы видим Горького. «Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства», пишет он: «К этому маленькому, но великому человеку, рассеянному по всем медвежьим углам страны, по фабрикам, деревням, затерянным в степях и в сибирской тайге, в горах Кавказа и тундрах севера, к человеку, иногда очень одинокому, работающему среди людей, которые еще с трудом понимают его, к работнику своего государства, который скромно делает как будто незначительное дело, но имеющее огромное историческое значение, — к нему я обращаюсь с моим искренним приветом. Товарищ! Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир. Учись и учи. Крепко жму руку твою, товарищ!».

В этих словах слышится не только радостное бие-ние сердца, но и призыв, полный веры в великое социалистическое строительство страны, к которому звал массы Владимир Ильич.

ИЗ ПИСЬМА О ГОРЬКОМ

П. А. Заломов¹

У меня не было ни времени, ни возможности, ни достаточных знаний, и даже не было и охоты, чтобы заниматься изучением художественной литературы, но все же у меня составилось мнение о Горьком, как о писателе и человеке, симпатии которого, на стороне пролетариата, и мы, рабочие, имевшие с ним какое-либо дело, считаем его своим. Это вовсе не одно мое личное мнение.

Я совершенно не знаком с научными методами и правилами классификации писателей, и мне не так важно, о ком данный писатель пишет, а важно как он пишет. Да. Горький много изображал буржуазию и мещан, но как изображал? Он их бичует, презирает. Я знаком лишь с отдельными произведениями Горького, но ни в каком случае не могу согласиться,

¹ Письмо П. А. Заломова, одного из руководителей Сормовской рабочей организации и демонстрации 1902 г., написано по поводу выводов одной статьи, не вошедшей в данный сборник.

что он является выразителем мыслей и чувств мещанства. Если бы вы сказали — изобразителем, тогда другое дело. Ведь выразителем мыслей и чувств того или иного класса может быть лишь тот, в ком эти чувства и мысли выкристаллизовались в превосходнейшей степени.

Я читал пьесу «Мещане». Эта пьеса для мещанства у б и й с т в е н н а. Нет. Совсем не так будет писать мещанин о мещанах, он будет их идеализировать. Американская буржуазия приходила в восторг от Джона Рида до тех пор, пока не поняла, что он является ее смертельным врагом.

Мещанин по понятиям Горького есть самое гнусное и мерзкое явление. Недаром Горький изображает мещанство в «Песне о соколе» в виде ужа, которому нужно лишь одно, чтобы было тепло и сыро, который смеется над полетами в небо, который не понимает пламенного боевого энтузиазма сокола-пролетариата, единственного, до конца революционного класса.

И разве не тот же пролетариат изображен в виде буревестника, который смеется над бурей, который весь — нетерпеливо-страстное, напряженнейшее ожидание бури?

Тридцать шесть лет назад, когда я начал работать на заводе Курбатова в Н.-Новгороде, когда вместе с другими товарищами призывал молодых рабочих в подпольную марксистскую организацию, для

непримиримой борьбы—на жизнь и на смерть—с мировым капитализмом, рабочие-мещане, а таких было немало, говорили с злобой и ненавистью: «Политика проклятая! Вешать всех вас надо!»

Горький при первой встрече обнял меня и крепко поцеловал. Потом немного отошел, посмотрел и сказал: «Так вот вы какой!» Я сказал ему, что ничего лучшего, чем «Песня о соколе» он никогда не напишет, и что в бою я загорожу его своей грудью. На это он ответил: «Я тоже загорожу вас своей грудью в бою».

Он так же, как и я, ждал революции и ждал вооруженного восстания.

Так разве же это уж? Разве это выразитель личного благополучия? Разве это квинт-эссенция мещанства?

Самый мощный, самый пламенный, самый гениальный выразитель мыслей и чувств пролетариата, — душа пролетариата — это Ленин. Но, если Горький мало знал рабочих и мало о них писал, то это вовсе не основание для того, чтобы включить его в цикл выразителей мыслей и чувств мещанства.

Он — наш!

МОИ ВСТРЕЧИ С ГОРЬКИМ

П. С. Клоков¹

Через студента А. Яровицкого, марксиста и революционера, я и Кобылин познакомились с Горьким.

Наши беседы с А. М., за редкими исключениями, носили характер бесед на темы революционной борьбы, усиления работы подполья и — редко — на литературные темы.

— Конечно, — говорил А. М., — у нас нет пока литературы нашей, марксистской, отражающей жизнь пролетария города и завода в художественных образах... Этот мир рабочего быта почти не затронут, потому что рабочая масса не выделила еще своих бытописателей. Они только нарождаются и, нужно верить, скоро скажут свое «новое слово». Давайте пишите, пишите... Не нужно думать, что литература — работа менее почетная, чем работа революционная, работа подпольная... Писатель-пролетарий по своему

¹ Из материалов Кабинета Местного Края Педфака НГУ. Знакомство с М. Горьким относится к началу 900-х годов.

социальному положению является революционером... Ведь, он является выразителем настроений своего класса, его чаяний, и все, что будет им сказано — будет ценно и значительно...

Так характеризовал Горький наше вступление в литературу, когда мы, передав ему свои рукописи — прозу и стихи, просили его высказаться.

— Вот, некоторые стихи Т-го — К-ва очень не дурны. В них чувствуется бодрость, вера в лучшее... Они зовут к борьбе. набросок «Штрафной», «Лишний человек» — хорошие вещи. Рабочие прочтут их с удовольствием. Такая литература — нужна... Пишите... Будущее за пролетарской литературой.

И мы — писали. Приблизительно с 1902—3 г.г. на столбцах «Нижегородского Листка» появляется ряд моих очерков из рабочей жизни, которые, нужно сказать, били в «цель». Рабочие о них говорили, ждали их... Но заговорила и администрация, выискивая автора, скрывавшегося под псевдонимами: Сем. Тихий, Я. Тихонов, Хмурый, Б-окий Н., Бытописатель — мои псевдонимы. Имена, данные заводским «самодержцам» — героям того или иного очерка, — становились именами нарицательными, как, например: Сам Самыч, Ник. Никич, Абдул и др., рабочие их узнавали очень быстро по их характеристике и по обстановке цехового производства.

Алексей Григорьевич Кори́тин писал немного. В «Нижегородском Листке» им было напечатано

несколько стихотворений и миниатюра «Цветок» за подписью «К».

Помню, говоря однажды о поэзии, А. М. назвал Бальмонта гениальным виртуозом формы, одним из самых талантливых поэтов.

— У него нужно учиться выражать свои мысли...

На это я возразил, что Бальмонт поэт холодной надуманности. От его стихов веет не революционным жаром, а осенней влагой, несмотря на всю красочность, яркость и звонкость слов... Рабочих они, эти стихи, не увлекут, не захватят... А истинный поэт должен петь не для кучки сытых и довольных, а для тысяч бесправных и безвольных...

— Да... да, это так. Для рабочих песни должны выковываться на горне, чтобы жгли сердца, будили и звали к новой жизни... Бальмонт — интеллигентский поэт...

После отъезда А. М. из Н.-Новгорода я не переписывался с ним до 1908 г. В этом году один из рабочих, социал-демократ, член Сормовской организации — Яковлев М., был послан на Капри, в школу Горького, и с ним я написал А. М. письмо. Ответ носил общий характер — и на этом наша переписка окончилась.

ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ

(1900—1903 г.г.)

Н. Иванович-Новиков¹

Однажды в газете «Нижегородский Листок», среди обычных фамилий сотрудников, читатели натолкнулись на оригинальную и грубо звучащую для непривычного слуха фамилию: «Максим Горький (А. Пешков)». Горькими у нас (в деревне и городе — все равно) называли или запойных, или просто незадачливых. И такие прозвища обычно приплетались к полуимени: «Ваня горький», «Логушка-горькун» и т. д. Это определяло их удельный вес.

А тут, вот-те на! Имя полное и прозвище — рядом так ярко выпячивались на показ всему миру. Это импонировало, являлось вызовом с неожиданных позиций. Читатели «Нового Времени», столбовые и прочие морщили нос, но масса приняла, быстро свылась и стала следить за его писаниями. Они были

¹ Писатель из крестьян. В 1899 году появился его сборничек «Стихотворения Крестьянина».

ярки и оригинальны. Главное — бодры, а это именно и требовалось в те дни, когда жизнь зашла в какой-то серый тупик.

А когда узнали, что Горький из низов, чуть ли не из босяков, — популярность выплеснулась из городских рамок: о Горьком через учителей и первых грамотеев узнала деревня. Но узнала своеобразно, так как сочинений его не читала. Интересовала судьба, удача; по крайней мере, в пятнадцати верстах от города, в моей родной деревне—горьким, не просто горьким, а с прибавлением «Максим», окрестили моего товарища-запойника и он был очень доволен новым прозвищем. Напиваясь, что называется «до полного», он (мой сосед Михаил Фадеев) шел по деревне с будоражающим ночной сон криком:

— Эй, вы... дьяволы... деревня стоеросовая — встречайте! Эй! Максим Горький идет!

На побережьях Волги, где обычно ютится и «промышляет» деревенский и городской люмпен, появились довольно бойкие «стрелки». Эти обычно называли себя героями Максима Горького, просили «на построение косушки» и нередко хвалились:

— Максима-то не знать? Горького-то? Да мы же друзья закадычные! У Бугрова в ночлежке на одной наре спали.

В библиотеках-читальнях то и дело можно было слышать:

— Дайте-ка сочинения Горького!

Библиотекари отказывали. Сочинения нового писателя были у «благонадежных» и «почтенных» попечителей библиотек не в почете. В глубине мозгов осела мысль — Горький будоражит и революционизирует. И внешне отделялись фразами: «Допустить

Дом б. Киршбаума на Мартыновск. ул. Здесь А. М. жил в 1902—05 г.г.
Фото Иванова.

нельзя. Да и что хорошего — описывает босяков, воров и проституток». Потом, значительно позднее, самый захудалый паровоз на линии Нижний — Арзамас, перевозивший телячьи вагоны, какие-то досужие головы назвали (кажется, название сохранилось и по-сейчас) «Максимом Горьким».

Даже фабрики ушли, откуда ветер дует и где можно стяжать барыши, и уже не для увеличения славы

писателя или признания его писаний, а ради барышей выпустили папиросы «Максим Горький» — с портретом...

В комнатухах городской интеллигентной бедноты, рядом с портретами Чехова и Короленко, появился на открытках новый любимый писатель и его первые томы — в издании Дароватовского-Чарушникова и т-ва «Знание».

Помню, когда я пришел в первый раз зимой 1899—1900 года к сотруднику «Нижегородского Листка» Н. А. Скворцову за критикой на свои стихи, Н. А-вич первым делом спросил меня: «А вы не познакомились еще с Горьким?» — «Нет, но очень хотел бы», — ответил я. — «О, это я устрою, — обещал Ник. Алекс. — «Он толк в стихах знает. Быть может, дадите что-нибудь из прозы — тут уж лучше его и не подыскать».

Знакомство состоялось 29 февраля 1900 г., это я твердо запомнил. Было пасмурное холодноватое утро, город еще спал, когда я и мой друг-учитель Василий Андреевич Завьялов позвонили на парадном горьковской квартиры. Жил писатель тогда на Полевой улице, в доме Курепина. Помню, отперла прислуга и повела наверх; помню, в прихожую выглянула из зала какая-то старушка с ребенком на руках, а мы стояли в прихожей и, обтирая ноги, переглядывались: «Однако, какую рань притащились... Спит, наверное, Горький». Стеснялись перешагнуть в гостиную, —

полы крашеные и чистые, не то что в наших хатах...

— А, вот и вы! Мне Николай Алексеевич говорил,— раздался вдруг басок.

Оглянулись: перед нами в раздвинутом угольнике портьеры стоял огромный парнище, немножко сутулый, длинноволосый и чрезвычайно приветливый. Его глаза, немного близорукие, излучали какую-то необъяснимую светлую ласку и пытливость: «А ну-ка, дескать, что вы за люди». Поражали тонкие белые пальцы, уверенность движений. Писатель был одет в темную блузу, перетянутую тонким ремешком, на ногах — кавказские бурки.

— Вот... проходите! — пробасил он и распахнул портьеру.

Мы прошли в гостиную. Василий Андреевич скромненько уселся на стуле около двери, а я опустился рядом с Горьким — он так хотел — на клеенчатый диван, стесняясь своего шубняка и огромных измызганных валенок, в которых я ездил в лес, ухаживал за скотиной и — за неимением другой обуви — посещал учителей. Горький не дал мне и опомниться, заговорил, весело, уверенно, засыпал вопросами.

— Ну, рассказывайте про деревню. Что мужики, как настроение?

Волнуясь, с прилившей к лицу кровью, я стал рассказывать. Он слушал и поглядывал мельком на мой шубняк, красные рабочие руки, обмызганные валенки. Что-то соображал.

— А читали вы что?

— Много пестрого: Гуак, Бова, затем Пушкин, Толстой, Тургенев, Некрасов.

— Ого... Кто снабжал?

— Лубок покупал сам, когда приезжал с сеном в город. Потом перешел на книжки «Посредника». Ну, а настоящее... получал от учителей.

Алексей Максимович благодарно улыбнулся в сторону Завьялова.

— Ну, а еще?

— Короленко, Глеба Успенского и... случайно... вас...

Горький поднялся, шагнул к книжному шкафу и, роясь в книгах, заговорил:

— Этого мало, конечно. Вам нужно, знаете ли, прочитать много основного... А то — обрывки: Гуак и — Тургенев. На что это похоже! Впрочем, я сам так начал. Вам про другие страны хорошо бы прочитать... Вы из этого, что читали?

— Араго...

— Араго устарел. Гвинея, Сандвичевы острова и прочее. Про дикарей и матросов больше, но нет того, что нужно нам. Вы понимаете? Нужно знать, как живут культурные народы, как они управляются, как достигли новой жизни... Вот!

Горький ввернул мне кипу новеньких еще не разрезанных книг — серию «Как люди на белом свете живут» — Водовозовой. Тут были германцы, фран-

цузы, итальянцы, англичане, испанцы. Брошюрка Тимковского «Про Авося и Небося».

Простые книги — это я знал, но какие нужные и какой умелый подход! Тут уж я наверное узнаю, как живут крестьяне и рабочие заграницы, какие у них порядки и чета ли нашим.

А Горький ласково внушал:

— Книги вроде камешков. Вы кладите их на дороге, когда наметите путь. Помогает. Дороги у нас грязные, трудные, а книга — опора. Идите по ним вперед.. Не останавливайтесь, — это вредно. От простых перейдете к сложным. А вы читали историю?

— Карамзина?

— О, нет... настоящую историю. А Карамзин, — тут Горький запнулся, подыскивая выражение. — Его история — лирика верноподданного, но не история, нет. Я вам приготовлю Трачевского. Ключевский для вас пока сложен.

— Но я надеюсь получить потом и Ключевского?

— Непременно! Вы будете приходиться ко мне за книгами. А теперь покажите мне ваши стихи!

Я передал Алексею Максимовичу лист бумаги, свернутый в трубку. Он развернул и сутуло уткнулся в рукопись. Я застыл. Вспомнилась мысль Эмерсона (у Скворцова я уже прочитал Эмерсона, Шелгунова, Писарева, Эмануила Канта и Шопенгауэра). «Глупую и ненужную вещь вы узнаете с первых пяти строк, а дальнейшие десять покажут, стоит ли читать ее до конца».

Уф, это хорошо — Горький читает, кажется, до конца — догадался я и переглянулся с Завьяловым. Тот улыбнулся. Дело шло к развязке.

Горький распрямился и сурово сказал:

— Это ничего... вытанцовалось, знаете. Но есть неправильные ударения. Вот вы пишете снег кружётся, а нужно кружится... Но это пустяки. Главное в целом. И потом, зачем эти длинноты и сугубое желание поучать? В стихах это не годится. Там музыка, образность, сжатость формы, прежде всего.

Я слушал.

— В «Жизни» у Поссе... возможно, напечатаем. Толстый ежемесячник. Вы только скажите, сколько вам лет и где вы сейчас.

Я сказал, прибавив, что с завтрашнего числа поступаю в батраки, в барскую экономию.

Горький чуточку задумался.

— Это ничего, что в батраки. В батраках, знаете, понаблюдайте жизнь. Пригодится. А там — перетащим в город.

Вышел я от Горького глубоко взволнованный, радостный, счастливый. Шел, не замечая улиц, прижимая к груди кипу книг, думал:

— Да, это не чета тем, — я вспомнил многих, кого читал: я бы к тем и не решился идти... А если бы и пошел, как бы приняли? А этот — свой, весь свой!

На другой день я был в экономике, бросал навоз на дровни, набивал парники, мотыжил чернозем и

запивал все это кипятком, купаясь в клубах пара и аммиака. Образ писателя, ласковый и сильный, витал передо мной.

А вечером читал батракам о том, как живут другие люди на белом свете и завидовал:

— А мы-то как?

Батраки сравнивали свое и чужое и крыли матом свое...

Успех Горького был исключителен. Потом нечто подобное произошло в судьбе другого писателя — Леонида Андреева, но это было уже не ново. Горький пришел один из первых и во-время: страшно надоело ныть, хотелось новых бодрых мотивов, неукротимо бунтующих людей, полета Сокола и песни Буревестника. Бури не чувствовалось, но ее ждали и о ней говорили. Сормовской рабочий Заломов, вышедший с горсточкой рабочих под красным знаменем, был ранним буревестником, потом он прозябал где-то в Якутке, а жизнь стояла, как болото.

Но это казалось внешне и в масштабе всей Руси, внутренне же и на отдельных участках, в тайных уголках копился горючий материал. В городе и заводе (в Сормове) собирались на конспиративные читки. Плехановская «Искра» зачитывалась до дыр. Отпечатанная на рисовой бумаге, она приносилась рабочими в складках одежды. В случае налета полиции, весь номер газеты можно было в два счета разжевать и проглотить, что иногда и случалось.

Рабочие раскачивались и на их раскачку с усиленным вниманием смотрел Горький. Говорят, он изредка наезжал в Сормово. Возможно, но должно быть слишком конспиративно. За ним, повидимому, была установлена здоровая слежка и он знал это. Тогда им был избран другой путь: рабочие, не все, конечно, а их цвет, — стали усёрдными посетителями «Максима», получали от него советы, литературу, материальную помощь... Горький притягивал к себе, как магнит, лучшие силы завода и города; прощупывал и деревню в лице ее учителей и таких пареньков, как я; это был материал, это же был и показатель: чем живет, как живет рабочий, горожанин, мужик, насколько и на каких участках мы больше созрели, какие предпосылки и возможности у нас к великой буре, которая неизбежно придет, движимая законом железной диалектики...

Однажды, когда он поближе узнал меня, я его спросил:

— А что вы скажете про сормовских рабочих-поэтов: Семена Тихого, Алексея Корицина, Лихачева?

— А разве есть такие?

— Есть.

— Скажите, чтобы зашли ко мне. А скажу вот что про поэтов вообще: если поставят, прежде всего, дело жизни, а с делом свяжут живыми связями поэзию — толк выйдет. Отвлеченности, дидактика — смерть для поэзии. Поэзия — образ, музыка, битва,

все оттенки пульса жизни, но только не схоластика. Вы помните, есть у Бальмонта строки:

Я спросил у могучего Моря,
В чем великий завет бытия?
Мне ответило звучное Море:
«Будь всегда полнозвучным, как я».
Я спросил у высокого Солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари?
Ничего не ответило Солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

Горький любил цельность, полнокровность, активность и был врагом интеллигентской дряблости. Об интеллигенции он говорил много отрицательного, но строго отличая активизирующих от нытиков... Активники ему импонировали, нытики были противны.

— Сморчки, — говорил он про нытиков, — напичканы всякой интеллигентской белибердой. Дачники, могущие только сорить, но не умеющие взять в руки даже метлу. Революция пройдет через их лысые головы огненным валом, а они присядут на карачки... Я думаю, что многие поползут в кусты и не сохранят даже собственных штанов... Революцию они не смогут направить. Правда, активники уцепятся за нее, ухватятся и, если бесстрашны, могут встать впереди. Но таких мало. Большинство расползутся в свои норы. Если революция сорвется — они бросятся в мистику, в богоискательство и разные мелкие делишки.

— Вы здесь еще строже.

— Э, знаю я их! — с досадой произнес Горький. — Есть, знаете ли, такие яйца-болтуны под клушкой. Сидит над ними клушка, высиживая цыплят, а выси- деть никак не может. Бабы называют их жировыми, а биологи неоплодотворенными, без зародыша. Болтуны могут протухнуть и — только.

Раз за чаем Алексей Максимович подмигнул Ски- тальцу:

— Ну-ка, Степа, как там, по Лермонтову?
Скиталец забасил:

На севере диком, на голой вершине,
Стоит одиноко сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой
В том крае, где солнца восход,
На голом утесе, на пальме прекрасной
Без ризы болтается поп.

Все засмеялись, веселее всех — «Максимыч».

Раз мы зашли к Алексею Максимовичу с сормов- ским поэтом Семеном Тихим. Наш приход совпал с посещением Горького Леонидом Андреевым. Ан- дреев приехал накануне из Москвы, переживая первые ощущения своей молниеносной славы. Горького мы застали одного в его кабинете, выходящем окнами на Мартыновскую ул. (дом Киршбаум). Максимыч

сидел за столом, заваленным толстыми справочниками, словарями и рукописями.

— Вот, пояснил Горький, — знакомлюсь в подлинниках с японской литературой. У нас ведь нет переводов с японского, но какой это чудный народ и какое оригинальное творчество!

Вошел кто-то из домашних и спросил, не проснулся ли Леонид Николаевич (Андреев).

Было около 12 час. дня.

— Спит, — понизив голос, кивнул Горький на соседнюю комнату: спит сном праведника.

Так мы и ушли, не повидав Андреева в этот солнечный день, но зато подсмотрели остро жизнерадость Максимыча, его жажду бытия, знания...

Предпоследний раз я видел Алексея Максимовича на елке для детей городской бедноты, в манеже. Максимыч был нежно-чуток и ласков с детишками, окружавшими елку в своих бедных нарядах.

Но и ласково-чуткий, он временами сдвигал сурово брови. Радость нищих малюток тревожила его раны. Он видел жилища детей: подвалы, мансарды; наблюдал сиротство, забитость... и не забывал торжествующие верхи, сытую подлость тупоумных держателей ужасного строя...

В последний раз я зашел к «Максимычу» чуть ли не накануне его отъезда из Нижнего. Среди интелли-

генции готовились «провода» Горького. На эти провода я не попал, но зато в последний вечер перед его отъездом получил из его рук все томы его сочинений с надписью: «С пожеланием учиться и работать. М. Горький».

Больше я Горького не встречал. Но однажды, через 12 лет, получил от него письмо в ответ на мое. Он, между прочим, писал: «Действительность любопытнее всяких выдумок. Следите за ней, пишите».

Вскоре развернулась революция 1917 г. и с Горьким я потерял всякую связь. А жаль... Такие яркие и оригинальные люди встречаются в жизни редко. Особенно редко встречались они 25 лет назад, в тяжелые годы все обезличивающей дореволюционной духоты.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГОРЬКОМ

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШАГИ М. ГОРЬКОГО В НИЖНЕМ- НОВГОРОДЕ

В. Н. Золотницкий.

Мое знакомство с М. Горьким началось в 1892 году у писателя А. А. Дробышевского.

По приезде в Н.-Новгород, я вскоре познакомился с литераторами и пишущей братией и многих из них, как врач, тогда лечил. Пишущей братии в 90-х годах в Н.-Новгороде и губернии было очень много (по анкетным листкам С. А. Венгерова зарегистрировано было более 300 человек) и большей частью, как тогда говорили, из лиц «с цензом», т.-е. «политически неблагонадежных». Большая часть их служила в земствах, занимаясь статистикой и проч.

Н.-Новгород тогда, благодаря присутствию здесь Гацисского А. С. (пионера провинциальной прессы), В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского, привлек очень много идейных общественных деятелей. Среди них были и толстовцы, и народники, народовольцы, анар-

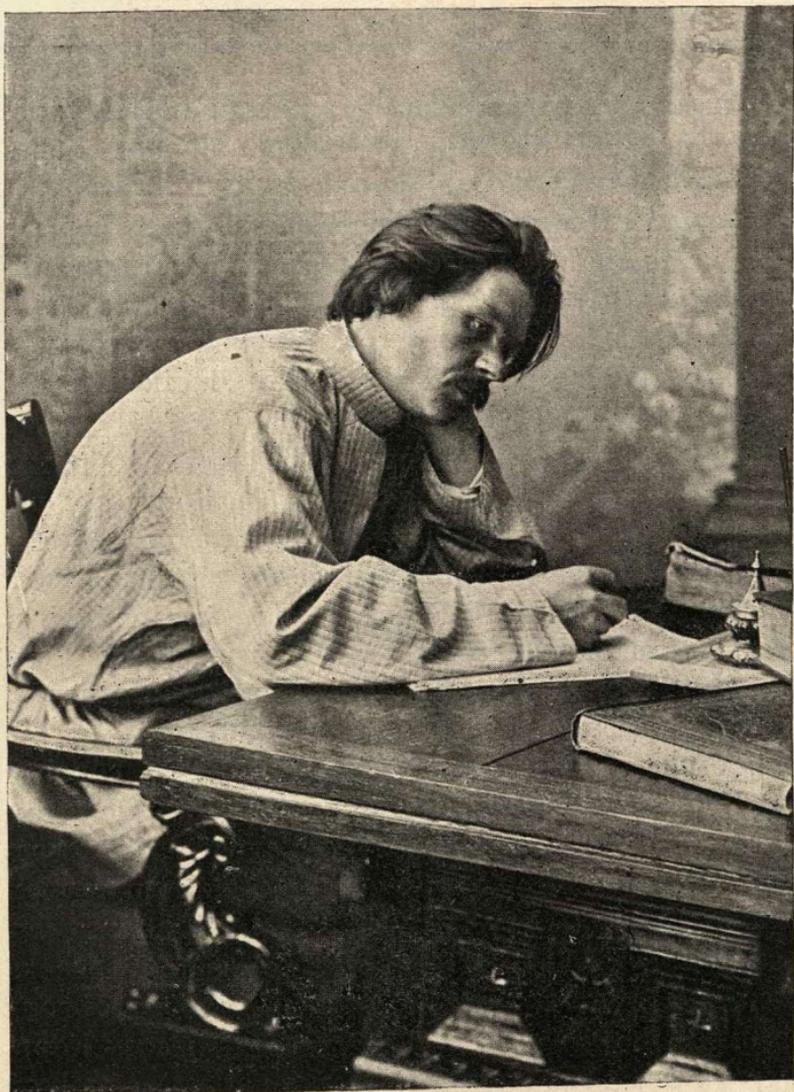
хисты и марксисты. Первый кружок марксистов, во главе со Сковрцовым П. Н., Григорьевым М. Е., Гольденбергом, Ваневым и Сильвиным, организовал тогда марксистские кружки среди рабочих на Курбатовском заводе и на Канавинской фабрике гарного масла (с участием Крюковского). Начиналось пробуждение рабочих и других фабрик и участие их в революционных кружках.

В это время — в 1893 году — из своего длинного и интересного путешествия по Руси, Украине, Бессарабии, Крыму и Кавказу А. М. Пешков вернулся в Нижний. Вернулся он на родину молодым человеком 25 лет, с литературным именем «Максим Горький».

В 1892 году А. М. Пешков, по паспорту — нижегородский цеховой малярного цеха, в тифлисской газете «Кавказ», в № 244, от 12 сентября, поместил свой рассказ «Макар Чудра», который был подписан псевдонимом «Максим Горький».

Когда М. Горький вернулся в Нижний, здесь издавалась одна газета — «Волгарь»; «Нижегородский Листок» стал выходить позднее. Секретарем «Волгара» некоторое время (пока администрация не отстранила его) состоял известный в Поволжья газетный работник А. А. Дробышевский (Уманьский), друг и приятель Короленко.

В «Волгаре» через А. А. Дробышевского было помещено несколько мелких рассказов М. Горького и два больших: «Павел Горемыка» и «Архип и Ленька».

М. Горький (1901 г.).

Фото М. Дмитриева.

Эти первые нижегородские рассказы, кроме «Архипа и Леньки», до сих пор еще не вошли в полное собрание произведений М. Горького.

М. Горький в это время печатал также свои первые рассказы в казанской газете «Волжский Вестник», где сотрудничал и В. Г. Короленко, и в «Русских Ведомостях». Начиная с 1896 г., М. Горький деятельное участие принимал в «Нижегородском Листке», помещая рассказы и фельетоны.

А. А. Дробышевский первый в Нижнем обратил внимание на талантливые рассказы М. Горького, перепечатав при этом в «Волгаре» 26 октября 1893 г. и его рассказ «Макар Чудра» из газеты «Кавказ».

Впервые я увидел М. Горького у А. А. Дробышевского, когда он приходил к нему на частную его квартиру со своими рукописями (Прядильная улица, позади нынешней первой амбулатории).

Дробышевский при мне неоднократно говорил В. Г. Короленко о начинающем талантливом молодом писателе — Горьком. М. Горький в своей автобиографии считает своим главным учителем в литературном отношении В. Г. Короленко.

Случайно мне пришлось быть очевидцем первого урока Короленко М. Горькому. Дело было в 1894 году в воскресный день, осенью, когда я пришел к Короленко (в дом быв. Лемке, на Канатной ул.). Алексей Максимович днем принес ему для чтения начало своего рассказа «Челкаш». Долго продолжалось (около

двух часов) чтение, разбор и пояснение первых глав этого рассказа. Я сидел с семейными В. Г. в комнате, смежной с кабинетом, откуда доносились и чтение А. М., и пояснения, и замечания Короленко, — его спокойная, мягкая, ласковая речь.

Около 4-х часов дня Короленко с М. Горьким вышли из кабинета в прихожую. Наступало время обеда. Короленко ласково приглашает А. М. остаться и отобедать у них, но тот отказывается и благодарит за любезное приглашение. Прощаясь с Горьким, В. Г. сказал:

— Алексей Максимович, у вас, несомненно, большой литературный талант. Займитесь серьезно. Приходите в следующее воскресенье, будем продолжать чтение.

А. М. был в обычной своей черной блузе, подпоясанный ремнем, и казался усталым и несколько смущенным.

За обедом В. Г. с большим восторгом говорил присутствующим о громадном таланте приходившего молодого человека и предсказывал ему скорую литературную славу.

Так и случилось. Рассказ «Челкаш» М. Горького был помещен в 5-й книжке «Русского Богатства» за 1895 год, а через 6 — 7 лет после этого литературная слава Горького гремела не только у нас, но и за границей.

Но до этого Максиму Горькому пришлось очень много и напряженно работать, пережить немало житейских невзгод и волнений. Пришлось некоторое время жить в ужасных санитарных условиях, в бане, и не одному, а с любимой дамой (первая любовь), и усиленно работать в этой обстановке, чему я был очевидцем. Здесь им писались: «Челкаш», «Старуха Изергиль» и «Ошибка».

И в такое время успевал он заниматься еще и философией пессимистов: Гартмана, Шопенгауэра и, особенно, Ницше. Книга последнего «Так говорил Заратустра» была его любимой и настольной.

Одно время ему хотелось постранствовать еще — попасть в экспедицию с известным ботаником профессором Красновым на Цейлон, в Индию, Китай и Японию, — но не удалось почему-то.

Когда М. Горький приобрел уже большую литературную известность — в 1901 году он вписал, в моем присутствии, в памятную книжку писателя Д. Городецкого следующее: «Указания и советы Короленко всегда были кратки, просты, но это были как-раз те указания, в которых я нуждался. Я много получил от Короленко добрых советов, много внимания, и если, в силу разных неустранимых причин, не умел воспользоваться его помощью, — в том моя вина и печаль».

По совету В. Г. Короленко, Алексей Максимович год работал в Самаре (с 15 мая 1895 г. по 15 мая 1896 г.) — сотрудничал в «Самарской Газете», давая

почти ежедневно фельетоны и пр. Там же написано было им до 20 рассказов. Фельетоны свои А. М. подписывал псевдонимом «Иегудиил Хламида». На поставленный однажды мною вопрос: кто же был человек с такой оригинальной фамилией, — А. М. ответил мне, что это — по легендам — имя и фамилия одного из 12 первосвященников, судивших Христа, который высказался за оправдание его.

Сказочно быстро М. Горький получил мировую известность. Мало примеров в мировой истории литературы такого быстрого успеха. Тем более удивительно, что в первую половину своего жизненного пути М. Горькому пришлось быть в неблагоприятных условиях. Тяжелая суровая жизнь в детстве и юности. В начале литературной работы приходилось жить в нужде и часто страдать легочной болезнью. После сквозного ранения легкого, при попытке к самоубийству в 1887 году в Казани, у М. А. часто бывали обострения его основной болезни — туберкулеза легких. Особенно тяжело, опасно он страдал этой болезнью в конце 1896 и начале 1897 г.г.

Несмотря на все это, продуктивность его работы всегда была высока. Мне приходилось наблюдать, что даже с температурой 39° он иногда писал рассказы. Художественное творчество давалось ему значительно легче, чем его учителю В. Г. Короленко.

Через 5 лет после «Челкаша» — в 1898 г. — выходит уже собрание очерков и рассказов М. Горького в 2-х

томах, в 1899 г. — 2-е издание их, в 1901 г. — третье, в 3-х томах. Потом все новые и новые издания (с громадным тиражем и увеличением количества томов). Появившиеся в 1901 и 1902 году его драматические произведения «Мещане» и «На дне» тоже имели громадные успехи. В то же время его произведения переводятся на иностранные языки, о нем пишут книги, ведутся диспуты.

Многих удивляло, что он не проходил ни средней, ни высшей школы. Да, университетом ему служила сама жизнь. Своим мощным, оригинальным умом Горький упорно старался решать сам поставленные ему жизнью социальные вопросы. При ненасытной жажде знания и просвещения, благодаря колоссальной силе воли и характеру, ему многого удалось достигнуть.

Он всегда верил в творческие силы и мощь пролетариата и его конечную победу. Он, как буреветник, вестник пролетарской революции, верил в это еще в 1901 г., живя в Н.-Новгороде. Об этом не раз высказывался в разговорах среди знакомых и на страницах своих произведений. После 9-го января 1905 года он еще более уверовал в эту победу. Так, в одном из писем в Н.-Новгород А. М. тогда писал: «Держу пари на миллион золотом за непрерывность революции!».

*

КОГДА ОСОБЕННО ТЯЖКО БОЛЕЛ М. ГОРЬКИЙ

Как известно, основная болезнь М. Горького — туберкулез легких — давнишняя болезнь. Она несколько раз заставляла его жить и лечиться в Крыму, а за последнее время жить и за границей. Расположение к этой болезни было наследственное. Мать умерла у него от чахотки, отец, как передавали мне его родственники, уезжая на работу в Астрахань, сильно кашлял, и, повидимому, тоже страдал туберкулезом.

Неприглядная жизнь детства у А. М., тяжелая жизнь «в людях» и в Казани — все это располагало к заболеванию туберкулезом. В Казани, кроме того, в конце 1887 г., при покушении на самоубийство, у А. М. левое легкое было прострелено насквозь, а еще ранее, когда он работал поденщиком на пристани р. Волги, однажды он сильно был побит своим сотоварищем, проживавшим вместе с ним в оставленной сторожке (дубиной). Затем, как известно, летом 1891 г. он сильно был побит, при этом в грудь — в с. Кандыбовке, Херсонской губ., когда заступился за избиваемую женщину.

В 1894 году у А. М., тогда проживавшего в Н.-Новгороде, мне, как врачу, приходилось наблюдать ясные признаки существования этой болезни в верхушках легких.

Как известно, в 1895 году он уезжал на год в Самару, где ему приходилось очень много и спешно

работать в «Самарской Газете» и для журналов. Из Самары он возвратился в Нижний летом 1896 года сильно переутомленный, без отдыха. В Нижнем А. М. сразу становится деятельным сотрудником «Нижегородского Листка». Здоровье его стало сильно ухудшаться, процессы хронические в легких обострились. Особенно опасным и даже угрожающим жизни было положение его осенью 1896 г. Туберкулез верхушек легких сильно обострился и стал распространяться на средние доли легких и осложнился плевритом. В левой верхушке в это время наблюдался процесс, с некоторой потерей легочной ткани и образованием каверн. Более 3 месяцев стоял довольно сильный жар по вечерам, доходя иногда до 39 градусов. Были проливные ночные поты.

Несмотря на повышенную температуру, А. М. нередко брался за перо и читал от скуки книги. Помнится, однажды при сильном жаре он написал прелестный фельетон. Правда, в то время отчасти нужда заставляла его братья за перо. Его нижегородские друзья, за безденежьем, не имели возможности давать ему ссуды на проживание. Это, конечно, влияло на настроение и ход болезни. Молодая, симпатичная супруга А. М. — Екатерина Павловна во время болезни употребляла все усилия и старания, чтобы вселить в мужа бодрость и облегчить его страдания.

Жили они тогда (на Вознесенской ул., на углу улицы Гоголя) в скромной, маленькой квартире. Видно

было, что Екатерина Павловна тяжело переживала болезнь мужа, но находила силы, чтобы поддерживать его бодрость. Правда, А. М. всегда отличался гигантской силой воли. Во время болезни часто навещал его приехавший из г. Минска А. Е. Богданович, интересный собеседник-диалектик, который хорошо поддерживал его дух и настроение. А. М. тоже любил подиспутировать. Беседы их касались и литературных, и общественных, и даже философских тем. А. М. интересовался в это время философами-пессимистами: Шопенгауэром, Гартманом и, особенно, Ницше. В небольшой библиотечке А. М. среди других книг были книги этих философов, а также интересовавшие его книги — епископа Хрисанфа «История религий Востока», «Библия», в которой ему особенно нравилась «Песнь песней».

Навещали тяжело больного А. М. и друзья-приятели: присяжный поверенный Н. А. Ланин, учитель С. В. Щербаков и друг. Лично я, как врач, лечивший А. М., сознавая всю серьезность тогдашнего положения больного и боясь за возможный печальный исход, устраивал иногда консилиумы с другими врачами. Очевидно было, что в данном положении А. М. могло спасти только санаторно-климатическое лечение. За средствами для поездки на лечение в Крым А. М. и обратился в Питер в литературный фонд. Мною тогда посланы были письма бывшим нижегородцам, членам правления литера-

турного фонда: В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненскому, с приложением медицинского свидетельства о тяжести болезни и настоятельной необходимости лечения А. М. в санаториях Крыма. Литературный фонд на лечение тогда назначил ему, не в пример прочим, 800 руб. Очень кстати тогда же он получил 150 руб. гонорара за напечатанный рассказ «Коновалов».

12 января 1897 года тяжело больной А. М. отправился на лечение в Крым. Сначала в Крыму, как писали, болезнь плохо поддавалась лечению, плевриты его сильно упорствовали. Вся грудь у него была обставлена мушками. В начале мая А. М. из Крыма, для продолжения лечения, перебрался в Полтавскую губ., в с. Мануйловку, на хутор доктора Орловского. Мягкий климат Малороссии, покой, хорошее питание и дружеское отношение к больному гостю благоприятно повлияли на перелом болезни к лучшему. В Мануйловке А. М. прожил до глубокой осени, а на зиму переехал к своему приятелю Н. З. Васильеву, в Тверскую губернию, на писчебумажную фабрику Кувшинова.

Ранней весной 1898 г. А. М. возвратился в Н.-Новгород. Я нашел его сильно пополневшим и прекрасно поправившимся, с ликвидацией многих серьезных проявлений бывшей его опасной для жизни болезни. Можно сказать, что продолжительное житье в Малороссии и Крыму спасли А. М. от грозившей ему смерти.

Впоследствии у А. М. еще не раз бывали обострения болезни, которые временно мешали ему работать.

За последние годы, очевидно, туберкулезный процесс в легких замолк. Можно надеяться, что в будущем от туберкулезного процесса в легких А. М. более или менее серьезно не пострадает. Несколько лет тому назад (в 1923 г.) писали в газетах, что рентгеновские снимки указывали на зарубцевание легких, после их изъязвлений, и находили сращение их рубцами с окологердечной сумкой с левой стороны (от поранения пульей). Кстати упомянуть, почти у всех пожилых писателей имеется налицо страдание сердца. В этом отношении не составляет, конечно, исключения и А. М.

Туберкулезный процесс легких, длившийся у А. М. десятки лет, нисколько не помешал его плодотворной литературной работе, как и у знаменитого критика Белинского.

Со времени сближения Ленина с М. Горьким, Ильич всегда проявлял трогательную заботливость и участливое отношение к писателю во время ухудшения болезни у А. М., как это видно из их переписки. Так, 30-го сентября 1913 г. Ленин писал А. М.:

«То, что вы пишете о своей болезни, меня страшно тревожит. Хорошо ли вы поступаете, живя без лечения на Капри? У немцев есть превосходные санатории, где лечат и излечивают вполне легочные недо-

могания, добиваются полного зарубцевания, откармливают, затем приучают систематически к холоду, закаляют от простуды и выпускают годных, работоспособных людей. А вы после Капри зимой — в Россию??? Я страшно боюсь, что это повредит здоровью и подорвет работоспособность. Право, с'ездите-ка вы к первоклассному врачу в Швейцарию или Германию (я могу узнать имена и адреса), — позаймитесь месяца 2 с е р ь е з н ы м лечением в х о р о ш е й санатории. А то расхищать зря казенное имущество, т.-е. хворать и подрывать свою работоспособность — вещь недопустимая во всех отношениях».

14 ноября 1913 г. Ленин писал А. М.: «Лечитесь серьезнее, право, чтобы зимой можно было ехать б е з п р о с т у д (зимой опасно)».

Последний от'езд Алексея Максимовича за границу для лечения (в 1922 г.) ускорен был под настойчивым влиянием Ильича.

ПРОВОДЫ ГОРЬКОГО В КРЫМ

А. Е. Богданович

Я остановлюсь только на одном эпизоде' из нижегородской жизни Алексея Максимовича: проводах его в Крым 7 ноября 1901 года.

После выхода из тюрьмы по делу о покупке в Питере мимеографа, А. М. все время находился под гласным надзором полиции — в Нижнем — в ведении, главным образом, пристава Пиккара, который выдавал себя за родственника известного французского каррикатуриста Каран д'Аш'а. Пикантно, если это верно.

После первой поездки в Крым в 1897 г. Алексей Максимович возвратился в Нижний неузнаваемым: кашель прошел, температура установилась нормальная, каверны закрылись. Он, впрочем, приписывал этот благоприятный результат не Крыму (последний он ругал и в письмах ко мне и в устных рассказах), а пребыванию в Полтавщине, на Псле. Как бы там ни было, но результат был хороший.

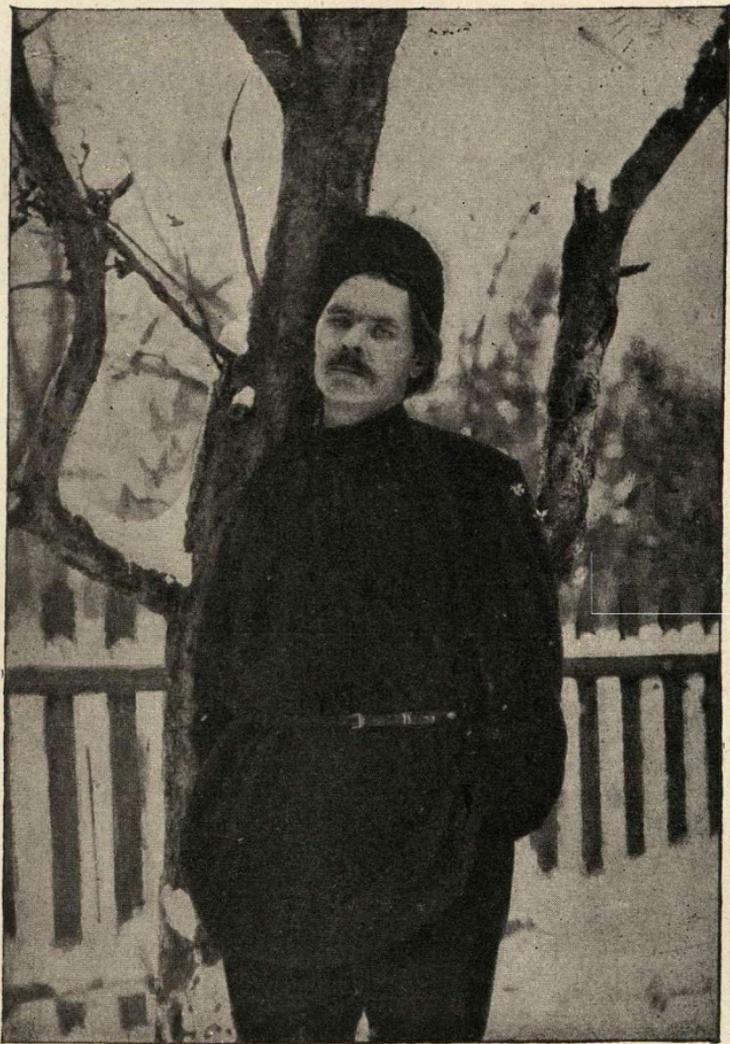
Однако, дальнейшие передраги, как двухкратный арест, сиденье в тюрьмах, допросы — повели к тому, что здоровье его вновь стало внушать опасение. Опять рекомендовалась врачами поездка в Крым. Для этого нужно было разрешение начальства, которое, впрочем, было дано без особых затруднений. Удельный вес писателя был совершенно иной, чем это было при аресте по тифлисскому делу.

Нижегородская либеральная и радикальная интеллигенция, которая небезучастно следила за всеми перипетиями истории с арестом, решила воспользоваться предстоящей поездкой, чтобы более живо выразить свои симпатии писателю.

По инициативе, возникшей в кругу присяжной адвокатуры, журналистов и земцев, было решено устроить в честь его банкет, — форма чествования, единственно в то время мыслимая и возможная, — конечно, с разрешения полиции, которая, надо думать, не без опаски дала это разрешение.

Для банкета была выбрана большая зала в ресторане Филимонова на Рождественской, в доме Блинова. Чтобы сделать банкет общедоступным, плата была назначена невысокая, кажется, по 1 рублю с участника.

Банкет состоялся вечером 6 ноября, накануне отъезда. Обширная зала была кругом уставлена столами и оказалась переполненной. Весь цвет либерализма был налицо. Но много было народу (и мужчин, и

М. Горький (1902 г.)

женщин), которые обычно держались особняком, в своем замкнутом кругу. Это были местные радикалы — «серые» и «седые», как у нас первоначально называли эсэров и эсдеков. Все это люди малоизвестные — служащие земства, разных частных обществ, которыми был так богат Нижний, — а также студенты, курсистки. Они заняли отдельные столы по окраинам, видимо, группируясь свой к своему.

Один из остроумцев, покойный Г. Р. Килевейн, обозревая группировки, сказал, указывая на центральный и окраинные столы: «Это жирондисты, а это сплошь монтаньяры. Достанется от них когда-то жирондистам».

А. М-ча увлекли за срединный стол к «жирондистам», где разместились отборные либералы: земцы, адвокатура, врачи и т. п.

Чествование началось с поднесения адреса, написанного и прочитанного покойным присяжным поверенным А. В. Яворовским, блестящим оратором, хорошим стилистом. Адрес был составлен в тоне писаний А. М., — вернее, был скомпанован ловко из отрывков и цитат, взятых из его произведений, с лейтмотивом: «Безумству храбрых поем мы славу». Чтение адреса было покрыто долго не смолкавшими аплодисментами.

Но вот встает оратор «Горы». Это был впоследствии небезызвестный революционер Колосов—большой поклонник и популяризатор Н. К. Михайловско-

го, недавнего «властителя дум» молодого поколения. Это была чисто революционная речь. Она явилась как бы ответом на адрес, составленный «жирондистами». Она также цитировала произведения писателя, но была построена на тему: «Рожденный ползать — летать не может», т.-е. явно в пику «жирондистам». Речь вышла далеко за пределы цитат. Она клеймила насилие, которым подвергся писатель, она звала к смелому протесту, к отпору, к сопротивлению... Речь горячая, резкая, убежденная. Она возбуждала, волновала — и не могла не волновать. И прежде всего взволновала она Алексея Максимовича: он слушал напряженно, с нахмуренными бровями и с краской на лице.

Тон был дан. А дальше пошло как бы состязание между «жирондистами» и «Горой», нечто вроде «антифонов». Речь из «Центра», красивая, иногда изысканная, — вызывала отклик среди «монтаньяров» в повышенных, резких тонах.

А. А. Савельев, председатель губернской земской управы, шутливо заметил, обращаясь к соседу:

— Где мы сегодня ночевать будем?

После речи Колосова, А. М. сделал знак, что хочет говорить.

— Говорить я не умею, — сказал он, — а в ответ на те речи, которые я слышал здесь, я прочту вам свой последний рассказ.

— Просим, просим! — закричали кругом.

Развернув рукопись, он, взволнованный, но твердый и решительный, начал читать, изредка вскидывая глазами на слушателей, словно желая убедиться — какое впечатление производит рассказ. Рассказ назывался — «О писателе, который зазнался». В последнем издании сочинений я не нашел его, как и некоторых других.

Рассказ был написан в риторических тонах, вроде его же «Человека», но в обличительном духе и явно был направлен против интеллигенции, которая-де только болтает, а ничего не делает.

Впечатление от чтения, разумеется, было разное: «монтаньяры», не принимая сатиры на свой счет, неистово аплодировали, а «жирондисты» отнеслись очень сдержанно и, видимо, были недовольны таким ответом на их приветствия.

Когда уже встали из-за столов и разбились на группы, обмениваясь впечатлениями, А. М., видимо, в приподнятом настроении подходил то к одной, то к другой группе и принимал участие в разговоре, отвечая на задаваемые вопросы. Одна девица сказала ему:

— Что это, А. М.: мы вас чествуем, а вы нас ругаете?

Он ответил:

— За дело. Или, вернее, за безделье.

Только к часу ночи участники разошлись по домам.

На следующий день должен был состояться отъезд А. М. с семьей.

Так как Ока только-что стала и переправа была еще не вполне безопасной, то было решено переправиться засветло, днем. Так и сделали. Поезд отходил в 6 час. вечера, а мы выехали в час дня и обедали на вокзале.

К 5 часам вокзал начал наполняться не столько пассажирами, сколько учащейся молодежью обоего пола. И вчерашние «монтаньяры» были почти все налицо. «Жирондисты» отсутствовали.

Зал густо наполнился молодежью. Среди молодежи шныряли два жандарма, почуяв, повидимому, демонстрацию. Но их было только два. По случаю праздника архистратига Михаила (8 ноября), избранного патроном жандармов и городских, все блюстители порядка отправились ко всеобщей: некому было «тащить и не пущать».

Но вот двое молодых людей, войдя в столовую, где сидел А. М. вместе с семьей и провожавшими, попросили его пройти в зал: собравшаяся молодежь хочет с ним проститься.

Когда он вышел, молодежь его плотно окружила, и какой-то реалист стал читать прерывающимся голосом адрес.

— Смелее, Ваня! — крикнули сзади. Голос чтеца окреп, и он твердо дочитал до конца адрес, составленный в духе вчерашних «монтаньярских» речей.

По тогдашнему времени — это был подвиг.

Пока читали адрес и пока А. М., поцеловавшись с оратором, коротко отвечал на него, из толпы — то в одном, то в другом месте — фонтаном взлетали ввысь прокламации, сложенные треугольниками, как салфеточки. Публика подбирала их, и жандармы любопытствовали; но никаких шагов противодействия не предпринимали: видимо, были застигнуты врасплох.

Но кто-то из охранников догадался: преждевременно дан был первый звонок к отходу поезда, вслед за ним, с очень коротким перерывом, второй... Поднялась суматоха. Толпа демонстрантов, увлекая с собою А. М., с пением «Отречемся от старого мира» — стала тесниться к выходу.

Екатерина Павловна и я, с детьми на руках, стали пробиваться туда же. Демонстранты с пением, тесно окружая А. М., прошли вдоль перрона до самого паровоза; затем, видя, что дальше идти некуда, повернули назад, — и тут А. М. присоединился к своим и попал, наконец, в вагон.

Два жандарма стали около подножек.

А. М. обратился к демонстрантам с прощальными словами, но третий звонок заглушил его голос. Свисток — и поезд тронулся под крики:

— Да здравствует Максим Горький! Долой насилие! Да здравствует свобода!

Когда же демонстранты стали выходить с вокзала, то уже появился жандармский офицер и несколько жандармов. Их, надо думать, наспех отвлекли от молитвы к более житейскому делу, не терпящему отлагательства. Они окружили демонстрантов и стали пропускать их в дверь по одному, переписывая на всякий случай.

Демонстранты же, выйдя с вокзала, построились в ряды и, выбросив красное знамя, двинулись через Оку с пением революционных песен, а в городе прошли по Покровкам, вплоть до Кремля.

Это была первая политическая демонстрация в Нижнем-Новгороде и, как первое звено в цепи демонстраций, которыми сопровождался проезд А. М. в Крым, надо думать, она не осталась без влияния на его последующую политическую ориентацию.

«ГОРЬКОВСКАЯ» ДЕМОНСТРАЦИЯ В 1901 Г.

В. В. Марковин

После месячного заключения в Нижегородском остроге по обвинению по 250 ст. УУ, — бунт против верховной власти, — А. М. Горький 17 мая 1901 года по болезни был освобожден и подвергнут домашнему аресту, который был снят через месяц.

К осени здоровье А. М. значительно ухудшилось и ему разрешено было выехать в Крым на лечение до апреля 1902 года.

7 ноября по проходному свидетельству А. М. вместе с семьей выехал из Н.-Новгорода.

Нижегородское общество было взбудоражено отъездом А. М. Все были уверены, что А. М. обратно в Н.-Новгород не вернется.

Среди либеральной части нижегородского общества решено было устроить проводы и организовать банкет в честь А. М.

Молодежь, с которой особенно тесно был связан А. М., участия в банкете не принимала. Устроители

очень боялись революционного настроения молодежи и ее резких выступлений и потому принимали все меры к тому, чтобы молодежь на банкет не попала. Многие либералы ставили свое участие в банкете в зависимости от участия революционной молодежи.

Молодежь решила по своему проводить А. М. Значительной группой — студенты, курсистки, гимназисты, техники и учащиеся других учебных заведений города собрались на вокзале. Основную и наиболее активную группу составляли студенты, высланные в Н.-Новгород за участие в студенческих беспорядках. Поезд уходил вечером. На перроне собралось много провожающих А. М.

Не успел еще отойти поезд, как провожающих стали «просить честью» очистить вокзал.

Не вступая в пререкания, молодежь врасыпную покинула вокзал, сговорившись встретиться на сборном пункте—на М. Покровке, около редакции газеты «Волгарь».

Часам к 9 — 9½ группы демонстрантов потянулись к условленному месту, откуда и началась демонстрация. Ни знамен, ни прокламаций не было. Человек 100—150 молодежи совершенно беспрепятственно прошли с пением революционных песен и возгласами протеста по М. Покровке и Б. Покровке до Благовещенской площади.

Демонстранты шли посредине улицы. Пели и обращались к публике только тогда, когда образовыва-

лось на тротуарах значительное скопление народа. Демонстрация, которая ожидалась именно на вокзале, настолько была неожиданна в городе, что полиция, не имея распоряжений, не предприняла ничего, чтобы прекратить ее. Хотя не исключена возможность, что все силы была сосредоточены на вокзале и в городе остались лишь постовые и дежурные.

Публика сначала не могла понять, в чем дело, и, только узнавши, стала присоединяться. По пути следования группа демонстрантов увеличилась, примерно, человек до 300, не считая любопытствующих, сопровождавших демонстрантов по тротуару.

На Благовещенской площади был организован летучий митинг, на котором горячую речь, посвященную преследованию А. М. Горького и разъяснению смысла событий последнего времени, произнес Евгений Колосов. Дальнейших речей не было, торопились кончить демонстрацию до прибытия полиции и избежать жертв.

Когда на место происшествия явились наряды полиции, на площади никого уже не было. Никто из участников демонстрации арестован не был.

В последующие дни целый ряд лиц, как участвовавших, так и не участвовавших в демонстрации, по подозрению, вызывались в жандармское управление на допрос. Участники естественно вполне доказывали свое *alibi*, и виновных не оказалось, хотя аресты в городе и были произведены.

В демонстрации принимали активное участие: С. Моисеев, Л. Мукосеев, А. Сысин, Н. Рымаренко, Н. Орлов, С. Корсак, В. Затинщиков, Б. Марковин, М. Галонен, З. Свердлов, Н. Гурвич, Израэлит, А. Доброхотова, Н. Доброхотова, Н. Синева, С. Малиновская, А. Подсосова, Н. Писнячевская, Ю. Кольберг, П. Грацианов и много др.

Вскоре после этого, той же группой была организована вторая демонстрация — в городском театре, во время представления пьесы «Перед восходом солнца». Ко дню демонстрации было заготовлено большое количество прокламаций, в которых говорилось о произволе самодержавного правительства, жертвой которого стал и А. М.

Изучив план театра, заранее закупили наиболее удобные и безопасные места для метальщиков прокламаций. Метальщики были размещены с таким расчетом, чтобы, с одной стороны, бросаемые прокламации попали во все уголки зрительного зала, а с другой стороны, — чтобы метальщики могли, бросив прокламации, безопасно скрыться. Для последней цели места около метальщиков были заняты своими людьми.

Театр был полон и делал, как говорят, полный сбор. Во время антракта, как только погас свет, до поднятия занавеса, в первом ряду балкона поднялся оратор и произнес речь такого же, примерно, содержания, как и прокламации, особенно остановившись

на преследовании А. М. Горького. Не успел еще он закончить, как со всех сторон полетели прокламации, положительно засыпая весь театр.

Когда дали свет и дежурные наряды полиции ворвались в зрительный зал, все уже было кончено. Публика повскакала со своих мест, и участники демонстрации смешались с толпой. Полиции ничего не оставалось делать, как собирать оставшиеся прокламации, значительную часть которых разобрала публика. Обывательская часть публики, боясь продолжения демонстрации и столкновения с полицией, стала покидать театр.

Демонстрация удалась, как нельзя лучше. Полиция задержала, по указанию филеров, несколько человек, но фактические участники и организаторы арестованы в театре не были.

Попутно не безынтересно отметить некоторые факты, касающиеся пьесы, шедшей в день демонстрации в театре. Пьеса «Перед восходом солнца» шла в переводе Всеволожской, жены нижегородского вице-губернатора. В театре в этот день присутствовало много чиновников всех рангов, и потому демонстрация показалась особенно вызывающей.

Кстати говоря, сама Всеволожская посещала под большой конспирацией А. М. Горького в его квартире и сообщала различные политические новости.

ГОРЬКИЙ И «НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОК»

А. Д. Гриневицкая

Тяжелое, беспросветно-пасмурное утро жизни и светлое, ослепительно-яркое начало литературной славы Алексея Максимовича Пешкова — Максима Горького принадлежит Нижнему.

В Нижнем он родился, в Нижнем прошли первые годы его безрадостного детства, в Нижний он вернулся после долгих юношеских скитаний скромным письмоводителем адвоката, — а несколько лет спустя уехал, окруженный ореолом славы знаменитого не только на родине, но и за границей писателя.

Здесь в 1893 и 1894 г.г. печатались, при содействии патрона Ал. М-ча (адвоката А. И. Ланина), первые рассказы Максима Горького в единственной тогда нижегородской газете «Волгарь», а затем (после кратковременного пребывания в Самаре), в мае 1896 года, А. М. Пешков делается постоянным сотрудником молодой газеты «Нижегородский Листок», с которой не прерывает связи до самого отъезда из города.

Начал А. М. Пешков свою работу в «Нижегородском Листке» в качестве фельетониста.

С мая по октябрь 1896 года в Нижнем-Новгороде происходила Всероссийская выставка, и город жил особой приподнятой жизнью, связанной с этим исключительным событием в нашей стране, бывшим тогда центром всякого внимания. Естественно, что большинство фельетонов М. Горького за этот период времени посвящалось тем или иным вопросам, связанным с выставкой.

По окончании выставки писатель помещает в газете главным образом очерки, рассказы, этюды, наброски и проч. Всего за 7 месяцев 1896 года в «Нижегородском Листке» А. М. Пешковым за разными подписями было напечатано до 50 различных вещей — фельетонов на злобу дня и другие темы, критических заметок, очерков, рассказов и проч.

Работал Ал. М-ч в газете на определенных условиях: получая твердого жалованья 50 рублей в месяц, он обязан был давать еженедельно не менее одного фельетона, за что ему уплачивалось, сверх указанного вознаграждения, по 5 коп. со строки. Следовательно, фельетоны приходилось писать далеко не всегда тогда, когда было к тому желание и настроение.

Помещая в «Нижегородском Листке» кроме этих фельетонов мелкие рассказы и наброски, Ал. М-ч в 1896 году уже работал над большими вещами, как

Редакция «Нижегородского Листка» (1899 г.)

Фото М. Дмитриева.

«Коновалов», который был вскоре напечатан в «Новом Слове», и другими.

За период 1897 и 1898 годов, вследствие поездки в Крым для лечения и вынужденного отъезда из Нижнего (под арестом по тифлисскому делу), сотрудничество Ал. Макс. в «Нижегородском Листке» выразилось в помещении нескольких очерков и «беглых заметок».

В мае 1898 года вышли в свет два небольших томика очерков и рассказов М. Горького в издании петербургского книгоиздательства Дароватовского и Чарушникова.

С этого момента начинается слава писателя, разраставшаяся с молниеносной быстротой.

Алексей Максимович погружается в творение своих больших произведений, не теряя в то же время связи с «Нижегородским Листком». Но сотрудничество его в газете теперь носит уже иной характер, чем в 1896 году.

Свои художественные произведения он приносит в редакцию изредка — в виде праздничного подарка, а за перо «газетчика» он берется под впечатлением какого-либо злободневного переживания: заинтересует ли его литературная новинка — он пишет рецензию, всегда яркую, всегда оставляющую неизгладимое впечатление в памяти читателя; захватит ли его интересная пьеса — он посвящает постановке ее целые фельетоны, вскрывая и подчеркивая перед рядовым зрителем красоты и тайные мысли, которые

улавливал художник-рецензент у автора пьесы своим прозорливым художественным чутьем, после чего пьеса смотрелась по иному, «при полном свете».

Живя в Нижнем, Ал. М-ч не замыкался в рамки одной литературной деятельности. Содействуя подпольной революционной работе, он в то же время зорко следил за общественной жизнью города и, где можно, «вклинивался» в нее. Свои увлечения тем или другим общественно-просветительным или благотворительным предприятием он также всегда отражал на страницах газеты.

Он всегда искал возможностей, чтобы как-нибудь скрасить, хотя бы одним часом светлого счастья, жизнь униженных и оскорбленных.

Изнывая душой при виде окружающей нищеты и забитости рядом с богатой роскошью и самодовольной сытостью, Ал. М-ч не упускает случая напомнить сытому мещанину о несправедливости и незаконности этой его сытости за счет голодных. Его хлесткое, острое слово, как удар бича, время от времени пробуждает блаженно дремлющего обывателя. Ниже, несколькими выдержками из заметок Ал. М-ча, помещенных в «Нижегородском Листке», я попытаюсь иллюстрировать настроения и мысли писателя за время пребывания в Нижнем, в период сотрудничества его в газете.

В эти годы, годы реакции и царского гнета, газетная работа находилась в исключительно тяжелых

условиях; цензура свирепствовала, и всякий намек, зачастую даже самый отдаленный, на призыв к борьбе за лучшее будущее — цензурой вытравливался, авторы привлекались к ответственности, газеты подвергались каре.

Много напряжения и изобретательности ума требовалось для того, чтобы вопросы, волновавшие революционно настроенные круги, провести через газету в широкие читательские массы. Приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям, изобретать аллегорическую форму, которая иногда давала возможность усыпить бдительность цензуры и поднести в замаскированном виде «вредную идею» читателю. Как образец такой замаскированной революционной пропаганды можно привести аллегорию М. Горького — «Перед лицом Жизни», напечатанную в № 354 «Нижег. Листка», от 25/XII — 1900 г. (подробно см. в настоящем сборнике статью А. Н. Свободова — «Об аллегориях М. Горького»).

В этой аллегории человек, измученный в труде без отдыха, без света, потеряв терпение, требует у аллегорической Жизни дать ему справедливость. В ответ на требование человека Жизнь бесстрастно отвечает:

— Возьми!..

Это «возьми!» звучит в той или иной форме в большинстве газетных заметок Ал. М-ча.

Пишет ли он об умирающем от чахотки писателе, говорит ли о помощи бедным детям, — везде огнен-

ными буквами он подчеркивает царящую вокруг несправедливость, стараясь разбудить в угнетенном и забитом человеке сознание этой несправедливости и породить в нем стремление к борьбе за свои права на жизнь.

Для характеристики отношения Ал. М-ча к читателю привожу ниже отрывок из заметки его, помещенной в «Нижегородском Листке» от 1 декабря 1899 года, № 330, в дополнение к воззванию А. П. Чехова о жертвованиях в пользу Ялтинского Общества помощи легочным больным.

Описывая со слов Чехова смерть от чахотки в одиночестве и забросе поэта «Развлечения» — Елифанова, мечтавшего перед смертью о яблочной пастиле и не имевшего денег, чтобы купить ее, — Ал. М-ч пишет:

«Так же полуголодные и одинокие умирают и столь ценные слуги общества, как учителя, учительницы и молодежь — студенты, «надежда России». Мы не умеем помочь жить всем этим славным людям и нужным стойким работникам, создающим родине нашей новых людей, мы не ценим их заслуги при жизни, — поможем же им, измученным работой, одиноко и безмолвно, без жалоб умирающим — хотя умереть спокойно.

Вы, читатель, есть некая бездонная пропасть, равнодушно и без отклика поглощающая всякий печатный хлам, вроде романов Гейнце, и вкусные питательные яства, изготовляемые для вас Толстыми, Тургеневыми, — вы, читатель, должны

дать на «пастилу» человеку, до смерти заработавшемуся для вашего развлечения. Вы должны облегчить последние минуты жизни учителю ваших детей и всем другим ценным людям, уезжающим умирать далеко от вас — в край, где солнце, море и все краски ласковой, нежной природы разжигают у человека страстное желание жить»...

Мысли об участи детей бедноты никогда не покидали писателя, это отразилось в целом ряде замечаний. Так, в заметке (за подписью И. Хл.) по поводу отчета Общества для пособия учащимся в начальных народных училищах г. Н.-Новгорода в № 233, от 17/V — 1898 года говорится:

«Забота о физическом и умственном воспитании детей должна быть первейшей и основной заботой в те дни, когда «отцы» духовно обанкротились и среди нас так мало человека-личности телесно и духовно здоровой, стойкой, защищающей свои права, личности сильной и полной доброго духа гражданственности...

Облегчить хоть чем-нибудь жизнь маленьких людей, которые сидят целую зиму в душных и тесных школах, а лето без призора бегают по пыльным и грязным улицам города — это задача столь же благородная, как и продуктивная, ибо она может сохранить от гибели многих из «малых сих».

Или в заметке «Нечто о елке» («Нижег. Листок» № 9, от 10 января 1900 г.), описывая первую елку для беднейших детей, М. Горький восклицает:

«...Подумайте, господа, ведь эти 500 детей, быть может, лишь одна десятая всех полунищих ребя-

тишек нашего города. И подумайте, что ждет их в будущем! Они будут пьяницами по примеру родителей, они едва ли будут когда-либо полезными членами общества»...

Дальше он развивает мысль об устройстве в городе участковых попечительств о бедных, одной из главных задач которых должна быть забота о детях бедняков.

Своеобразно выразилось отношение М. Горького к мистическому направлению, отмеченному им в современной литературе данного времени («Литературные заметки» — О Бальмонте и Брюсове: «Нижегор. Листок» № 313, от 14 ноября 1900 года):

... «Чем это об'яснить? Характерно, что поэты трактуют всего чаще и охотнее именно об одном из атрибутов бога — его милосердии, о его всепрощении... Что это? Искренний ли голод души современного человека, уставшего от безверия, или хитроумная уловка буржуазного общества, которое, будучи обеспокоено все ярче и ярче выступающими из хаоса жизни противоречиями, желает успокоить совесть свою и, облакаясь в мантию фарисеев, ловко прячется от роковой логики событий под покров милосердия божия?»

Если верно последнее, то я считаю нужным напомнить одно мудрое изречение: «Бог шельму метит», стало быть — не спрячешься, как ни вертись».

★

Скажу несколько слов о самой газете и об отношении к ней Алексея Максимовича.

«Нижегородский Листок» возник ¹ в 1895 году по инициативе и при ближайшем участии В. Г. Короленко, в противовес уже много лет существовавшему в Нижнем купеческому «Волгарю».

В те годы безвременья появление «Листка» было своего рода событием не только в Нижнем и Нижегородской губернии, но и во всем Поволжье. Среди многих «услужующих» газет того времени она ярко выделялась своим независимым тоном. Газета велась серьезно и содержательно, освещая экономическую жизнь и нужды местного края и вскрывая гнойники разлагающегося строя.

Весь нижегородский короленковский кружок принял в ней живое участие.

При несменяемости официального ответственного редактора—Г. Н. Казачкова «Нижегородский Листок» неоднократно изменял свое направление в связи с переменой фактических редакторов (заведующих редакцией). Так, с основания ее до половины 1899 года газета велась под редакторством Н. П. Ашешова и Е. М. Ещина в прогрессивно-либеральном духе — духе «Русских Ведомостей». Со второй половины 1899 года и до декабря 1905 года она, под редакторством С. И. Гриневицкого, носила крайне-левое, насколько это было возможно, боевое направление.

¹ Вернее, был преобразован из маленького справочного листка, издававшегося с 1892 года М. М. Миловым.

В зависимости от тона «Нижегородского Листка», менялись и симпатии к нему Алексея Максимовича. К «Листку» 1896 — 1898 годов, несмотря на помещение в нем большого количества своих произведений, Ал. М-ч относился с «холодком», а иногда даже и с раздражением по поводу его либерализма. В это время в редакцию он заходил только по делу: или для того, чтобы сдать рукопись, или получить гонорар, или просмотреть цензорские гранки, чтобы узнать — не погибло ли написанное под цензорским карандашом.

С половины 1899 года, с изменением направления газеты, изменяется и отношение Ал. М-ча к ней. Он делается одним из самых близких членов редакционной семьи. Не имея возможности много писать для газеты, он каждый день бывает в редакции, проводит в стенах ее целые часы в оживленных беседах и спорах на самые разнообразные темы.

Около «Нижегородского Листка» всегда ютилась разных оттенков «неблагонадежная публика», из среды которой после революции многие стали видными общественными деятелями (Б. П. Позерн, Н. А. Семашко, П. М. Керженцев и другие), и редакция являлась объектом неослабного наблюдения для «горохового пальто», а при допросах «политических преступников» посещение редакции «Нижегородского Листка» являлось одним из пунктов обвинения. Газета постоянно подвергалась за «вредное направление» адми-

нистративным карам — штрафам, приостановкам, «предупреждениям».

Ал. М-ч чутко реагировал на все невзгоды, сыпавшиеся на газету. Одно из таких горестных событий (приостановка газеты на два месяца, 2 августа 1899 года) было ознаменовано товарищеским «чаем» и запечатлено фотографическим снимком всей редакции, во главе с Ал. М-чем, в редакционной зале, за редакционным столом¹.

«Нижегородский Листок» систематически давал убытки, которые покрывались из средств группы прогрессивно-настроенных лиц, сочувствующих целям газеты. С 1901 года Ал. М-ч вступает в число этих «пайщиков» «Нижегородского Листка» и делает довольно крупные взносы на расходы по изданию.

Уезжая на более или менее продолжительное время из Нижнего, Ал. М-ч всегда просил высылать ему «Нижегородский Листок» по месту пребывания.

Приводимые ниже отрывки из его писем к автору настоящей заметки рисуют его отношение к газете.

Письмо из Малороссии от 20 августа 1900 года:

«Прочитав в расчудесной газете вашей, что в первых числах сентября М. Горький имеет вер-

¹ В этот раз газета была подвергнута каре за напечатание писем из Сормова, в которых администрация завода изобличалась в нарушении прав рабочих (о праздничном отдыхе, о произвольности расценок на сдельные работы и т. п.). После помещения этих заметок, в Сормове вспыхнули беспорядки, и «Нижегородский Листок» обвинялся в возбуждении рабочих против администрации завода.

нуться в Нижний, я возымел желание подтвердить свое важное сообщение, — репутация «Нижегородского Листка» дорога мне, и я не хочу, чтобы его упрекали в распространении ложных известий. А посему задержите отправку газеты в Хорошки»...

Письмо из Крыма от 1901 года:

«По некотором времени пришлю вам рассказец, зело кровавый, и пусть супруг ваш — воистину почтенный — поступит с ним по обыкновению.

Что нового в граде Нижнем? Спасибо за газету. Очень хорошо пишет Протопопов и вообще интересная газета. Честь и слава Станиславу»... (Ст. Ив. Гриневицкий — фактический редактор).

В 1904 году Горький покинул Нижний, и его связь с «Нижегородским Листком» порвалась. «Листок» же держал свой боевой тон до конца 1905 года, пока часть пайщиков-либералов не запротестовала против его революционности, а Гриневицкий, отказавшись вести газету в другом направлении, демонстративно ушел из нее. За Гриневицким последовало крайнее левое крыло сотрудников с Керженцевым во главе.

Подробный список всего напечатанного Алексеем Максимовичем Пешковым в нижегородских изданиях за разными подписями (Иегудиил Хламида, Максим Горький, М. Г. и др.) помещается в конце настоящего сборника.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГОРЬКОМ

М. П. Грацианова

Я не была в числе личных знакомых Горького, но работала вместе с женой его, Екатериной Павловной, в Секции гигиены воспитания и образования — просветительном обществе, поставившем своею целью содействовать физическому и умственному развитию беднейшей части населения Н.-Новгорода. По делам общества я иногда заходила к Екатерине Павловне.

Алексей Максимович также отзывался на нужды нашего Общества «Секции гигиены воспитания и образования». В 1900 г. он помог комиссии по выработке образцового каталога детских книг. В это время таких каталогов в русской литературе было только 2. Зная острую нужду комиссии в книгах для просмотра, Горький снабжал комиссию безвозмездно изданиями разных фирм, а позже пожертвовал много книг. Помощь его не пропала даром: работа комиссии оживилась и расширилась — каталог был выработан, открыта секционная детская библиотека с читальней,

которая потом сделалась общедоступной, и дети углов и подвалов могли читать хорошие книги.

Звездин. пруд (1870—80 г.г.)

Фото Карелина.

В 1901 году Секцией были открыты первые в Н.-Новгороде кратковременные курсы по ведению подвижных игр. Секция организовала игры на свежем воздухе для детей бедного населения и хотела поставить правильно это дело. Горький много содействовал открытию курсов: он вел переговоры, по указанию московского педагогического общества с руководителем игр Филитисом.

Пришел Горький на помощь и 3-й секционной комиссии — комиссии по устройству литературно-музыкальных утр для детей города. Он дал во вре-

менное пользование пианино. В 1901 году Горьким была организована в манеже грандиозная елка для детей углов и подвалов. Вспоминается мне комната в квартире Пешковых, вся заваленная ящиками и коробками с угощениями для детей. Везде лежат куски мануфактуры. Екатерина Павловна спешно шьет детские рубашки, суетятся помощники по устройству елки, а Алексей Максимович сидит на ящике и с видимым удовольствием смотрит на эту суету.

В 1902 году, в мае, Горький был выслан в Арзамас. Екатерина Павловна спросила меня, не знаю ли я свободной квартиры в Арзамасе. В это время освободилась квартира в доме сестры, и я сообщила об этом Ек. Павл. Я поехала вместе с ней в Арзамас показать квартиру. Только что открылось железнодорожное сообщение. Глухой городок Арзамас сообщался с Н.-Новгородом. Екатерина Павловна сняла весь дом. Верхний этаж назначила для приезжающих гостей, а нижний этаж для своей семьи.

Вскоре они поселились в Арзамасе. Внизу поселился Алексей Максимович с женой и пятилетним сыном Максимом. За Максимом присматривала их знакомая В. Н. Кольберг. Алексей Максимович признавал, что детям нужна свобода и маленькому Максиму предоставлялась большая свобода.

Летом я приехала к родным в Арзамас. Екатерина Павловна заходила за мной, когда у них бывали приезжие гости. Был у них Андреев, которого пугала

мертвая арзамасская тишина, жил долго Скиталец, приезжал Чириков, доктор Н. И. Долгополов, доктор Алексин, З. Ф. Штюмер с дочкой Наташей. Вспоминается мне один вечер. Алексей Максимович говорил наизусть целые страницы из произведений разных иностранных авторов. Я была поражена его изумительной памятью. В заключение он прочитал одно место из Исайи-пророка. Прочитал сильно. Гневом звучали слова обличителя-пророка.

Иногда Алексей Максимович оставлял среди разговора гостей и уходил работать в кабинет. Работал он много. До утра светился огонек в его кабинете.

В это время он кончал свою пьесу «На дне», обдумывал ее постановку на сцене. Ко мне приехал племянник, ученик казанской художественной школы Несговоров. Горький просил его сделать набросок декорации и дал ему необходимые указания. С этой целью племянник мой ходил в ночлежку и сделал эскиз.

Мысль Горького тогда направлялась к босякам. Босяки приходили к нему и, смело выпрямляясь, говорили: «Я босяк Максима Горького, желаю его видеть». И он говорил с ними.

В Арзамасе за Горьким зорко следили. Перед домом постоянно ходил полицейский.

Вскоре я уехала из Арзамаса и перед отъездом сказала А. М., как наша гимназия нуждается в книгах для библиотеки. Вскоре мы и учащиеся были обра-

дованы. Горький прислал 2 ящика книг. Я помню, в числе присланных и рекомендованных им книг была «Моисей и Дарвин».

После моего отъезда А. М. с семьей перебрался в уютный домик Волкова на той же улице. Домик этот был снят художником А. Д. Иконниковым.

Живя в Арзамасе, Горький оказал поддержку городу в устройстве водопровода: он пожертвовал на это дело тысячу рублей. После открытия водопровода деньги эти, по желанию Горького, были употреблены на нужды Некрасовской библиотеки. Глухой городок нуждался в книгах.

ГОРЬКИЙ И ТЕАТР В НАРОДНОМ ДОМЕ

Н. А. Саввин

Почти двадцать пять лет тому назад — 16 декабря 1903 года — в Нижнем «Царскою невестою» Мея открылся драматический сезон в только что выстроенном Народном Доме.

Труппа находилась в ведении товарищества, во главе которого стоял М. Горький. В состав товарищества входили еще Ф. Шаляпин, давший два концерта в пользу Народного Дома, Чириков, Гейнце и др. Инициатором дела был М. Горький: по его настоянию Шаляпин, вообще-то неохотно выступавший бесплатно, дал безвозмездно два концерта. Горький вошел в соглашение с московским художественным театром, бывшим тогда наверху своей славы, чтобы «художественники» иногда перебрасывали часть труппы в Нижний. Предполагались даже спектакли на сцене Народного Дома труппы Художественного театра в полном составе.

Дело было задумано большое и интересное. Горький в нем принимал непосредственное участие, помо-

гая материально и привлекая людей, могущих помочь театральному предприятию.

Труппа была составлена наполовину из любителей, наполовину из профессиональных актеров, среди которых находился, например, М. С. Нароков, ныне премьер московского государственного театра. Режиссером был приглашен Тихомиров, артист Художественного театра, декоратором — Сапунов, впоследствии один из лучших декораторов России, работавший на крупных театральных сценах.

Горький принял близкое участие в организации, прежде всего, труппы: это уже был Горький «Мещан» и «Дна», драматург, завязавший прочные связи с московским Художественным театром. Поэтому театр командировал одного из своих выучеников» Тихомирова. Горький же вызвал из Крыма М. С. Нарокова, главную актерскую силу труппы.

«У нас готов Народный Дом, — пишет Горький в сентябре 1903 года М. С. Нарокову на юг. — Несколько человек, в том числе я, Чириков, Михельсон — предполагают организовать труппу артистов и любителей, для постановки спектаклей на сцене Народного Дома. Думаем пригласить человек шесть платных артистов и режиссеров. Театр общедоступный, — значит репертуар — широкий, как в любом театре. В месяц — 6—8 спектаклей».

Горький же составил правление товарищества из своих знакомых — Гейнце, Чирикова, Михельсона,

Е. Малиновской, включив туда же и Шаляпина. Затем, Горький, хорошо узнавший Художественный театр, его направление, несомненно широко посмотрел на

Народный Дом в Н.-Новгороде.

задачи вновь организуемого театрального предприятия: у него не было и не могло быть мысли создать обычный, трафаретный «народный» театр; театр в духе Щеглова, тогдашнего видного теоретика народного театра, представлявшего такой театр все же

чем-то более низким и упрощенным по сравнению с театром для обычного рядового зрителя.

Горький хотел дать культурный театр, не уступающий по своей художественной значимости обычному провинциальному театру, а в некоторых случаях даже и выше его. Не мог же Горький мириться с растрепанным, пестрым репертуаром Городского театра, с его обычной традиционной постановкой заигранных павильонов. Художественный театр приучил его к другому оформлению спектаклей.

Участие Горького в театре Народного Дома ни для кого не было секретом. Об этом говорилось на страницах местной и столичной печати. Так, в «Петербургском дневнике театра» в № от 3 ноября 1903 г. было напечатано: «Собрание членов Общества распространения народного образования в Нижегородской губернии обсуждало вопрос о сдаче Народного театра товариществу во главе с М. Горьким. Товарищество предложило взять Народный театр в аренду на три года, с постановкою спектаклей не менее двух раз в неделю».

В то время, 25 лет тому назад, только Горький, с его энергией, с его широким охватом запросов широких масс, сам вышедший из «низов» и превосходно знакомый, судя по его произведениям, с одуряюще скукою обывательского существования и с отчетливо выраженным проявлением зверских инстинктов, о чем он так подробно написал в «Детстве» и «В лю-

дах», — только Горький мог придти к мысли о создании культурного для того времени театра. Горький верно учитывал и положение Народного Дома. Завершение постройки, в сущности говоря, принадлежит ему: расположенный на окраине города, около только что образовавшейся Новой Стройки, Народный Дом с театром призван был обслуживать именно эту заброшенную часть города.

Мысль Горького шла дальше: он предполагал устраивать спектакли или с полным составом труппы Художественного театра, или же давать спектакли с частью труппы. Об этом определенно говорилось в цитированной выше заметке: «Часть труппы этого театра будет, по слухам, приезжать в Нижний-Новгород для участия в спектаклях народной аудитории».

16 декабря 1903 года спектакли начались, открывшись пьесой Л. Мея «Царская невеста». 17 мая 1904 г. спектакли кончились. Предприятие понесло убыток в сумме 12.000 рублей.

По воспоминаниям участников труппы и лиц, близко знавших все дело, можно судить, что труппа и сама видела в Горьком главного руководителя и вдохновителя дела. Об этом говорят воспоминания М. С. Нарокова, об этом свидетельствует и Амнуэль: «На Канатной было положено основание большому культурному делу. При ближайшем участии Горького были собраны деньги на постройку Народного Дома. Это было в сезон 1903—904 г. Построили большой

и дешевый (от 5 коп. до 1 руб. место) театр, а играла в нем молодежь, первые ученики Станиславского. Народный Дом был точным сколком московского Художественного театра. С каким вниманием, как радостно встречали Горького актеры, когда он приходил в театр! Слушали. Советовались».

Так возникло большое в сущности театральное дело, отличное по своему характеру от подобных предприятий. Горький вызвал к жизни это дело.

«Как относился ко всему этому Горький? — Пощипывал свой рыжеватый ус и посмеивался: ...хо-хо... взрослые люди, чем занимаются!.. И, быть может, только благодаря этому добродушно-ироническому посмеиванию, в котором так явно чувствовалась нотка ласкового попустительства и даже поощрения, все эти взрослые люди занимались этими «пустяками» — пишет М. С. Нароков в своих воспоминаниях.

Но вместе с тем Горький же был и причиной того, что театр с самого начала существования стал предметом усиленного внимания со стороны администрации. Горький был одиозной фигурой для власти, и естественно, что власть чинила всяческие препятствия театру: репертуар урезывался, много пьес не разрешалось. Поразительный факт, конечно, но вполне естественный: ни одна пьеса Горького не была поставлена на сцене Народного Дома, в то время как «На дне» в тот же сезон прошла 9 раз на сцене Городского театра. Между тем театр нашел свою публику: спек-

---

такли шли зачастую при переполненном зале, несмотря на то, что репертуар, тщательно просеиваемый цензурой, был самый смешанный. Недостатки исправляла вдумчивая режиссура Тихомирова, тщательные стильные декорации Сапунова.

17 мая спектакли закрылись: нельзя было продолжать дело при таких стеснениях администрации.

После этого было еще несколько антреприз в Народном Доме, но ни одна из них не сравнилась с «антрепризой» Горького, и теперь еще видевшие спектакли товарищества вспоминают о них, как о незаурядных театральных представлениях. Горький опередил свое время, создав театр, который для своей эпохи был передовым театром по художественной постановке. И не вина писателя, что театр, так хорошо задуманный, не мог широко развиваться: суровые времена были...

М. ГОРЬКИЙ И БЫВШАЯ НИЖЕГОРОДСКАЯ ГО-
РОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

С.

«...Я говорю всем: любите книгу, она облегчает вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку». Эти немногие слова М. Горького из его автобиографического рассказа «Как я учился» как нельзя более ярко характеризуют его горячую, волнующую, полную какого-то преклонения любовь к книге, пробудившуюся в нем очень рано с большой силой и никогда не угасавшую, несмотря на то, что условия для развития этой любви были самые неблагоприятные. «И грустно и смешно вспомнить, сколько тяжелых унижений, обид и тревог принесла мне быстро вспыхнувшая страсть к чтению», говорит он в своей книге «В людях» (X т., 125 стр.).

Но никакие препятствия, никакие трудности не ослабляли его любви к книге. «Желание читать еще

более окрепло», говорит он «В людях» (X т., 126 стр.). «Мне казалось даже, что жизнь, окружающая меня, все то суровое, грязное и жестокое, что ежедневно развевывалось передо мною, все это—не настоящее, ненужное; настоящее и нужное только в книгах, где все более разумно, красиво и человечно» («Как я учился»). Недаром его хозяйка, мать чертежника, ругала его выразительным словечком «книгожорка».

И вот этот-то «книгожорка», сделавшись уже известным писателем, еще больше полюбил книгу и постарался сделать ее не только своим достоянием, но передать, сколько мог, обществу через публичные библиотеки.

В архиве Нижегородской центральной библиотеки им. В. И. Ленина (быв. Нижегородской городской библиотеки) сохранились интересные документы¹, показывающие, как заботился Горький о пополнении библиотеки. В последние 5 лет жизни его в Нижнем им было пожертвовано следующее количество: 1900 год — 75 томов, 71 название, 1901 г. — 298 томов, 214 названий, 1902 г. — 151 том, 1903 г. — 140 томов, 1904 г. — 92 тома.

В отчете Городской библиотеки за 1906 год читаем: «В общем числе в разное время пожертвовано Горьким 492 назв., 681 том; на сумму 785 р. 34 к.». Сохранился и точный перечень пожертвованных им книг, среди которых были: Ницше — «Так говорил Зара-

¹ Материал собран сотрудником Центр. Библ.—Л. Д. Беляевым.

тустра», Селли — «Пессимизм», Гюйо — «Происхождение идеи времени», Реклю — «Земля», 2 тома, Дарвин — «Собрание сочинений в 4 томах» и Мельшин — «В мире отверженных» 2 тома.

В отчете библиотеки за каждый из вышеупомянутых годов (1900—1904 г. включ.) находим выражение глубокой признательности ему. Вот что читаем в отчете за 1901 год: «Особенную признательность комитет выражает А. М. Пешкову (М. Горькому) за сделанное им ценное пожертвование книгами. Это уже не первый дар А. М. Пешкова. В виду значительности пожертвования, комитет выделил пожертвованные А. М. Пешковым книги в особый отдел, назвав его «Отдел М. Горького».

Подобные строки имеются и в отчете за 1900, 1902, 1903, 1904 года. В 1902 году, видимо, шли разговоры об избрании Горького в члены библиотечного комитета. Документов об этом постановлении не сохранилось, но сохранилось письмо Горького к председателю комитета, вызванное этим случаем:

«Уважаемый Петр Иванович! ¹

Я, разумеется, ничего не могу иметь против чести быть избранным в члены библиотечного комитета, но думаю, что было бы смешно мне заявлять о том, сколько книг представлено мной в библиотеку, ибо я не знаю ценности их. Разумеется также и то, что я

¹ Петр Иванович Крылов, заведующий тогдашней библиотекой.

буду пополнять библиотеку по мере сил до поры, пока я жив. Я уже говорил с вами и о проекте устроить «библиотеку для самообразования» по программам комиссии дошкольного чтения.

Книги, имеющиеся у меня теперь, вышлю в половине или конце февраля. В это время выйдут новые

Старая Благовещенская площадь (1870—1880 г.г.).

Фото Карелина.

книги «Знания» и «Труда», так что я пришлю все вместе, дабы не тратиться на пересылку дважды.

Свидетельствую свое почтение.

1902 г.

А. Пешков».

Сохранились в архиве также 2 записки Горького, говорящие о том, что Горький не только жертвовал

книги, но и сам пользовался библиотекой, прося дать ему то или другое произведение:

«Уважаемый Николай Александрович!

Будьте добры, дайте, пожалуйста, из моих книг маленькую книжку Гексли — Введение в науку.

А. Пешков.

Посылаю «Психологию» Джемса.

1902 год.

И еще:

«Уважаемый Петр Иванович!

Не можете ли вы дать мне на время книгу Мордовцева «Исторические монографии» и Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Буду очень благодарен.

С уважением А. Пешков.

Горбатовка, 2 июня 1903 года».

Таким образом, из этих немногих документов ясно видно, какая тесная связь была у Горького с Городской библиотекой. Не порвалась она и до сих пор. В 1926 году Центральная библиотека имени Ленина получила от Горького полное собрание его сочинений.

★

Но как же сам читатель-нижегородец того времени относился к произведениям Горького?

Те же отчеты Городской библиотеки дают нам на это красноречивый ответ. Но тут интересно просле-

дить не только читаемость Горького, и именно в одной Городской библиотеке, а сопоставить: 1) с читаемостью его произведений с другими писателями и 2) с читаемостью Горького в другой библиотеке, а именно — Пушкинской.

Тут мы видим следующую картину:

Год	Ч и т а е м о с т ь		
	Горького	Чехова	Короленко
1900	125	438	91
1901	351	581	86
1902	631	1025	109
1903	784	840	234
1905	527	459	117
1906	283	362	100
1908	227	275	0
1909	164	215	135

Из этой таблицы мы видим, как спрос на произведения Горького с 1900 до 1905 года быстро растет, а в следующие годы такими же быстрыми шагами идет под гору, что очень характерно для годов реакции, наступивших после 1905 года. Если мы теперь сопоставим читаемость Горького с читаемостью Чехова и Короленко — писателей наиболее близких Горькому по форме, — то увидим, что Горький стоит между ними: читаемость его никогда не превышала читаемости Чехова и никогда не опускалась ниже спроса на Короленко.

Несколько иное наблюдается при знакомстве с отчетами Пушкинской бесплатной народной читальни, посетителями которой были преимущественно грузчики и босяки. Уже в первом отчете этой читальни 1901 года мы читаем: «С самого же открытия библиотеки последние произведения Горького очень спрашивались, но удовлетворить требований читателя библиотека не могла, так как произведения автора не значились в министерском каталоге». Не допускался Горький в народную читальню до самого 1905 года, и в годовых отчетах ее приходилось констатировать факт «большого спроса» и «невозможности удовлетворить его».

Но в 1905 году произведения Горького попадают в министерский каталог, к концу этого года читальня приобретает их, и уже сразу было зафиксировано 90 спросов. Сопоставление здесь читаемости горьковских произведений с Чеховым и Короленко очень интересно:

Г о д	Ч и т а е м о с т ь		
	Горького	Чехова	Короленко
1904	Не допуск. в библиотеку.	308	203
1905	90	334	223
1906	233	80	63
1908	244	70	27

Появившись в стенах народной читальни, произведения Горького быстро вытеснили спрос на Чехова и Короленко. «Горький занял первое место и быстро завоевал себе большие симпатии» (отчет 1905 года, 2 стр.).

Интересно сопоставить читаемость Горького в наши дни. Нашей центральной библиотекой имени Ленина был произведен учет читательских интересов в январе и феврале 1928 года, и цифры получились следующие:

Горького	Чехова	Короленко
867	196	77

Таковы факты, говорящие о популярности Горького среди читателей-нижегородцев.

М. ГОРЬКИЙ И «НИЖЕГОРОДСКИЙ СБОРНИК»

Н. М. Капранов

Двадцать пять лет тому назад (22 июня 1902 года) правлением О-ва взаимопомощи учащихся Нижегородской губернии, по инициативе своего сочлена Н. Н. Иорданского, был внесен на обсуждение экстренного общего собрания членов о-ва доклад, по вопросу об издании «Нижегородского Литературного Сборника».

Вопрос об издании «Сборника» возник в связи с проектом постройки собственного здания общежития для учительских детей. В то время учительское О-во уже имело общежитие для детей своих сочленов, но это общежитие, помещавшееся в тесной частной квартире, было крайне неудобно и содержание его стоило довольно дорого, и потому изыскивались средства на постройку собственного здания; издание «Сборника» являлось одним из способов изыскания средств на постройку этого здания.

Предложение Н. Н. Иорданского, одобренное правлением, общим собранием было принято.

Первоначально предполагалось построить здание только на 40 человек. Стоимость такого здания исчислялась в 16.500 руб., наличных же средств было только около 11.000 рублей. Тогда же была избрана особая комиссия по изданию «Сборника», председателем ее был избран Н. Н. Иорданский, а секретарем Н. М. Капралов. А. М. Пешков заинтересовался работами комиссии и вошел в ее состав. Заседания комиссии постоянно происходили в помещении редакции «Нижегородского Листка», сотрудником которого Ал. Макс. тогда состоял.

На заседании комиссии 18 сентября была выработана программа проектируемого «Сборника»; она состояла из двух отделов: общелитературного — беллетристика и критика, и статьи исторического и этнографического содержания и педагогического (современная начальная школа в России и за границей).

Для выяснения вопроса о положении и влиянии школы на местное население комиссией была составлена анкета ¹ из 23 вопросов и разослана всем учащим губернии; вместе с тем комиссия обратилась во все учительские о-ва взаимопомощи и во все губернские и уездные управы с просьбой выслать

¹ Анкета была напечатана в «Нижегор. Листке» 18 окт. 1902 г. № 286.

имеющиеся печатные материалы и труды по обследованию быта учащихся. Все эти материалы предполагалось разработать для будущего «Сборника».

К этому времени (начало зимы 1902 г.) комиссия заручилась согласием на сотрудничество в «Сборнике» самого Ал. Макс., А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Е. Н. Чирикова, Н. Ф. и А. Н. Анненских, Д. Н. Жбанкова, проф. Рожкова, проф. Платонова, Л. Андреева, И. Бунина, Боборыкина; местные литераторы — Ч. Ветринский (В. Е. Чешихин), С. Д. Протопопов и др. выразили с своей стороны полное согласие на участие в «Сборнике».

Благодаря тому, что Алексей Макс. принял на себя обязанности редактора «Сборника» и личные переговоры с некоторыми писателями (Гусев-Оренбургский, Куприн, Петрищев, Телешов, Тимковский), дело по собиранию материала для издания быстро двинулось вперед. Если ранее были опасения, что у нас не хватит материала для нашего издания, то теперь эти опасения рассеялись: портфель комиссии был полон всякого рода рукописями, и в недалекой перспективе нам уже рисовался успех нашего предприятия.

Алексей Максимович сам тщательно прочитывал все рукописи, исправлял их, некоторые браковал. Работы комиссии облегчились еще и тем обстоятельством, что Ал. Макс. принял на себя решительно все хлопоты по изданию «Сборника» и связанные с изданием расходы.

В конце 1904 г. «Нижегородский Сборник» размером в 23 печ. листа вышел в свет в издании т-во «Знание» в количестве 10.000 экземпляров. Цена книги была 1 рубль. Мечты комиссии сбылись: «Сборник» имел успех необычайный. В течение 2—3 месяцев все издание разошлось. Было выпущено второе издание, потом третье (оба по 10.000 экз.). Третье издание не могло разойтись целиком, благодаря событиям революционного времени.

Весь доход с издания «Сборника» (до 6.000 руб.) поступил на постройку здания общежития для учительских детей. Прекрасное двухэтажное здание — общежитие на 80 воспитанников с двумя большими рекреационными залами — было построено на участке «Новой Стройки» за Народным Домом. Стоимость его выразилась в сумме около 18.000 руб.

Без участия Алексея Максимовича мы, конечно, не смогли бы издать «Нижегородский Сборник», не получили бы крупных денежных средств и не построили бы такое огромное здание общежития для учительских детей, какого не имело ни одно учительское о-во взаимопомощи в России.

Сам Ал. Макс. поместил в «Сборнике» пять работ: 1) Отрывки из воспоминаний об А. П. Чехове, 2) «Вода и ее значение в природе и жизни человека», 3) «Идиллия», 4) «Часы» и 5) «Девочка».

А. П. Чехов не успел написать рассказ для «Сборника»: он заболел, уехал за границу, где и умер до

выхода в свет нашего издания. В «Сборнике» помещено лишь его письмо. В «Сборнике» имеются рассказы, статьи и стихотворения — всего 40 работ — 29 авторов; его украшают имена: самого М. Горького, Короленко, Андреева, Куприна, Боборыкина, Гусева-Оренбургского, Телешова, Елеонского, Жбанкова, Платонова, Рожкова, Кизеветтера, Мельшина и др.

Среди многочисленных писем сотрудников «Сборника» у автора настоящей заметки имеются два письма А. М. Пешкова (адресованные на имя председателя комиссии Н. Н. Иорданского), которые приводятся целиком (с сохранением старой орфографии):

«Дорогой Николай Николаевичъ

Сборникъ выходитъ огромный, въ 26 лист. Чтобы удешевить издание—выберу шрифтъ помельче. Гольцева—изъять, о чёмъ ему заявлено и на что получено его согласіе.

Со всѣми справками по изданію—обращайтесь ко мнѣ, а не къ К. П. Пятницкому. Отдалъ въ типографію. Кажется—будетъ интересная книжка. Выпустимъ своевременно, много объявленій и помѣстимъ замѣтки въ газетахъ.

Пока—до свиданья!

А. Пѣшковъ».

«Уважаемый Николай Николаевичъ!

Вамъ не было необходимости посылать сборники по редакціямъ, — это дѣлаетъ контора «Знанія».

Первое издание—вѣроятно—скоро разойдется и нужно будетъ повторить. Книги для васъ мы будемъ высылать въ счетъ прибыли, чтобы не путать счетовъ, но если вы

начнете продавать ихъ со скидкой—это понизитъ сумму прибыли. Оригиналы рукописей, не вошедшихъ въ сборникъ, посланы мною г. Капралову. Стихи Звѣздина—плохи очень и я не рѣшилъ въ концѣ концов помѣстить ихъ.

Гольцевъ вретъ. Онъ долженъ помнить, что я просилъ его дать въ сборникъ что-нибудь другое, более значительное, чѣм его «очеркъ». Онъ любезно обѣщаль сначала и отказался потомъ. Противъ моего отказа помѣстить его очеркъ онъ «лично рѣшительно не имѣет» по его заявленію.

Завтра ѣду въ Крымъ.

Отчетъ по первому изданію вы получите тотчасъ же, какъ только магазины возвратятъ деньги, что будетъ скоро, ибо у насъ нѣтъ кредита и комиссіи.

Очень прошу не торопить меня съ деньгами, ибо часть ихъ я долженъ буду затратить на второе изданіе — будьте увѣрены, что какъ только освободятся какія-либо суммы,—контора немедля вышлетъ ихъ на ваше имя.

Жму руку А. П.»

ИЗ ЖИЗНИ М. ГОРЬКОГО В КАЗАНИ

В. Н. Золотницкий

Как известно, А. М. Пешков около 3-х лет прожил в городе Казани (с лета 1885 г. до весны 1888 г.) и там вращался, между прочим, в революционных кружках. Без сомнения, эта полоса имела для него весьма важное значение. От товарищей, тогда живших в Казани, я слышал об этих кружках и о лицах, влиявших на А. М. Упоминали о влиянии на А. М. студента-медика П. Ф. Кудрявцева, студента академии С. М. Миловского, студента университета М. Е. Березина и некоторых других лиц. О Миловском А. М. сам упоминает в книге «Мои университеты».

О казанских революционных кружках и участии в них М. Горького я давно собираю сведения и переписывался с некоторыми тогдашними руководителями их. В моем распоряжении имеется 4 описания этих революционных кружков: известного писателя С. Н. Миловского-Елеонского (от 1907 г.), д-ра

М. Д. Фокина (1926 г.). В 1927 году мне удалось получить еще от тов. П. Ф. Кудрявцева (санитарного врача-общественника) и М. Е. Березина (б. члена и тов. председателя 2-й Госуд. Думы) довольно подробное описание казанских революционных кружков того времени, с указанием участия и учебы А. М. в этих кружках.

Описание казанских революционных кружков 80-х годов, помимо биографического значения о М. Горьком, представляет еще больший интерес в том отношении, что В. И. Ульянов-Ленин, поступив осенью 1887 г. в Казань студентом, имел связи с этими кружками и за участие в демонстрации 4 декабря этого года был исключен, вместе с другими студентами, из университета и сослан в деревню Кокушкино.

Осенью 1888 года Владимиру Ильичу, как пишет его сестра Анна Ильинишна, разрешено было снова жить с нею и с матерью в Казани, и он снова возобновил связь с революционными кружками. Поселившись в г. Казани, Владимир Ильич основательно занялся изучением Карла Маркса. «Тут он начал чтение «Капитала» Маркса, — пишет сестра, — рассказывая мне с большим увлечением о прочитанном. Тут завел некоторые знакомства, но больше уходил сам, чем принимал. Он был довольно осторожен, из внимания к матери. Фамилий его знакомых я не помню» (Биография Ленина, Ярославского, 27 стр.).

Сам Владимир Ильич в сборнике воспоминаний о Н. Е. Федосееве пишет, что революционный кружок, в котором он принимал участие, был ликвидирован осенью 1889 года, когда он жил уже в Самаре. Кроме того, старший брат Владимира Ильича — Александр Ульянов, будучи еще гимназистом Симбирской гимназии, тоже находился в сношениях и переписке с казанскими революционными кружками, о чем свидетельствуют П. Ф. Кудрявцев и З. М. Таланцев. Два студента казанских—химики: Генералов и Осипанов, знакомые А. И. Ульянова, в 1886 г. переехали из Казани в Питер и там совместно с ним принимали деятельное участие в заговоре на убийство Александра III и были все казнены в мае 1887 г.

Привожу здесь описание казанских кружков в выдержках.

С. Н. М и л о в с к и й пишет:

«Я в Казани жил с 1881 до осени 1886 г. То время было временем искания и созидания критической личности. Здесь я должен сказать вкратце, как тогда выращивалась кружковская молодежь. Мы собирались два раза в неделю и читали. Начинали чтение с книги Головачева «Десять лет реформ», потом переходили к «Политической экономии» — Иванукова (краткий очерк), затем к Чернышевскому (примечания к Миллю), к разным его статьям в «Современнике», к статьям Анненского, к историческим письмам Миртова-Лаврова, к В. В.

в «Отечеств. Записках» и т. п. и, наконец, к Марксу, по статьям Зибера или по переводу. Мы немного читали на наших собраниях — страницу, две, три, редко главу. Но зато останавливались на каждой строчке,

Дом на Успенском с'езде. Здесь М. Горький
провел детские годы.

Фото Иванова.

на каждой мысли, спорили-спорили, и всегда приходили к одному выводу.

Нашим кружком руководил студент-медик М. Д. Фокин, диалектик, знающий, развитой. Он казался для нас недостижимым идеалом. Направляя нашу мысль, он давал массу работы на дом, и дома мы читали и реферировали Михайловского, Спенсера, Кареева и пр. и пр. У меня, напр., был прореферирован весь Михайловский.

В нашем кружке были, кроме меня и Кудрявцева, еще студенты: М. Е. Березин (видный в казанских кружках революционный деятель), Колибрин, Автократов, Масловский, Ковалев, офицер Ренар, юнкера — Поляков и Андржиевский и некоторые другие лица.

Лекции студентами были заброшены. Мы, академики, ничего не знали по своей богословии. Говорю об этом, как показателе того, что мы учились совсем другому. Мы, академики, нисколько не ценили своей академической науки. Мало ценили свою и студенты университета, исключая медиков, которые очень-очень зубрили, но не все и не большинство.

Организация кружка была такая, что каждый после известного искусства становился во главе нового своего кружка. Завершалось дело изложением практической программы.

Я нарочно подробно остановился на идейном течении жизни молодежи в Казани в 80-х годах, чтобы вы могли почерпнуть из этой характеристики те данные, которые могут характеризовать и А. М. Пешкова, как одного из многих той купели, в которой крестились тогда люди, жаждущие света. Развитие шло по Челябинскому каталогу, на обломках народовольческой группы — с юга, с примесью чернопередельчества и под преимущественным влиянием лавризма. В нашем кружке выработалось отрицательное отношение к нелегальщине. Мы считали возможным дей-

ти до выводов путем работы над легальным материалом, а нелегальщину допускали только, как финал, как неизбежный, и притом в конце курса, а не в начале. Добираться своими силами, путем индукции, а не дедукции. Это, несомненно, развивало, хотя отнимало массу времени. Кое-кому это помогло.

Описанную школу прошел и А. М. Пешков, будущий Максим Горький».

На поставленный мною С. Н. Миловскому вопрос: кто из студентов на А. М. имел большое влияние: Кудрявцев или кто другой, — ответ был такой: «Да, Петр Филиппович Кудрявцев имел огромное влияние на А. М. в бытность в Казани. Петр Филиппович разбудил мысль А. М., направил, дал книгу, создал настроение и бросил семена мировоззрения в его душу на всю жизнь».

Другой из видных руководителей кружков, упомянутый выше М. Д. Ф о к и н (теперь московский профессор) в письме сообщил мне:

«Задачи кружками ставились следующие:

- 1) Общими силами выработать и прочно обосновать свое социалистическое и революционное миросозерцание, а затем точно формулировать и определить свою политическую ориентацию (в смысле определенной политической программы). Эта программа из существующих тогда революционных направлений, — ближе всего стояла к программе «Земля и Воля».

2) Рядом с выработкой своего политического миросозерцания кружок ставил своей технической задачей в ближайшее же время проникнуть во все учебные заведения Казани, с целью вербовки революционно-настроенных элементов.

В дальнейшем развитии работы практиковалось — по мере накопления достаточного количества подходящих элементов — создание целого ряда новых филиальных кружков, которые все должны были группироваться вокруг основного кружка и действовать согласованно, по общему плану».

П. Ф. Кудрявцев, работавший в казанских кружках с 1882 г. до осени 1887 г., дает довольно подробное описание участия и учебы в этих кружках А. М. Пешкова. А. М. рекомендован был Кудрявцеву студентом Е. Н. Чириковым, впоследствии известным писателем. П. Ф. Кудрявцев так описывает свое знакомство с А. М. и его учебу в Казани:

«Ал. Макс. нам изображен Чириковым, как человек, полный жажды знаний, по его мнению, ему было бы чрезвычайно целесообразно дать кружковое образование. Мы сказали Чирикову, чтобы он его непременно оставил в Казани, и что на первое время, до присоединения работы, мы ему поможем. Прибывший Пешков был присоединен к одному из многочисленных наших кружков, которым ведал Михаил Егорович Березин. В виду того, что А. С. Деренков — владелец мелкой лавочки — был у нас вполне своим

человеком, мы свели Ал. Максимовича с ним. У последнего была богатая библиотека общественно-политического содержания. Кроме того, наш центральный кружок взял его в сферу своего влияния, обеспечив его не только возможностью получать изустные ответы на все его запросы, но и в смысле снабжения его всевозможной литературой всякого вида (и беллетристической, и публицистической, и научно-популярной, и капитальной). Сначала Горький жил случайными заработками, но вот начала организовываться булочная, в которую предположено было привлечь и Пешкова. Булочная была открыта на имя отца Андрея — Степана Деренкова. Организовал ее А. Д.—в на основе его кредитоспособности в торговом мире, непосредственно же вела ее его сестра — Мария Степановна Деренкова, как уполномоченная своего отца и брата. Вначале булочная помещалась на Лядской улице. Она предназначалась не для личных барышей, а в целях, достигаемых революционными кружками, при чем рабочие в этой булочной должны были пользоваться хорошими условиями и в смысле пищи, жалования, отношения хозяев. Дело булочно-кондитерское считалось настолько прибыльным и было действительно таковым, что была возможность большую часть прибыли направлять на революционные цели. Сначала дело велось в скромных размерах, но скоро выяснилась возможность поставить его более широко. Булочная захватила

многие оптовые поставки в учебных заведениях, благодаря связям кружковых работников в общежитиях учащихся.

В этой же булочной с начала ее существования до конца работал Алексей Максимович Пешков. С самого начала для А. М. Пешкова было выговорено условие, чтобы он, работая в булочной, имел достаточно времени для своего развития и участия в революционных кружках. Как в первой булочной, так и во второй, я жил в качестве квартиранта, занимая особую комнату, удобную в конспиративном отношении. Особенно хороша была в этом отношении комната-особняк на Лядской улице, состоящая из четырех каменных стен, с особым ходом на двор, отделенная воротами от булочной. А. М. Пешкову было поручено отапливать и убирать мою комнату; этим устанавливалась естественная возможность для него часто бывать у меня в комнате, по характеру своей службы, и беседовать со мной по социально-политическим вопросам. Он часто заходил ко мне и тогда, когда собирались у меня кружковые и групповые собрания и велись чтения и беседы на социалистические и революционные темы. Словом, А. М. был в числе лиц, посвященных во все происходившее. Сначала Пешков был помощником пекаря, впоследствии он сделался разносчиком булок по учреждениям и представлял из себя живую связь с кружками различных учреждений. Наиболее тесные сношения

у него установились с Миловским, впоследствии писателем Елеонским, студентом духовной академии.

В период упадка народовольческого движения в Казани — этом этапе между Сибирью и Европейской Россией (куда нередко прибывали политические и оставлялись царской властью), в 80-х годах, развилось сильное революционно-социалистическое движение в виде многочисленных кружков, ставивших целью выработать научно-социалистическое мировоззрение, а как практическую задачу — создать охват актива населения, начиная с учащейся молодежи и рабочих, кончая войсками и крестьянством. Конечной своей задачей кружки ставили — поднять народное восстание, с целью низвержения существующего царского самодержавного строя, опираясь в городах на фабричных рабочих и войска, а в селах на крестьянство, в лице его более сознательного слоя. В основу теоретической и практической программы положен был научный социализм Маркса и Энгельса.

В одном из этих кружков работал Горький. По условиям своей жизни и сущности своего характера или, вернее, своей индивидуальности, он не мог быть дисциплинированным членом кружка. В силу многогранности своей личности, своих способностей и своего творческого духа писателя, Ал. Макс. — как от кружка, так и от отдельных личностей — брал то, что мог извлечь его творческий дух, и шел дальше. Несомненно, однако, что эти кружки и влияние от-

дельных лиц этих кружков не только разбудили его мысль, создали высокое в нем настроение и заложили семена в его мировоззрении на всю жизнь, сделали его той личностью, каким он стал в действительности.

В наших кружках проводились программы трех объемов занятий для выработки полного, законченного социально-политического мировоззрения: малое, среднее и максимальное, смотря по условиям среды и отдельных лиц. С каждым вновь вступающим в кружок первой степени проходила максимальная программа, состоящая из систематически подобранной беллетристической литературы, критики (Добролюбов и Писарев), публицистической — по русской действительности и краткого курса политической экономии, в популярном изложении. Средняя программа имела задачей дать твердое понятие по общему государственному праву (не по учебникам, а по литературе того времени), углубленное прохождение политической экономии, с изложением основ научного социализма, начиная Чернышевским и кончая Марксом и Энгельсом, разбор партийных программ (читались и критически разбирались «Наши разногласия» Плеханова и пр.), читались избранные статьи по экономической литературе, по теории и практике прогресса, истории, философии и общей истории. Третья программа (предназначавшаяся для немногих) имела целью подробное изучение научного социализма («Капитал» Маркса), его реферирование, «Ком-

мунистический манифест» Маркса и др. его произведения по истории революции, произведения Энгельса, изучение движения рабочих Запада, I Интернационала и конгрессов и программа практической революционной работы на местах. Проработавшие первую программу и перешедшие к работе второй программы начинали уже практическую деятельность, т.-е. самостоятельное ведение кружков среди молодежи и рабочих.

Ал. Макс. в период кружкования, может быть, и не прошел этих программ в порядке последовательности, но, несомненно, работал во всех, так сказать, трех ярусах и постиг все детали критики существовавшего дореволюционного строя и получил ясное представление о формах социалистического строя. В это время А. М. Пешков уже формировался в человека с большим образованием, в смысле социально-политических знаний и определенного мировоззрения в направлении социалистическом и революционном. Однажды я вел с ним речь у крыльца булочной (на Бассейной ул.) о том, что ему пора заняться систематической работой по организации агитации и пропаганды среди рабочих города Казани (летом в 1887 г.). Он с удивительным благородством и искренностью сказал мне: «Нет, П. Ф., я не способен к партийной систематической и планомерной работе. Я могу только помогать и содействовать». Я был

удивлен и огорчен, но принял это, как непреложный факт, и больше с ним об этом не вел разговор».

М. Е. Березин—студент-математик, также выдавал А. М. Пешкову книги из нелегальной библиотеки (1886—1887 г.г.) для чтения рабочим булочной. Он упоминает, что чтение книги Костомарова о Стеньке Разине произвело громадное впечатление. Вечером или ночью в свободное время, между посадками хлеба в печь, рабочие лежали, а Пешков читал. — «Я читаю, а у них глаза с полатей, как угли, горят». Это при чтении книги о Стеньке Разине. Такие книги он и просил давать побольше».

«Как сейчас помню, — пишет Березин, — разговор с Пешковым после прочтения примечаний к «Миллю» Чернышевского (о производительном и непроизводительном труде), — он с жаром перечислял виды непроизводительного труда: церкви, монастыри и т. д., как причину бедности масс в капиталистическом обществе». «Теоретические занятия с интеллигенцией его, однако, не удовлетворяли, он тянулся в низы».

Березин упоминает, что с А. М. Пешковым одно время приходилось заниматься очень мало, так как он сильно был перегружен работой в булочной.

На запрос мой об участии Ленина в революционных кружках, М. Е. Березин пишет:

«С Вл. Ил. Лениным я встречался реже: он был в Симбирском землячестве, а я в Казанском. От своего товарища Столбова я слышал, что среди студен-

тов-юристов 1-го курса обращает на себя внимание Ульянов, с которым и необходимо сблизиться в интересах революционной пропаганды. Но в каких кружках он затем работал, не помню».

Относительно марксистов того времени Березин пишет:

«С П. Н. Скворцовым я одно время был довольно близок, хотя он был диаметрально противоположных взглядов на русскую общину, роль крестьянства и т. д. Познакомил меня с ним Н. Е. Федосеев, и мы постоянно спорили, стараясь опираться на Маркса: 1-й том «Капитала», принадлежавший Скворцову. Наши горячие споры с П. Н. один раз кончились даже ссорой: он, между прочим, как-то заявил, что его интересует больше теоретическое решение вопроса, а не практика, — как быть у нас с крестьянами и как удовлетворить их нужды. Я, как истый народник, возмутился таким отношением к нашему кумиру (народу), и лишь после некоторого промежутка мы опять возобновили наши препирательства, как врагидрузья. Скворцов производил на меня впечатление исключительно книжного человека (не от мира сего), и потому я был очень обрадован, когда услышал о появлении марксистов, интересовавшихся не одной теорией, — такими оказались: Кулинченко, Керчикер и затем Сигорский. С двумя последними мне и пришлось потом вести пропаганду среди рабочих. Федосеев тогда еще был слишком молод и не вполне сло-

жился, — он-то и познакомил меня со Скворцовым, очевидно, потому, что, начав заниматься в народных кружках, он, после встречи со Скворцовым, хотел разобраться: кто более прав? Из приезжих марксистов (из Петербурга) я помню нижегородца П. П. Румянцева, тогда еще студента, с которым для меня была устроена тем же Столбовым специальная встреча, состоявшая в самом непримиримом споре, но уже не столько теоретического, сколько практического характера. Вот и все марксисты, которых я встречал в казанских кружках конца 80-х годов.

Приведенные данные, помимо биографического значения о М. Горьком, представляют еще и общий интерес, в смысле освещения постановки дела в казанских революционных кружках в конце 80-х годов.

Как передавали мне, девизом передовой молодежи были тогда слова Лассаля: «Надо выступать на общественную работу, вооружившись всеми знаниями своего века». Действительно, тогда революционная молодежь, забросив часто казенную учебу, работала в другом направлении, изучая русскую действительность, проходя политучебу.

И Алексей Максимович, как натура широкая, оригинальная, не укладывавшаяся и тогда в определенные рамки, конечно, интересовался в Казани, помимо описываемых кружков, многим и другим. Как видно из его книги «Мои университеты», он бывал на собраниях и толстовцев, в кружках, где читались произведе-

дения Плеханова («Наши разногласия»). На собраниях тогда встречался и с начинавшимися формироваться кружками молодых марксистов: Федосеева, Барамзина и других. Одновременно вел дружбу и много беседовал со старыми, бывальыми рабочими фабрик.

Интересовался тогда А. М. Пешков (по прозвищу «Грохало») и научными книгами. Так, работая в булочной, по ночам между работой вместе с товарищами он штудировал такие серьезные книги, как «Рефлексы головного мозга» профессора Сеченова, о чем он говорил в моем присутствии знаменитому ученому в Н.-Новгороде, в 1899 году.

Под влиянием казанских студентов и тамошних кружков, кругозор А. М. Пешкова, несомненно, значительно расширился.

Несмотря на стоявшую всюду в России тяжелую реакцию восьмидесятых годов, после царевубийства 1881 года, в Казани в то время организовано было много революционных кружков, для самообразования и для изучения русской действительности. В Казани тогда было немало возвращенных из Сибири, высланных из г. Харькова и других мест политически неблагонадежных, которых в столицу не допускали. В кружковых работах принимали участие некоторые из профессоров университета, — так называли профессора истории Смирнова.

Среди кружковых руководителей, по направлению, чаще были народники и народодовольцы.

Помимо Ленина, многие—впоследствии известные общественно-революционные деятели—именно в Казани получили закваску и направление, раскинув свою деятельность по всему Поволжью и даже далее.

Высланные участники кружков в 80-х — 90-х годах и позднее работали в земских и городских учреждениях и в газетах Поволжья, развив при этом значительную революционную деятельность. Так, в Н.-Новгороде их было несколько десятков. Помимо общественной и просветительной работы, они вели революционную пропаганду среди рабочих, крестьян и учащейся молодежи.

Кстати упомянуть, в Н.-Новгороде первыми руководителями по части революционизирования Якова Свердлова, впоследствии председателя ВЦИК'а, были высланные участники казанских кружков 1887 — 1888 г.г.: Сомов С. Г. и Троицкий П. М. Сомов был близок к Максиму Горькому, как в Казани, так и в Н.-Новгороде, совместно квартируя с ним, и первый арест Горького в 1889 году был в связи со знакомством с Сомовым.

В городе Самаре участники казанских кружков сотрудничали в «Самарском Вестнике», первой в Поволжья газете с явно марксистским направлением.

В годы пребывания В. И. Ульянова (Ленина) и М. Горького в Казани, в 1887 и 1888 годах, кроме Федосеева, увлекались марксизмом еще: Григорьев, Барамзин, Зайцев, Бауман (убитый в Москве), Стопа-

ни, Соскис, Румянцев П. П., Кульниченко, Керчикер, Сигорский, Скворцов П. Н. и друг. Среди них пионером насаждения марксизма считался П. Н. Скворцов, переехавший после из Казани в Н.-Новгород, куда на свидание с ним приезжал в 1891 г. В. И. Ульянов (Ленин).

В Казани издавалась в то время одна из лучших газет Поволжья.— «Волжский Вестник», профессора Загоскина, а также «Казанский Листок».

В земстве статистикой заведывал возвратившийся из ссылки известный Н. Ф. Анненский (с 1883 до 1887 г.), переехавший после в Н.-Новгород, где у него работали по статистике первые нижегородские марксисты (прибывшие тоже из Казани): П. Н. Скворцов, М. Г. Григорьев и др.

Впоследствии в Казанском университете учились и работали в революционных кружках А. И. Рыков и Н. А. Семашко (1900 — 1901 г.г.).

ТРАГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ ГОРЬКОГО.

Как известно, Максим Горький в казанский период своей жизни 12/25 декабря 1887 года покушался на самоубийство.

Правда, он тогда не носил еще псевдонима Максима Горького, теперь всемирно известного, а был просто Алексей Максимович Пешков, булочник из Ни-

жегородских цеховых, и еще нигде не печатался. Тогда он только подготовлялся к общественной и литературной работе, участвуя в казанских студенческих революционных кружках.

Студенты смотрели на А. М. Пешкова, как на выдающегося талантливую «самоучку», «самородка», вышедшего из самых низов народных, просвещали его в чайнии, что из него выйдет человек выдающийся, особого сорта. Так и случилось: судьбе угодно было сохранить этого выдающегося человека, и пущенная им в минуту затмения и разочарования жизнью пуля, прошедшая через левое легкое насквозь, не имела роковых последствий.

В то время ему начали приходить в голову мрачные мысли: «никуда я не поеду, никому не нужен». А вспоминая горячие речи, которыми он еще недавно окутал людей, подобных себе, внушая им бодрость и пробуждая надежды на лучшие дни, он почувствовал себя обманщиком и решил застрелиться. Пошел на базар, где торговали всяким старьем, и там купил маленький револьвер с пятью пулями. Ночью он тщательно вычистил его. Утром у знакомого студента медика взял анатомический атлас Гиртля, внимательно рассмотрел в нем, где расположено в груди человека сердце, а вечером сходил в баню и хорошо вымылся, делая все спокойно, старательно. Попробовал написать записку, объясняющую решение на самоубийство:

«Я умер потому, что перестал уважать себя. Никто меня не любит, никому я не нужен»... Потом он замарал эти слова и заменил их другими: «Жить стало тяжело»... Смял в комок и эту бумажку, подумав: «Живут люди тяжелее и самому тебе раньше жилось хуже».

В этот момент соседка по комнате — Настя, работавшая в той же булочной, где и А. М., попросила его вычистить ей ботинки, но А. М. отказался, заметив: «Честное слово, я сегодня застрелюсь». Потом решительно взял перо и написал: «Если этот случай обеспокоит вас, прошу извинить».

Стрелялся он в зимний вечер, на крутом обрывистом берегу реки Казанки, за стенами казанского монастыря, надеясь смертельно раненым свалиться с крутизны к реке и схорониться в снежных сугробах до весны, чтобы с потоками воды спуститься в реку Волгу. Но шум выстрела был услышан ближайшим ночным караульным — татаринном, который заявил об этом полицейскому. Последний раненого и доставил на извозчике в больницу губернского земства для оказания помощи.

В моем распоряжении имеется больничный скорбный лист А. М. Пешкова из Казанской Губернской Земской больницы. Приводим здесь содержание его:

«Пешков Алексей Максимович, 19 лет, булочник, грамотный, холост, русский, Нижегородский цеховой.

Местожителство: по Бассейной улице в доме Степанова.

Время поступления в больницу: 12/25 декабря 1887 г. в 8½ час. вечера.

Время выписки из больницы: 21 декабря (ст. стиля) 1887 года.

Распознавание: Огнестрельная рана груди. Входное пулевое отверстие находится на передней поверхности груди, на $\frac{3}{4}$ вершка ниже левого соска и несколько к наружной сосковой линии. Пуля, войдя в отверстие, прошла насквозь через грудную полость и засела в толще кожи, на задней левой поверхности груди, на три поперечника пальца ниже угла лопатки. Входное отверстие круглой формы, вокруг раны синий ободок, кожа в окружности обожжена. Дыхание затруднено, пульс несколько учащен, но полный. Кровохаркания не было. Наложена антисептическая повязка.

13 декабря. Повязка промокла кровью, затрудненное дыхание более выражено. Вечером в пять часов больной начал отхаркивать кровянистую мокроту, больной беспокоен, одышка усилена. Пульс около 90 в минуту, весьма удовлетворительный.

14 декабря. Одышка уменьшилась, самочувствие весьма удовлетворительно.

15 декабря. Больной покоен, пульс и температура нормальные, дыхание правильное.

17 декабря. Кашель небольшой. Крови с мокротой выделяется немного. Больному позволено сидеть на кровати.

21 декабря больной выписался.

Рана нанесена с целью самоубийства».

В разговоре со мной, при упоминании об этом трагическом эпизоде, Алексей Максимович передавал мне, что в больницу он был доставлен очень слабым, почти без сознания. Профессор Н. И. Студантский при первом осмотре Алексея Максимовича нашел положение его безнадежным, что и высказал вслух, думая, что больной без сознания.

Один из ординаторов на это ответил:

«Профессор, пуля, ведь, у больного находится совсем близко под кожей, давайте вынем ее».

Алексей Максимович, считавшийся без памяти, весь этот разговор слышал; конечно, он не мог придавать ему бодрости при предстоящей операции.

Операция тут же была произведена и вскоре он пришел в полное сознание. Сравнительно легко перенес он сквозную рану в груди и через девять дней выписался из больницы, а через месяц принялся за работу.

Трагический эпизод этот самим Максимом Горьким описан в рассказе «Случай из жизни Макара» (3-й том собр. сочинений 1924 г.).

Эпизод этот последовал вскоре после студенческих волнений в Казани и массовых исключений и арестов

(6-го декабря 1887 г.). Тогда исключен был, между прочим, из университета и В. И. Ульянов.

Покушение на самоубийство Алексея Максимовича, по тогдашнему прозвищу «Грохало», среди кружковой молодежи произвело сильное впечатление.

М. Г. Григорьев, впоследствии марксист, знакомый В. И. Ульянова, даже читал по этому поводу доклад в кружках на тему: «Самоубийство и нирвана».

Дружеское товарищеское отношение к А. М. со товарищей по работе подняло его дух и настроение.

Месяца через два после покушения А. М. был приглашен народоправцем М. А. Ромасем для поправления здоровья и для пропаганды среди крестьян в село Красновидово, под видом приказчика в лавку революционного кружка.

Здесь он хотя и нашел прекрасный деревенский воздух, но спокойствия не нашел. Как известно, кулаки не раз поджигали лавку и даже квартиру, где жил А. М., который едва не погиб тогда в пламени, но и здесь судьба его спасла и он сделался впоследствии всемирно-известным писателем.

М. ГОРЬКИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

А. А. Белозеров

А. М. Пешков—М. Горький—не только великий художник слова, не только первоклассный мастер рассказа, повести и романа, но в то же время он исключительной силы социальный бытописатель и непосредственный, бурный революционер в жизни. Как социальный писатель, как классик пролетарской литературы, он развернул перед нами целый ряд огромных художественных полотен, на которых сочными, яркими мазками, с редкой правдивостью изобразил быт и борьбу всех основных социальных групп русского общества.

Начав с люмпен-пролетариата, с социальных низов босячества («На дне»), через затхлую, пошлую атмосферу обывательщины («Мещане») и первобытно-грубую среду купечества—класса эксплуататоров («Фома Гордеев»), он подошел к русской интеллигенции и, неудовлетворенный ею, остро подметив начавшееся расслоение Окуровской Руси («Городок Окуров»), — не случайно остановил свой пытливый

ум и свою художественную мысль на рабочем классе, на его борьбе за новые формы жизни, за новые идеалы человечества — за социализм («Мать», «Дело Артамоновых»). Не случайно, ибо Горький — революционер, ибо и сам он давно и крепко спаялся с рабочим классом.

Революционность и коллективизм — основные черты творчества М. Горького, — лейтмотив его произведений. Не только отмеченные социальные повести и драмы или такие нарочито революционные вещи, как: «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Человек», «Весна», «9-е января», «Товарищ», «Прекрасная Франция», «Русский царь» и им подобные, но и чисто-художественные произведения его, даже мелкие рассказы объективно революционны, ибо они вселяют бодрость, зовут к жизни, учат разумной жизни. «Горький — коллективист, — говорит о нем т. Н. Бухарин. — Он чувствует массу, ритм ее жизни, ее борьбы, ее труда, дыхание класса, народа, больших человеческих глыб» («Правда», 1928 г., № 75).

М. Горький не просто революционер, но революционер с определенным политическим лицом. И не только теперь, когда он отчетливо продекларировал свою солидарность с диктатурой пролетариата и советским строем («Анонимам и псевдонимам» — «Известия», 1927 г., № 296), но и в прошлом он имел определенную политическую программу. Правда, она в некоторых случаях (направление Каприйской шко-

лы, статьи 1917 г.) не вполне соответствовала марксизму и ленинизму (писатель-художник заслонял Горького-теоретика), но в целом она все же выражала принципы рабочего класса, его надежды и стремления. Разве мог, например, беспрограммный революционер говорить так, как говорил М. Горький устами рабочего Павла Власова, заметьте — при обстоятельствах, в среде и обстановке старого порядка и времени:

— «Мы — социалисты... Мы — враги частной собственности, которая раз'единяет людей, вооружает их друг против друга, создает непримиримую вражду интересов... Мы — рабочие, трудом которых создается все — от гигантских машин до детских игрушек... Мы хотим теперь иметь столько свободы, чтобы она дала нам возможность завоевать всю власть. Наши идеи растут, они захватывают массы, организуют их для борьбы за свободу... Сознание великой роли рабочего сливает всех рабочих мира в одну душу, — вы ничем не можете задержать этот процесс обновления жизни. Социализм соединит разрушенный вами мир в единое великое целое, и это будет!»¹.

Роман «Мать» написан в период первой русской революции (1906 г.), а мысли Павла Власова относятся к еще более раннему периоду (1902 г.). Надо

¹ М. Горький: «Мать», соч. VII т., стр. 284-285.

учесть историческую перспективу. Теперь, после Октябрьской революции, Горький говорил бы, вероятно, уже не о социализме, а о коммунизме. Но и то, что было сказано им тогда, весьма характерно для М. Горького, как революционера с пролетарской (классовой) точкой зрения. Какими путями, через какую среду и обстановку, при каких внешних обстоятельствах стал М. Горький революционером, — выявить это и составляет задачу настоящей статьи.

Прежде всего и кратко — о «социальных корнях» в происхождении самого Горького. Нередко приходится слышать и читать о Горьком, как о «выходце из мещанской среды», как о «деклассированном мещанине», «человеке со странной биографией». И это ставится ему, как писателю и революционеру как бы в некоторый минус. Тов. Переверзев, например, доказывает, что «движущий фактор творчества данного писателя лежит в пределах не-пролетарского класса». Допустим условно, что это так, что Горький вышел из мещанства. Но значит ли это, что он — не подлинный революционер и не пролетарский писатель? Очень метко по этому поводу отвечает А. В. Луначарский: «С этой точки зрения, — говорит он, — Маркс тоже не пролетарский писатель. Несомненно, что весь его дух заострен капитализмом, несомненно, что он всю жизнь боролся против капитализма, и несомненно также, что отец его не стоял у станка, а мать не доила коров, сам он никогда не

работал на заводе, и т. д.»¹. То же самое можно было бы сказать о великом теоретике и практике революционной борьбы — В. И. Ленине.

Поэтому этот критерий, по заключению т. Луначарского, «должен быть самым решительным образом отброшен. — Писателя нужно ценить по тому, что он дал, чем он стал, по тому, куда он пришел, разумеется, под влиянием социальных условий, потому что всякий человек является результатом социальных условий». Пролетарским писателем М. Горького назвал Ленин, а вслед за ним называет Горького своим писателем и ВКП (б). Это достаточные авторитеты, чтобы не возвращаться к затронутому вопросу.

Но по сути дела, в отношении социального происхождения М. Горького и его окружения, дело обстоит далеко не так «мещански», как это некоторым кажется. Здесь, пожалуй, больше «мещанской фантазии», чем доказательств. Краткая генеалогия Горького такова: по отцовской линии — дедушка из сибирских крестьян, отец — сначала квалифицированный рабочий по найму (краснодеревец-мебельщик-обойщик, приписан к мещанам для счета, как и все почти оседлые квалифицированные сормовские рабочие), потом кустарь-одиночка; по линии матери — дедушка сначала волжский бурлак, а потом ремесленник-красильщик (красильщик материй, а не маляр), был ремесленным старшиной этого цеха, но таковым мог

¹ А. В. Луначарский: «О Горьком», — «Кр. Нива», 1928, № 13.

быть любой рабочий-кустарь; его «собственность» в Н.-Новгороде на Успенском съезде (цела до сих пор) представляет собою заурядный деревянный домишко не лучше тех, какие имели и имеют, скажем, крестьяне или оседлые сормовские рабочие.

Развалившееся в конце «предприятие» (красильня дедушки) доказывает, что «капиталистическая сторона» его была далеко не блестяща и, во всяком случае, не выше средней кустарной мастерской. Да и какое отношение к ней имел М. Горький-дитя? У отца, рабочего, Горький воспитывался до пятилетнего возраста и столько же, примерно, у дедушки-ремесленника Каширина. Следовательно, мещанство не успело привиться к нему: не было времени. Да и жилось Горькому у дедушки не сладко: пороли ежедневно до сорока заноз в теле. Об этом он рассказывает нам в «Детстве». Жизнь и обстановка — обычны для рабочего быта того времени. Наконец, его двоюродные братья (родных не было, отец и мать умерли рано) — его «среда детства», Сергей и Константин Каширины и товарищ детства Ив. Сапожников — выходцы из рабочих семей (благополучно здравствуют поныне в роли квалифицированных рабочих-металлистов на Канавинских заводах). А дальше, с 10-летнего возраста, — долгие годы работы по найму («В людях», «Хозяин», «Мои университеты»).

Какие же «мещанские» или «мелко-буржуазные» крупницы можно выискать в социальном происхожде-

нии, воспитании и окружении М. Горького? У многих ли пролетариев найдется более пролетарское, более «чистое», так сказать, с классовой стороны социальное происхождение и более тяжелая экономическая и бытовая обстановка с детских лет до зрелого возраста (по дворам собирал тряпье и кости), нежели у М. Горького? И не кажется ли в сравнении с ним более «буржуазно-мещанской» (с экономически-бытовой и психологической стороны) обстановка, скажем, средняка-крестьянина? Поэтому следовало бы покончить с разговорами о «мещанстве» М. Горького. Уж если необходимо упоминать о «социальных корнях» самого писателя, то будет более правильным, пожалуй, учитывать при этом ремесленно-рабочую среду и обстановку, из которой он вышел.

Теперь проследим, кем был М. Горький «в людях» и каковы были его первые политические шаги. — «После года обучения в школе, я был отдан дедом в магазин обуви Порхунова», — говорил он в одном из писем ко мне. С этих пор А. М. начинает странствовать «по чужим людям», переходя от одного хозяина к другому, всюду испытывая себя, всюду наблюдая и изучая суровую действительность. После обувного магазина он — ученик в чертежной, потом в иконостасной мастерской, затем поваренком на па-

роходе, позднее служит у садовника, стучит поденщиком на волжских пристанях по пробивке баржей, работает жел.-дор. сторожем, выступает в роли грузчика, пекаря и булочника, лавочного приказчика, портового рабочего и, наконец, переходит на канцелярский труд счетовода и делопроизводителя. Таков профессиональный путь будущего писателя. В нем более десятка лет непрерывного трудового стажа. Отсюда идут и социальные корни его творчества.

Еще будучи поваренком на пароходе, под влиянием повара Смурого, Горький, по его словам, «возымел свирепое желание учиться». В течение ряда лет он по книгам восполняет свое самообразование, готовится к поступлению в университет и, будучи 16-летним юношей, в 1885 г. едет в Казань для осуществления своей мечты¹. Однако, вместо «университета» жизнь предложила ему тяжелую работу волжского грузчика, а потом булочника и пекаря. В казанской булочной С. И. Деренкова Горький впервые попадает в подпольную политическую обстановку. Булочная была организована нелегальным кружком в целях революционной пропаганды. Наиболее видными участниками его были студ. П. Ф. Кудрявцев, Викт.

¹ А. М. Горький считает, что в Казань уехал в 1885 г., будучи 15-ти лет (личное письмо к автору статьи). Однако, считая год рождения А. М-ча 1868-й, мы устанавливаем, что в Казань он отправился не моложе 16-ти лет.

Пьянков, Мар. Деренкова, Щербакова и др. Постоянным посетителем этого кружка значился и А. М. Пешков. По данным жандармского наблюдения, «молодежь занималась чтением и распространением тенденциозных статей и сочинений в противоправительственном духе». А. М. Пешков также был причислен к лицам неблагонадежным в политическом отношении. В это время он уже занимался систематическим чтением серьезной литературы: при одном из обысков у членов кружка была отобрана его книга «Систематический указатель лучших книг и журнальных статей 1856—1883 г.» и личная его выписка из статьи Миртова «Современное учение о нравственности и ее история».

Как работал этот кружок и какие пустил революционные корни, сказать трудно, но, очевидно, он был связан и с «народничеством». Сам А. М. в письме ко мне указывал, что «П. Ф. Кудрявцев был членом народнического кружка Попова». Но надо иметь в виду, что «в Казани того времени существовал и чисто марксистский кружок Федосеева», с которым, видимо, соприкасался и М. Горький. Казань того времени вообще была пестра идейными направлениями. Кроме этих кружков, по словам А. М.-ча, существовал еще «философский революционный эклектический кружок, организованный Серг. Гр. Сомовым, бывш. Ялutorовским ссыльным, другом Н. Е. Каронина-Петропавловского». Так или иначе, эти идейные течения не

могли не коснуться молодого Пешкова, с жадностью впитывавшего в себя все, что до него доходило.

Кружок при булочной Деренкова был, видимо, активен, ибо он обратил на себя внимание жандармов, которые всех участников «взяли на учет» и создали уголовно-политическое дело. В числе других был привлечен и А. М. Пешков, но «по недостаточности улик, дело о нем было прекращено». Очевидно, кружок распался, так как в 1888 г. булочная закрылась и с этого времени мы видим А. М-ча уже на другой революционной работе — у старого народовольца М. А. Ромася, в с. Красновидове (Свияжского уезда, Казанской губ.), где он под видом «приказчика» бакалейной лавки, открытой Ромасем также с нелегальными целями, вел пропаганду среди крестьянства. Эта пропаганда обошлась недешево Ромасю и Горькому: обозленное кулачье — мелкие торговцы — сожгли лавку и квартиру Ромася и едва не убили самого Горького¹.

М. А. Ромась занимает значительное место в биографии М. Горького. Ранний революционер, выходец из рабочего класса, он к этому времени после двухлетнего заключения в тюрьме уже отбыл десятилетнюю якутскую ссылку (одновременно с В. Г. Королен-

¹ О М. А. Ромасе см. «Мои университеты» М. Горького и «Записки современника» В. Короленко. Литература Горького этого периода: «Хозяин», «26 и одна», «Случай из жизни Макара» и «Мои университеты».

ко), а несколько позднее — в 1892 г. снова был арестован (с тайной типографией) в Смоленске, вместе с М. Натансоном, А. М. Лежавой, Мациевичем и др., и снова получил десятилетнюю ссылку. Несмотря на короткое, сравнительно, время знакомства с Горьким, он все же успел оказать на него известное влияние. — «После попытки самоубийства, — говорит Горький в «Моих университетах», — мое отношение к себе сильно понизилось, — я чувствовал себя виноватым перед кем-то, и мне было стыдно жить. Ромась, должно быть, понимал это и, человечно, просто открыв предо мною дверь в свою жизнь, — выпрямил меня».

Но М. Горький — человек города, его стихия — городской пролетариат; в нем уже зарождался будущий певец революционного «Сокола» и «Буревестника», а потому идейное влияние Ромася серьезного значения не имело: Горький не стал народником. На приглашение Ромася — поехать с ним в Вятку (для продолжения пропаганды среди крестьянства), молодой Пешков сперва уклончиво ответил: «Подумаю». А подумав, он в день отъезда из Красновидова откровенно признался Ромасю: — «Не умею, не могу жить среди этих людей»...

На этом роль М. Горького, как «народника», видимо, закончилась. В 1889 г. он уже в Н.-Новгороде, в обществе известного нам революционера С. Г. Сомова и поднадзорного учителя Акима Чекина.

Жандармская переписка передает любопытный факт: «Все трое жили коммуной (на Жуковской ул., в доме Лик) и прислуги не имели». Для политического подполья это характерно. К сожалению, из переписки не видно конкретной работы этой «коммуны». Все же она обратила на себя внимание жандармов и была обыскана. К моменту обыска Сомов и Чекин скрылись, а М. Горький был арестован (14—27 октября) и заключен в тюрьму. Это был первый политический арест в его жизни. В протоколе обыска отмечена интересная деталь: «По осмотре квартиры, книги и бумаги оказались разброшанными, многие порваны: очевидно, бумаги просматривались»... Для знакомого с революционным подпольем это понятно: «чистых» бумаг перед обыском уничтожать не будешь. Не добившись от Горького никаких показаний («на допросе держал себя дерзко и нахально»), жандармы через два дня его освободили и начатое политическое дело прекратили, но... учредили за ним негласный надзор. С этих пор жандармская опека над Горьким уже не прекращалась: его считали человеком опасным; по выражению тогдашнего нач. жандарм. управления — «исполнявшим тайные поручения по распространению разных противоправительственных воззваний».

Таким образом, можно установить, что 1887—89 г.г. были началом революционной деятельности М. Горького, но эта деятельность еще не имела определен-

ного программного выражения. В последующие два года политическая линия А. М-ча уже принимает более отчетливые формы. Как известно, после южных странствований, он в 1891—92 г. остановился в Тиф-

1-й Нижегородский тюремный корпус.

лисе и служил счетоводом при жел.-дор. мастерских. Из жандармских документов видно, что там Горький «вращался преимущественно в среде лиц, известных своей неблагонадежностью». Здесь по его инициативе была образована «коммуна» (опять — коммуна!) из учащейся и рабочей молодежи, и душою ее был именно Горький. По словам Э. Клейна, коммуной устраивались литературные вечера, беседы, доклады, производились сборы для политических ссыльных. Молодежи набиралось до 50 чел., среди нее были

А. М. Лежава (теперь зампред СНК РСФСР), Серго Варганов (теперь зав. ОНО Армении), часто посещали видные революционеры, как бывш. каторжанин А. М. Калюжный, ссыльный писатель В. В. Берви (Флеровский) и др.¹.

Архивные документы б. Нижегород. жандарм. управления дополняют роль М. Горького в «коммуне» следующим: «Пешков занимался антиправительственной пропагандой среди рабочих; очень часто, много и резко говорил об эксплуатации рабочих». — «Пешков был человек начитанный и писал в газетах, его фельетоны поражали своим содержанием». Несколько позднее один из его сожителей по «коммуне», рабочий Ф. Афанасьев, «провалился» на соц.-дем. пропаганде и попал в руки жандармов. Последние выяснили, что афанасьевская пропаганда — «это продукт влияния на него Пешкова», а потому к делу был привлечен и Горький. В постановлении Тифлисского жандарм. управл., между прочим, говорилось: «Деятельность Пешкова являлась, несомненно, преступною, и предметом этой деятельности была соц.-дем. пропаганда».

Из этого можно заключить, что возможное касательство к Федосеевскому марксистскому кружку в Казани не прошло даром для Горького: через три года после этого он уже развертывает соц.-дем. пропаганду среди тифлисских ж.-д. рабочих и уча-

¹ Э. Клейн: «Горький в Тифлисе», 1928.

щейся молодежи. Этот факт для революционной характеристики М. Горького весьма важен. Кроме того, в том же 1892 г. в Майкопе он попал в руки полиции по делу «о казачьем чумном бунте» и был ненадолго арестован.

В тифлисский период на Горького имел крупное влияние упомянутый А. М. Калюжный, толкнувший его и на литературный путь (первый рассказ «Макар Чудра» был напечатан в тифлисской газете «Кавказ», № 242 от 12—25 сентября 1892 г.). М. Горький не может забыть этого. В 1925 г. он писал Калюжному, называя его другом и учителем: «С той поры, как я счастливо для себя встретился с вами, прошло 34 года... За это время я встретил сотни людей, среди них были крупные и яркие, но, поверьте, никто из них не затемнил в памяти сердца моего ваш образ. Это потому, что вы были первым человеком, который отнесся ко мне воистину по-человечески... Вы первый заставили меня взглянуть на себя серьезно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже слишком 30 лет честно служу русскому искусству... Пусть знают, как хорошо отнестись к человеку человечески сердечно. Старый друг, милый учитель мой, крепко жму вашу руку»¹.

Тифлисское дело закончилось для Горького тюрьмой: его арестовали спустя 6 лет (19 мая 1898 г.) уже

¹ Кроме А. М. Калюжного, на литературное развитие М. Горького имели также влияние жившие в этот период в Н.-Новгороде В. Г. Короленко и прис. пов. А. И. Ланин, у которого М. Горький служил письмоводителем и которому посвятил первый том своих рассказов.

в Н.-Новгороде, когда он работал в «Нижегородском Листке», и с жандармом отправили снова в Тифлис, где и посадили в Метехский замок. За отсутствием серьезных свидетельских показаний, это дело также было прекращено, и 13 июня 1898 г. Горький был освобожден¹. В этот период он уже — видный литератор и сотрудник марксистского журнала «Новое Слово», он уже — автор знаменитой «Песни о Соколе», которая по тем временам прозвучала призывным набатом среди полуночи. Департамент полиции начинает интересоваться М. Горьким «всерьез и надолго», почтовая корреспонденция, связанная с его именем, перлюстрируется и прикладывается «К делу о М. Горьком». Из одного из перехваченных писем видно, что в 1899 г. Горький приезжал в Петербург, где произвел среди литературной братии и интеллигенции целую бурю. — «Все наши литераторы и интеллигенция ему, свежему человеку, показалась буржуазной, затхлой и пошлой». Его выступления рассматривались, как революционный призыв к борьбе за новые начала жизни.

В 1899 и 1900 г.г. он сотрудничает в марксистском журнале «Жизнь», в котором печатает «Фому Гордеева», «Трое» и ряд рассказов.

¹ Подробно об этом деле см. — А. Свободов: «М. Горький на заре рабочего движения», — «Каторга и Ссылка», 1925 г., № 2; А. Белозеров: «Из молодых лет М. Горького», — «Новый Мир», 1926 г., № 3.

Для М. Горького, как революционера, особенно характерен период 1901—1905 г.г., когда он вплотную связывается с РСДРП и, главным образом, с ее большевистской частью. В эти годы он буквально горел в революционном котле. Будучи весьма впечатлительным и бурным по натуре, он вообще так или иначе реагировал на все крупные события общественно-политической жизни. После изданных правительством «временных правил» о студенческой солдатчине, он едет в Москву и Петербург, выступает с горячими протестами против политики правительства, агитирует среди литераторов. В ряде личных писем к беллетристам Н. Телешову, Ив. Бунину, поэту В. Брюсову он обращается с горячим призывом «заступиться за студентов», считая, что отдавать студентов в солдаты, это — «мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов».

4 марта 1901 г. питерские студенты в знак протеста против солдатчины и университетского режима устроили на площади у Казанского собора знаменитую демонстрацию, которая закончилась кровавым избиением студентов казачьими отрядами, под командой ген. Клейгельса (петроградский градоначальник). Эта демонстрация стала известной не только в России, но и за границей. После этого Горький выступал против правительства с еще большей актив-

ностью. Департамент полиции отмечал, что все выступления Горького носили «революционно-преступный» характер, что он «агитировал и возбуждал общество по поводу демонстрации 4 марта у Казанского собора и подписал протест Союза Взаимопомощи Русских Писателей по этому поводу на имя министра внутренних дел». Как ответ на избиение студенческой демонстрации и на политику правительства вообще, — он печатает в журнале «Жизнь» (№ 4) знаменитую «Песню о Буревестнике», имевшую значение взрыва революционной бомбы. Журнал за эту песню был закрыт. Она прозвучала горячим призывом к революции: «Пусть сильнее грянет буря!».

Мирные и легальные пути воздействия на правительство исчерпаны, с ними М. Горький покончил, уверовав в единственно-правильный, в единственно-возможный путь борьбы со старым строем и победы над ним — путь революции... Дальше он уже выступает в роли «подпольщика», участвует в составлении нелегальных прокламаций, в которых разоблачает преступную политику правительства по отношению к русскому народу вообще и студентам в частности (воззвание «Опровержение правительственного сообщения»), участвует в составлении прокламации по поводу годовщины смерти студента-революционера Герм. Ливен (в 1899 г. сжег себя в тюрьме), и в целом ряде нелегальных сходов и собраний.

Особенно М. Горький энергично работает в 1901—1902 г.г. в нижегородском соц.-дем. подпольи. В связи со студенческими волнениями в столицах, здесь образовалась весьма значительная группа ссыльных студентов, с которой М. Горький быстро установил связь. Собрания происходили в квартире Горького (Канатная, д. № 11, б. Лемке) и, главным образом, в квартире с.-д. Бор. Вл. Морковина и его двоюродной сестры Валентины Андр. Морковиной (Грузинский пер., д. № 14), о чем, кстати сказать, мало кому известно из современных революционных деятелей. Здесь, кроме названных Бор. и Вал. Морковиных, постоянными участниками были: Влад. Морковин, Вл. Затинщиков, Ст. Корсак, Серг. Моисеев, Ал. Герман, А. Вас. Яровицкий (сотрудник «Ниж. Листка», псевдоним — «Корнев»), Вл. Кильчевский, Вера Кольберг, Сарра и Леоп. Израевич, Ник. Гурвич, Зин. Свердлов и др., фамилии которых уже не помню. Вместе с М. Горьким здесь бывал и писатель С. Г. Петров-Скиталец. Эта группа кроме прокламаций издавала нелегальные сборники с непропущенными цензурой произведениями разных писателей, а также нелегальный студенческий журнал. Техникой для этого служил сначала гектограф, а потом мимеограф, который приобрели в Питере Горький и Скиталец и переправили с «оказией» в Н.-Новгород, в квартиру Бор. Морковина.

Здесь впервые М. Горький читал свои революционные аллегории, не пропущенные тогда цензурой — «О писателе, который зазнался» и «Весна». Они, а также «Чудная» Короленко и «Разрушенный мол» Гершуни были изданы этим кружком на мимеографе¹. Прокламаций, исходящих из этого кружка, было достаточно и для Н.-Новгорода и Сормова. Бор. Морковин даже писал москвичам-революционерам (письмо перлюстрировано): «Если у вас мало прокламаций, то можно выслать из Нижнего». Группа была связана не только с городскими, но и с сормовскими рабочими.

За деятельностью М. Горького и окружавшей его молодежью департамент полиции и Нижегородское жандармское управление следили зорко. Так, департамент напоминал жандармскому управлению, что «8 (21) апреля в Н.-Новгороде готовится демонстрация с участием М. Горького по случаю годовщины смерти студента Ливена» и в связи с избиеением студенческой демонстрации в Петербурге. Действительно, накануне предполагаемой демонстрации, 20 апреля, во Всесословном клубе состоялась большая сходка молодежи и некоторых общественников, на которой обсуждался этот вопрос, но, по жандарм-

¹ Потом этот мимеограф в целях конспирации был перенесен в район Полевой и Ямской ул, где на нем печатал прокламации вместе с Б. Морковиным и пишущий эти строки, которому хорошо были знакомы все вышеупомянутые товарищи.

ским данным, брат покойного Ливена просил не устраивать демонстрации. В числе мотивов было приведено и то соображение, что демонстрация может тяжело отразиться на судьбе писателя. Среди выступавших был и Горький. На собрании резко говорили о зверствах самодержавия. «Руководили этим собранием, — как отмечал сам А. М-вич в письме к автору настоящей статьи — В. А. Десницкий («Строев» — «Лопата»), Пав. Грацианов, Вл. Кильчевский, Ал. Яровицкий и др.». На этой сходке решено было демонстрации не устраивать. Партгруппа ограничилась изданием прокламации. Жандармы отметили в деле Горького и его присутствие на студенческом вечере, состоявшемся 17 апреля в Коммерческом клубе, где группа студентов, при участии М. Горького и Скитальца, пела нелегальные песни — «Нагаечку», «Дубинушку» и «Марсельезу».

На почве популярности М. Горького, среди революционно-общественных групп Москвы и Питера в марте 1901 г. распространился слух об его аресте в Н.-Новгороде. В конце марта беллетрист Л. Андреев, один из ближайших друзей Горького, писал ему по адресу «Ниж. Листка»¹. «Здесь упорно твердят о вашем аресте, слухи возникли на почве вашей популяр-

¹ В этой газете с 90-х годов сотрудничали многие выдающиеся беллетристы, как, напр., В. Короленко, М. Горький, С. Петров-Скиталец, Е. Чириков, С. Елпатьевский, С. Елеонский-Миловский, Мирз, позднее — Г. Чулков, Ив. Касаткин и др.

ности среди молодежи. Вас очень любят». Дальше сообщалось, что в печати появилась статья, в которой Горького назвали «буревестником». Л. Андреев считал вернее назвать Горького «буреглашатаем». Ибо, говорил он, — «вы не только сообщаете о грядущей буре, — вы бурю зовете за собой».

Максим Горький — продукт социальных условий рабочего класса. Будучи по происхождению и по существу пролетарием, он перенес на своих плечах и переработал в себе за свою тяжелую жизнь и за время скитаний все то, что определяет сущность классовых противоречий и создает основу для социалистического воззрения. Оттого так естественно, так уверенно и громко прозвучала его «Песня о Буревестнике» — его бурный призыв к революции. Это стихотворение (в прозе), как и «Песню о Соколе», сотни и тысячи пролетариев заучивали наизусть, они были обязательным номером в любой общественной вечеринке, их декламировали с рабочих сцен, в кружках, на собраниях и митингах. Этой песней М. Горький попал в центр пролетарского сердца, он сказал то, что таилось и безудержно назревало в глубинах пролетарских масс.

И, конечно, русское правительство не могло терпеть М. Горького, и слухи об аресте оказались пророческими: в ночь на 17 (30) апреля 1901 г. он был арестован, а вместе с ним его соратник С. Г. Петров-Скиталец и вся студенческая нижегородская группа, о ко-

торой сказано выше. Формальным поводом к аресту жандармы выставляли приобретение Горьким мимеографа для печатания с.-д. прокламаций к рабочим Нижнего и Сормова¹. Но это была только формальная причина. Суть же заключалась во всей совокупности поведения Горького, как революционера, который, кроме практической пропаганды своих взглядов, обладал слишком крупным средством для борьбы с отживавшим строем—колоссальным талантом писателя-художника. При обыске у М. Горького была отобрана обширная переписка, письма и литературные наброски, нелегальные стихотворения под заглавием «На мотив Марсельезы» и «Сейте студентов»², черновики прокламаций «Опровержение правительственного сообщения» и по поводу ареста и смерти студента Герм. Ливен и проч. М. Горький и Скиталец были заключены в 1-й корпус Нижегородской тюрьмы (Горький в кам. № 4 первого этажа, а Скиталец над ним, во 2 этаже). Там же, около них, были размещены все арестованные студенты.

¹ По словам А. М. Горького, сведения жандармам о мимеографе дал известный провокатор Мих. Ив. Гурович, один из организаторов журнала «Начало» (из письма М. Горького).

² Первое стихотворение написано Вл. Гиляровским, а второе—студ. Вл. Затинщиковым. А. М. Горький писал мне, что «оба стихотворения были в то время весьма популярны». Вл. Затинщиков—один из высланных студентов—работал в нижегор. с.-д. организации. Будучи по натуре весьма чутким и впечатлительным юношей, он реагировал на события с особенной горячностью и нервностью. Кончил он свою жизнь трагически, бросившись под поезд.

По приказанию департамента полиции, Нижегород. жандармское управление создало о М. Горьком и о студенческой группе многотомное дело. Между департаментом и Ниж. жанд. управлением производилась по этому делу непрерывная переписка в течение полутора лет. Основное содержание ее сводилось к безуспешному розыску приобретенного Горьким и Скитальцем мимеографа, который департаменту особенно хотелось захватить в момент печатания прокламаций к сормовским рабочим, а также по поводу неблагонадежности Горького вообще, в виду чего жанд. управление усиленно добивалось от Питера высылки Горького из пределов губернии¹. Ему инкриминировалось преступление, предусмотр. 250 ст. ул. о нак. («бунт против верховной власти»). В период тюремного заключения (да и позднее) вся корреспонденция, поступавшая на имя Горького, жанд. управлением задерживалась и прикладывалась «К делу о М. Горьком». Так были перехвачены интересные письма И. Роде из Берлина об издании сочинений Горького, американского писателя Герм. Рокзенталя из Нью-Йорка, литератора П. Сергеенко, писавшего от имени А. Ф. Маркса, и др. Задерживались даже телеграммы. Возмущенный этим М. Горький злобно писал тогда жанд. управлению: «Уж если это безобразие—перехватывание писем и телеграмм—

¹ Подробно переписку по этому делу см. в моей статье: «Из молодых лет М. Горького», журн. «Новый Мир», 1926, № 4.

необходимо и оправдывается законом, нельзя ли, по крайней мере, телеграммы-то не задерживать! — А. Пешков».

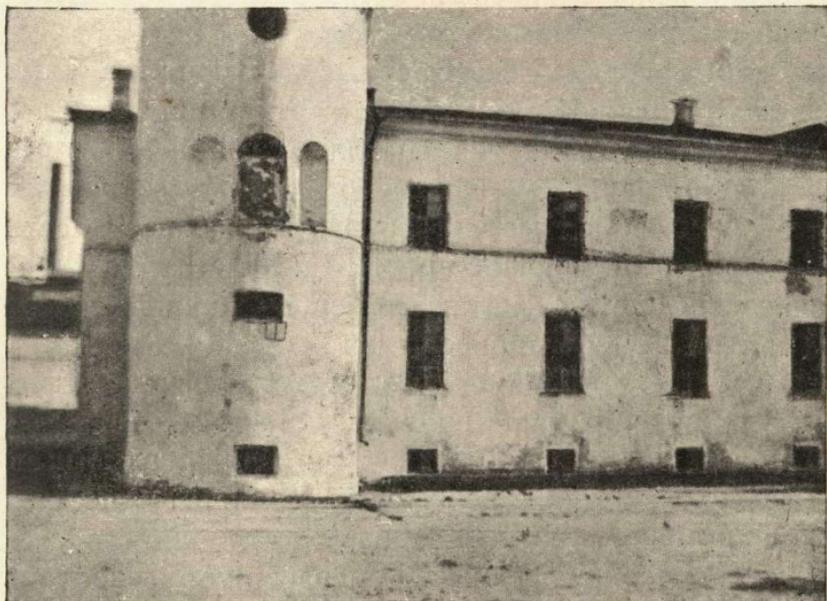
После допроса, двух врачебных освидетельствований и многочисленных хлопот Е. П. Пешковой и друзей М. Горького, он через месяц 17 (30) мая был освобожден, «с заменой этой меры пресечения домашним арестом». Освобождению Горького помогли и нижегор. врачи — Н. А. Грацианов, В. Н. Золотницкий и Н. И. Долгополов, признавшие при тюремном освидетельствовании Горького, что «дальнейшее пребывание его в тюрьме повлияет не только на его здоровье, но и на жизнь» (действительно, Горький был болен туберкулезом легких и до этого поддерживал свое здоровье поездками в Крым, где его постоянно лечили ялтинские врачи А. Н. Алексин и Штангеев). Под домашним арестом (городовой в прихожей комнате, городской у парадного на улице и шпика) М. Горький находился полмесяца — до 3 (16) июня, после чего, под давлением общественного мнения и многочисленных ходатайств его жены и друзей, арест был снят, но «с отдачей Горького под особый надзор полиции до окончания дела».

В июле Горькому было разрешено временно переселиться на дачу («Моховые горы», несколько ниже Н.-Новгорода, на левом берегу Волги). Любопытно, что полиция и там не давала ему покоя: в августе уездный исправник доносил жанд. управлению, что

«особый надзор за литератором А. М. Пешковым учрежден». А в это время нач. жанд. управления усиленно добивался высылки М. Горького из Н.-Новгорода вообще. В департамент полиции он писал о Горьком: «Представляется во всяком случае безусловно необходимым воспрещение ему проживания в пределах Нижегородской губернии, как районе фабрично-заводском, где влияние его среди рабочих вообще может выражаться в форме весьма нежелательной для общественной безопасности и порядка». Департамент согласился с этим, а министр внутр. дел постановил: «Водворить Пешкова под гласный надзор полиции в Нижегородской губернии, вне Н.-Новгорода, в местности по усмотрению Нижегородского губернатора». Местожительством ему был назначен г. Арзамас, но вследствие прогрессирующего туберкулеза, министр внутр. дел разрешил Горькому предварительно и временно — до половины апреля 1902 г. — пробыть в Ялте.

В знак протеста против высылки писателя, студенческая молодежь и местная либеральная часть общества решили устроить Горькому демонстративные проводы. Перед этим были организованы два вечера по его чествованию: один — студенческий и другой — банкет земско-городских деятелей и местных литераторов. В одной из нескольких прокламаций, издан-

ных тогда по этому поводу, говорилось: «На банкете, где собралось около 150 чел. публики, были прочитаны адреса от нижегородской интеллигенции и особенно — от высланных студентов, курсисток и некоторой

Нижегородская тюрьма.

Вид камер, в которых были заключены в 1901 г. Скиталец (2-е окно от ^{башни} камер, верх. этаж) и Горький (окно под камерой С.).

части интеллигенции. Говорилось много речей, из которых замечательна одна, сказанная в ответ на речь представителя буржуазной интеллигенции, высказавшего надежду на скорое возвращение Горького. Студент сказал, что Горький возвратится

только тогда, когда Россия будет свободна и прекратится преследование физической силой борющихся людей... Банкет закончился пением революционных песен и общим возбуждением присутствующих, решивших непременно проводить Горького демонстрацией».

7 (20) ноября — день отъезда М. Горького в Ялту. Та же прокламация описывала картину проводов таким образом: «Местная интеллигенция и учащаяся молодежь, около 200 чел., собрались на вокзале. Пелись революционные песни, раскидывались листки по городу, выяснявшие простым и понятным языком значение Горького и язвы нашего политического строя, раздавались приветствия Горькому и высказывались надежды на скорое освобождение России. После проводов часть публики, до 60 чел., прошла демонстративно по Канавину и Б. Покровке (ныне Свердловской ул.) с пением революционных песен и громкими криками: «Да здравствует борец за свободу М. Горький!» и «Да здравствует свобода!». В заключение прокламация призывала общество присоединиться к активному протесту против высылки Горького и объединиться в борьбе вокруг его имени.

Жандармское донесение в департамент полиции дополняет картину проводов: «Собравшись в зале I кл. (на Моск.-Ниж. вокзале), толпа пела революционные песни: «Нагаечку», «Русская Свобода», «Ду-

бинушку», «Выдь на Волгу» и т. п., при этом разбрасывались листки, а когда Пешков пошел к вагону, толпа двинулась на платформу, где продолжала петь и бросать листки. Когда же Пешков вошел в вагон, то из этой толпы раздались крики: «Да здравствует М. Горький!», а Свердлов (Зиновий) добавил: «Да здравствует Свобода!». По отходе поезда толпа направилась в город, при чем продолжала петь и разбрасывать прокламации. Дойдя до театра, она остановилась, при чем один выделился, встал на сани извозчика и, махая флагом или платком, произнес: «Да здравствует Свобода!».

Горьковские демонстрации продолжались и после. С речами-протестами революционная молодежь, в том числе и рабочие, выступали часто на собраниях и спектаклях. Например, 22 ноября во время спектакля в Нижегородском городском театре, при полной темноте, Я. М. Свердлов, плотно окруженный молодежью (был и пишущий эти строки) произнес с галерки краткую речь о насилии самодержавия над русскими писателями, в том числе М. Горьким, который выслан без суда. Вместе с этим в публику была брошена пачка прокламаций.

Из Ялты М. Горький возвратился в Н.-Новгород 9 мая, а 18 (5), в день знаменитой нижегородской первомайской демонстрации, выбыл в арзамасскую ссылку. Любопытно отметить, что перед отъездом Горького в Арзамас, к нему обращался нижегородский

полицеймейстер с просьбой — принять меры к тому, чтобы не повторилась демонстрация, какая была при отъезде в Ялту... Таково было влияние Горького на публику. Об арзамасской ссылке он тогда же писал, между прочим, В. И. Немировичу-Данченко: «Поставили ко мне нескольких шпионов, иные дельные, заходят поговорить, другие прогуливаются под окном. Я подзываю их и расспрашиваю: — Шпион? — «Нет!» — Врешь, шпион? — «Ей богу, нет!» — А давно служишь по этой части? — «Нет, недавно»...

— Полиция здесь глупа и нахальна, — говорил Горький. — Одного пристава принужден был выгнать вон из квартиры.

Нелестно вспоминает он (набросок «Леонид Андреев», соч. XVI т.) и о своем соседе в Арзамассе — земском начальнике Хотяинцеве: «Особенно не взлюбил меня, — до того, что даже запретил своей прислуге беседовать по вечерам у ворот с моей кухаркой». — «Полицейского поставили прямо под окно мне и он с бесцеремонностью заглядывал в комнаты, когда находил нужным. Все это очень напугало горожан, и долгое время никто из них не решался зайти ко мне». Такова была обстановка арзамасской ссылки Горького.

По сзглашению двух министров — внутренних дел и юстиции — дело о Горьком (и Скитальце) в августе месяце 1902 г. было прекращено, но жанд. управление оставило за ним два надзора — гласный и негласный.

Все же это дало возможность Горькому чувствовать себя несколько свободнее, по крайней мере, в смысле передвижения. Поэтому он в сентябре, покинув Арзамас, вернулся в Н.-Новгород и поселился на Мартыновской ул., в д. № 15, Киришбаум, наверху. Эта квартира быстро превратилась в общественный клуб. Здесь собирались его многочисленные друзья — студенческая и партийная молодежь, нижегородская интеллигенция, приходили и рабочие, посещали почитатели таланта, начинающие писатели и поэты, и т. д. Бывали здесь А. И. Пискунов, В. А. Десницкий, Б. В. Морковин, А. Н. Сысин, А. В. Яровицкий, бр. Я. и З. Свердловы, Ник. Гурвич и др. Из пишущей братии постоянными гостями были Скиталец, Е. Чириков, приезжали Л. Андреев и артист Ф. Шалапин. Здесь происходили политические дискуссии и литературные чтения. Поэтому квартира А. М. Пешкова и тут стала предметом особых забот для охранного отделения, которое, не довольствуясь обычными уличными филерами, поставило двоих своих извозчиков против квартиры Горького для наблюдения за ней и за ее посетителями.

Но М. Горький — революционер по убеждению, а потому тюрьма, высылка и надзор не только не оттолкнули его от революционной работы, но, напротив, — вызвали еще большую энергию. Он тесно связывается с только что образовавшимся Нижегородском Комитетом РСДРП, помогает партии

морально и материально: деньгами, книгами для рабочих марксистских кружков, разными услугами, необходимыми для революционного подполья. При ближайшем содействии М. Горького в том же 1902 г. Нижегород. Комитет РСДРП приобрел впервые настоящую, технически оборудованную, типографию для нелегальной работы. В этой типографии (помещалась на ул. Гоголя, в подвале бакалейной лавки, открытой также при содействии Горького) печатались прокламации не только для нижегородских и сормовских рабочих, но выполнялись задания и по заказам ЦК РСДРП.

Кстати отмечу один из малоизвестных случаев с горьковской типографией, которая едва не попала в руки полиции. Летом 1902 г., когда Горький отбывал арзамасскую ссылку, типография была помещена Нижегород. Комитетом РСДРП, с ведома А. М-ча, в Понетаевской «казенной винной лавке» (около Понетаевского монастыря), Арзамасского уезда. В качестве «сидельца» этой лавки согласился быть активнейший партиец — нижегор. столяр М. И. Лебедев. План конспирации был задуман прекрасно. По поручению члена Комитета А. И. Пискунова, типография из Н.-Новгорода была перевезена туда (с большим риском) энергичным подпольщиком — слесарем Г. Я. Козиным и установлена в заднем помещении «казенки». На обратном пути Козин информировал в Арзамасе Горького об успешном оборудо-

вании дела. Типография начала работать, были выпущены прокламации и несколько номеров «Нижегородской Рабочей Газеты». Но однажды, во время поездки Лебедева с очередным транспортом свежей литературы в Нижний, — какие-то громилы лавку подломали и обокрали. Обокрасть казенную лавку по тому времени — целое событие. Однако, заявлять полиции о подломе было немислимо, хотя вскоре о нем стало известно всему селу. Создалось угрожающее положение, — каждый час ожидали полицию. Жена вызвала Лебедева из Нижнего телеграммой. К счастью, столяр Лебедев успел прибыть во-время: когда в Понетаевку нагрянула полицейско-следственная власть, в «казенке» уже не было ни «сидельца», ни типографии. Партия и Горький пострадали только «залогом», внесенным за должность «казенного сидельца».

В это время М. Горький был соц.-демократом и делал партийное дело¹. В этот же период времени Горький часто бывает в столицах и входит в сношения с активной группой соц.-дем., объединявшихся вокруг «Искры» (центральный орган РСДРП), руководимой тогда В. И. Лениным. Об отношениях Горь-

¹ В 1902-03 г. М. Горький участвовал также в постройке Нижегородского Народного Дома, в котором ставились для рабочих дешевые лекции и спектакли, а в 1905-08 г. Народный Дом служил местом рабочих митингов и штабом вооруженного восстания Нижнего и Сормова.

кого к искровцам говорит перехваченное департаментом полиции письмо одной видной революционерки. Она между прочим писала (очевидно, в ЦК партии): «Все его симпатии на нашей стороне. «Освобождение» (П. Струве) он читал лишь первый номер и больше не желает его видеть; эс-эрам тоже не сочувствует. Единственным органом, заслуживающим уважение, талантливым и интересным, считает «Искру», а нашу организацию — самой крепкой и сильной... Он хочет помогать нам чем может, предложил исполнить какое-либо поручение в том городе, куда едет (в Н.-Новгород)... «Искру» мы будем ему доставлять... Он будет давать каждый год по 5.000 р.; сам он проживает не больше 30% своего заработка, а остальное отдавал на разные дела; теперь он рад, что все пойдет в хорошие и верные руки»¹.

Этот документ особенно характерен для Горького, как революционера. Здесь он впервые заявляет себя убежденным сторонником ленинской «Искры», которую признал единственным политическим органом, которому он симпатизирует. От органа П. Струве («Освобождение»), спустившегося от с.-д. до заурядного либерала, Горький категорически отвернулся. Это замечательно, ибо характеризовало его отношение к либеральной интеллигенции. Недаром его «Дачники» и «Дети солнца», появившиеся несколько позд-

¹ Полностью этот документ приведен у И. А. Груздева: «Максим Горький», 1926 г. В конце 1903 г. М. Г. дал 2500 р. боевой организации с.-р.

нее, не имели успеха у этой «интеллигенции», и недаром «Мать» — в противоположность им — вызвала бурные восторги со стороны рабочего класса всей Европы и Америки. Горький встал на правильную классовую точку зрения; уже в начале 900-х годов, видя быстро развивающийся капитализм в России, рост и борьбу пролетариата, он безоговорочно признал за ним (рабочим классом) гегемонию в освободительном движении. Потому-то он и заявил готовность отдать партии, руководившей пролетариатом, все свои возможности, в том числе и материальные.

М. Горький был связан с рабочим классом не только идеологически, но и фактически. Если он сам не работал в качестве рабочего на заводе, то находился почти непрерывно (нижегородский период) в окружении фабрично-заводских рабочих. Кроме революционной учащейся молодежи, к нему приходили рабочие, и городские, и канавинские, и из Сормова; нередко навещал он сормовичей и сам лично. Среди лично знакомых Горькому в то время (1902—1903 г.) активное участие в революционном подпольи принимали рабочие сормовичи — Петр Заломов, Гр. Гарин, Мих. Самылин, Сем. Баранов и Дм. Павлов; из городских — рабочие-столяры: Петр Комолов, Гавр. Михайлов, Мих. Лебедев, слесарь Гр. Козин и др. Одно из крупнейших произведений М. Горького — «Мать» является результатом его непосредственных наблюдений борьбы сормовских рабочих начала 900-х го-

дов и связи с сормовской и городской с.-д. организацией. Сын героини романа «Павел Власов» это и есть упомянутый нами сормовской рабочий, с.-д. Петр Заломов, получивший за сормовскую первомайскую демонстрацию 1902 г. «вечное поселение в Сибири». Не от книги, а от жизни М. Горький встал на классовую точку зрения и пришел в с.-д. партию.

И эту точку зрения М. Горький проявлял всюду и при всяких обстоятельствах, где необходимо было ее подчеркнуть. Вот пышный юбилей (осень 1902 г.) его старого друга (еще с казанского и тифлисского периода) — знаменитого тогда Шаляпина... поток хвалебных речей о таланте и гениальности юбиляра. Но Горький понимает, что искусство для искусства — это пустой звук, и он вносит в хвалебные речи буржуазных ценителей искусства свою острую поправку: «Да, вы — талант, вы — гений, — говорил он юбиляру. — Но ваши песни не доходят до рабочих масс. Ваши песни теряются в золоченых амфиладах замоскворецких купчих. Будите восторг в душе несчастных, забытых. Тогда вы будете воистину великим».

Искусство — утилитарно, оно, в том числе музыка и пение, как и литература, — служит сильным орудием в борьбе классов. И Горький понимал, что если искусство не связано с рабочим классом, если оно не будит восторга в массах, не учит и не вдохновляет эти массы, а глохнет в немногих, избранных золоче-

ных амфиладах буржуазии, — цена этому искусству и его выразителю невелика.

Другой случай — отвратительный кишиневский черносотенный погром 1903 года. Либеральная пресса робко ворчит, боится или не желает сказать всю правду об этом «национальном подвиге» русского правительства. М. Горький со всей присущей ему горячностью выступает с яркой обличительной статьей, которая сперва ходила по рукам в виде гектографированной прокламации, а потом была напечатана в одном из зарубежных журналов. В ней он клеймил позором гнусную политику самодержавия и назвал имена его агентов, ближайших вдохновителей погрома. Это были имена мракобесных журналистов из «Нового Времени», «Русского Знамени», «Московских Ведомостей» и «Гражданина». После этого М. Горький мужественно перенес отчаянную травлю его названной печатью и продолжал делать свое пролетарское дело¹.

Характеризуя М. Горького, как революционера, нельзя не отметить его революционной связи с 1905-м годом, с первой русской революцией, которая обна-

¹ Кстати отмечу, что тогда в пользу пострадавших от погрома был издан литературный сборник, для которого А. М. дал замечательный рассказ «Погром», не вошедший в собрание его сочинений. Судя по содержанию, речь в нем идет о канавинском еврейском погроме, бывшем в начале 80-х годов. Рассказ был написан еще в 1900 г.

ружила в Горьком не только соц.-демократа, но во многом — большевика. Известно его отношение к историческим событиям 9(22) января 1905 г., о которых он, как очевидец, составил «отчет» (прокламацию) для распространения в публике, а потом потрясающе правдиво описал картину избиения рабочих в очерке «9-е января». За это он был арестован и посажен в Питере в Петропавловскую крепость, в которой просидел около 2-х месяцев. Ему предстоял суд при закрытых дверях. Правительство искало повода избавиться от Горького и готовило судебную профанацию. Но это ему не удалось: десятки тысяч пролетариев — русских и заграницы — грозно возвысили свой голос протеста против ареста и суда над любимым писателем. К этому протесту присоединилась радикально настроенная часть интеллигенции и ученого мира Европы. В течение двух месяцев газеты заполнялись горячими протестами, на митингах и собраниях рабочими выносились резкие резолюции, в театрах — демонстрации протеста. Под этим нажимом Горького пришлось освободить и суд отменить. Этот эпизод убедительно доказывал, с каким редким вниманием, с какой глубочайшей симпатией относился рабочий класс и разумно мыслящая часть Европы к нашему знаменитому писателю и революционеру.

В жандармских документах о связи М. Горького с 9-м января осталась такая справка: «В январе

1905 г. Пешков привлекался при Петербургском губ. жанд. управлении по обвинению его в государственном преступлении. Основанием для привлечения (к ответственности) послужили сведения о принадлежности его к комитету, руководившему противоправительственными организациями по устройству повсеместных стачек и волнений для изменения государственного строя». В брошюре «Из большевистского подполья» С. В. Малышев отмечает, что в июне 1905 г. он с т. Шотманом, по поручению петербургского большевистского с.-д. комитета, ездил к Горькому за деньгами для типографии и для партийной работы.

Осенью 1905 г., вскоре после «манифеста 17 октября», при ближайшем участии М. Горького, была организована большая, легальная, большевистская газета «Новая Жизнь», в которой сотрудничал и В. И. Ленин. Основным ядром сотрудников этой газеты, кроме Ленина и Горького, были: А. В. Луначарский, Авиллов, Базаров, Рожков и Маслов; из иностранных — Гэд, Каутский, Лафарг, К. Либкнехт и Р. Люксембург. Эти имена говорят сами за себя и за то, каково было направление и содержание газеты. На первом же номере она была конфискована, ответственный редактор-издатель (Н. Минский) был привлечен к суду «за распространение сочинений, возбуждающих к ниспровержению государственного строя». Газета часто подвергалась репрессиям, и

2-го декабря закрылась окончательно. Вслед за ней, также при ближайшем участии М. Горького, вышла другая такая же газета «Борьба» (№ 1, от 27 ноября—10 декабря 1905 г.). В первом же номере этой газеты был напечатан боевой по тому времени политический фельетон Горького: «И еще о черте». Газета «Борьба», как и «Новая Жизнь», также подвергалась репрессиям и скоро была закрыта.

М. Горький поддерживал своими произведениями и заграничную группу с.-д. Так, в 1905 г., еще до «октябрьских дней», женевская соц.-дем. организация издавала его сочинения (также Скитальца и Е. Н. Чирикова, который в то время сочувствовал с.-д.). Русское правительство следило не только за М. Горьким, но и за его литературными выступлениями. Если оно не в силах было конфисковать женевские издания, то свирепо накладывало свою лапу на те революционные произведения, которые появлялись на русском книжном рынке. Так, в 1905 или 1906 г. оно конфисковало литературный сборник, в котором были напечатаны знаменитые «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», а автора их, хотя и поздним числом, постановило привлечь к ответственности по 129 ст. уг. ул., как за распространение произведений, возбуждающих к разрушению государственного строя. То же самое, несколько позднее, было предпринято правительством и в отношении романа «Мать», с привлечением ^{2016 № 20} к ответственности.

Наконец, документы департамента полиции устанавливают близкое отношение М. Горького и к историческому декабрьскому вооруженному восстанию 1905 г. В справке за 1905 г., между прочим, говорится, что «Горький способствовал увеличению средств для московского вооруженного восстания, выступая в качестве лектора на платных вечерах, сборы с коих отчислялись на заведомо революционные цели. Кроме того, на чтении его пьесы «Дети солнца» с каждого присутствовавшие брали по 25 руб. на оружие». Но самое важное — это то, что московский фабрикант-либерал Н. П. Шмит,* привлеченный к ответственности по делу московского вооруженного восстания, на допросе 17(30) января 1906 г. сознался, что передал Горькому 20.000 руб. на дело московского вооруженного восстания (на покупку оружия). Его мебельная фабрика в Москве, на Пресне, в дни восстания была войсками сожжена¹. Из наброска «Митя Павлов» (соч. XVII т.) видно, что в опаснейший момент восстания в московской квартире М. Горького хранились взрывчатые вещества и делались бомбы для целей восстания. Отсюда понятно, почему он вынужден был в январе 1906 г. эмигрировать за границу (Италия—Капри).

1905 г. — одна из ярких страниц в жизни революционера М. Горького.

¹ Кроме очерка «9-е января», для 1905 г. характерны также рассказы М. Горького «Тюрьма» и «Солдаты», — соч. т. III.

Описанные годы (1887 — 1905) революционной деятельности М. Горького составляют значительную полосу в его бурной и красочной жизни, которая, за небольшими исключениями, протекала в пределах Нижегородского края. Какой же вывод можно сделать за этот период о М. Горьком, как революционере? И необходим ли этот вывод, когда по каждому факту, год за годом следя за развитием его общественной деятельности, мы видим, как он, прежде всего, под тяжестью собственной жизни (социального положения), а затем уже под известным влиянием окружающей среды и обстановки, пришел к мысли о необходимости упорной борьбы за новые начала человеческой жизни.

И, поставив себе эту высокую задачу, М. Горький для ее достижения, наряду с могущественным оружием классовой борьбы — художественным печатным словом, которым он владеет в полной мере, использовал и те методы и способы борьбы, которые диктовались подпольно-революционной обстановкой 90-х и 900-х годов. Как ранний по времени революционер, М. Горький должен был пройти через первичные революционно настроенные кружки (конца 80-х годов), еще не имевшие под собой классовой почвы; но уже с начала 90-х годов он примыкает к рабочему движению, которое строится на революционно-научных принципах начавшего развиваться

марксизма. В последующий период 1900 — 1905 г.г. М. Горький уже и фактически и формально еще плотнее связывается с индустриальным рабочим классом и его идейной выразительницей того времени социал-демократией, в частности, — с наиболее революционным ее течением — «большевизмом».

Таков революционный путь нашего славного писателя-революционера в отмеченную полосу его жизни. М. Горький прочно и навсегда связал свою судьбу с рабочим классом и его борьбой за светлые идеалы человечества — за социализм, а теперь — за коммунизм. И вот в наши дни, когда он подводит сложные итоги 60-летия своей удивительно глубокой и многогранной жизни, нам отрадно констатировать, что он все так же тверд в своих убеждениях и все так же неустанно борется за счастье человечества, как и более четверти века тому назад.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(Новые материалы)¹

К. С. Шохор-Троцкий

Узнав Горького по его сочинениям, Л. Н. Толстой, еще до первой встречи с ним, стал проявлять пылкий интерес к его личности. А. П. Чехов, после своего разговора (23 апреля 1899 г.) с Толстым о Горьком, писал последнему: «Толстой долго расспрашивал о вас, вы возбуждаете в нем любопытство. Он, видимо, растроган»²; в том же письме Чехов сообщает: «Он очень хвалил вас, сказал, что вы «замечательный писатель». Ему нравятся ваша «Ярмарка» и «В степи» и не нравится «Мальва»³. Он сказал: «Можно выду-

¹ За исключением письма Толстого к Святополк-Мирскому, напечатанного П. И. Бирюковым («Биография Л. Н. Т.» т. 4. М., 1923), все материалы опубликовываются впервые.—Переписка писателей печатается с разрешения Алексея Максимовича. Текст выверен по оригиналам или авторитетным копиям (Публичная Библиотека имени В. И. Ленина, Толстовский Музей в Москве, Архив В. Г. Черткова).

² «Письма А. П. Чехова», т. V, кн-во писателей, М. 1915, стр. 483.

³ Эти рассказы были напечатаны во втором томе «Очерков и рассказов» М. Горького, изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, СПб., 1898; 2 изд. СПб. 1899.—Рассказ «Мальва» Толстой, вероятно, прочел в «Северном Вестнике», 1897, кн. XI и XII.

мывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал». Вот вам. Я сказал, что когда вы будете в Москве, то мы вместе приедем к Л. Н.»¹.

Первое знакомство Горького с Толстым состоялось в январе 1900 г. у Толстого в Хамовниках². Горького сопровождал В. А. Поссе. Толстой засыпал Горького вопросами, «выспрашивал» у него, как он «жил, учился и что читал», и сам много высказывался, в частности, об его сочинениях. Высказывался он со всей искренностью и откровенностью. Говорил, что «Фому

¹ «Письма А. П. Чехова», т. V, стр. 482.

² Об этом свидании см.: а) М. Горький. Воспоминания о Л. Н. Толстом, 2 дополн. изд. З. И. Гржебина, Берлин П.—М., 1922, стр. 65—67; б) В. А. Поссе. Встречи с Толстым—в книге: Г. И. Лебедев и В. А. Поссе. Жизнь Л. Н. Толстого. СПб., изд. «Жизни для всех», 1913, стр. 118—123.

Следует отметить, что А. М. Пешков, еще в апреле 1889 (?) г., не будучи тогда Максимом Горьким, пытался вступить в общение с Л. Н. Толстым. Толчком к этому была мысль Алексея Максимовича устроить вместе с группой товарищей по железнодорожной службе земледельческую «толстовскую» колонию. Он пешком пошел из Царицына в Москву и Нижний. «Более тысячи верст,—вспоминал он потом,—я нес мечту о независимой жизни с людьми-друзьями, о земле, которую я сам вспашу, засею и своими руками соберу ее плоды, о жизни без начальства, без хозяина, без унижений, я уже был пресыщен ими». Не застав Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, он приходит к нему в Хамовники, но вследствие нездоровья Толстого ему не удается лично переговорить с ним. Тогда он написал Толстому письмо, в котором, сообщая ему о том, что

Гордеева»¹ «начал читать, но кончить не мог, не одолел», и утверждал, что в нем «всё выдуманно». Хвалил «Ярмарку в Голтве» («просто, правдиво»). Усадив Горького в своем кабинете против себя, он так «обнаженно и резко» говорил по поводу «Вареньки Олесовой» и «26 и одна»², что Горький был даже пода- он и несколько человек служащих на Царицынской гор. жел. дороге, «увлеченные идеей самостоятельного, личного труда и жизнью в деревне, порешили заняться хлебопашеством», просил Толстого от лица всей группы о содействии. Содействие это должно было выразиться прежде всего в «чисто материальной» помощи - «у вас много земли, которая — говорят — не обрабатывается. Мы просим вас дать нам кусок этой земли». Помимо этого, — «мы надеемся на помощь нравственную, на ваши советы и указания, которые бы облегчили нам успешное достижение цели, а также и на то, что вы не откажете нам дать книги: «Исповедь», «Моя вера» и прочие, не допущенные в продаже». Письмо подписал: «От лица всех— Нижегородский мещанин Алексей Максимов Пешков». По неустановленным причинам письмо это осталось без ответа. По приходе же А. М. Пешкова в Нижний, создавшееся у него решение «заняться хлебопашеством» было «опрокинуто» новым знакомым, писателем Карониным (Н. Е. Петропавловским), который в беседе с ним «как бы отсек голову» его мечте о вспаханной и засеянной им самим земле (см. очерк Горького—«Писатель», напечатанный в журнале «Современник», 1911, кн. 10-я).

¹ «Фома Гордеев» печатался в «Жизни», 1899, кн. II—IV, VI—IX.

² Рассказ «Варенька Олесова» Толстой мог прочесть в «Северном Вестнике», 1898, кн. III—V, или же в третьем томе «Очерков и рассказов» М. Горького, изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, СПб., 1899. - «Двадцать шесть и одна» Толстой прочел в вышедшей незадолго до его свидания с Горьким книжке «Жизни», 1899, кн. XII.

влен его тоном. Вместе с тем, Толстой бывал и внимателен и ласков, а, прощаясь, обнял и поцеловал Горького. «Вы настоящий мужик! — сказал он ему. — Вам будет трудно среди писателей, но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете, выйдет грубо — ничего! Умные люди поймут».

По позднейшему свидетельству Горького, вся беседа «несколько напоминала экзамен»; этим, быть может, объясняется, что по выходе из Хамовников, на вопрос Поссе, как ему понравилось у Толстого, Горький ответил: «Да как тебе сказать... Финляндия какая-то... Ни родное, ни чужое, да и холодно». Спустя же несколько дней, самое первое, неожиданное для Горького, впечатление рассеялось, и Алексея Максимовича потянуло вновь к Толстому, и только нездоровье помешало поездке. Тогда он и написал (18 или 19 января 1900 г.) первое печатаемое ниже письмо Толстому.

Первое свое впечатление от Горького Толстой отметил в своем дневнике 16 января 1900 г. Он записал: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа»¹.

¹ Вслед за этим отзывом Толстой записал: «Какое у женщин удивительное чутье на распознавание знаменитости. Они узнают это не по получаемым впечатлениям, а по тому, как и куда бежит толпа. Часто, наверное, никакого впечатления не получила, а уже оценивает, и верно». Так Толстой вскользь коснулся того духа моды, который возник в эпоху нарастания славы Горького. Как известно, это нарастание его популярности приняло (по выражению

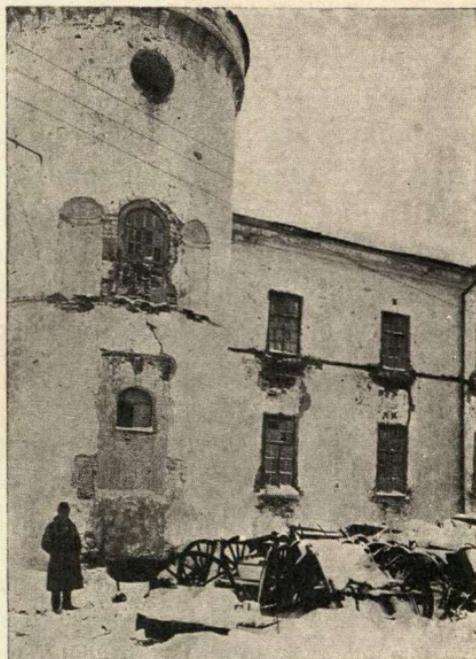
На другой же день свидания с Горьким Толстой сказал В. А. Поссе: «Я, кажется, вчера обидел вашего приятеля. Я не сказал ему главного. За ним всегда останется крупная заслуга. Он показал нам живую душу в босяке. Достоевский показал ее в преступнице, а Горький — в босяке»¹. В своем же печатаемом ниже ответе Горькому на его письмо, Толстой с видимым удовлетворением отмечает: «Вас я нашел лучше вашего писания».

С. А. Венгерова) «лихорадочный темп» всего лишь за полтора года до записи Толстого, а именно в 1898 году, в связи с выходом отдельного издания «Очерков и рассказов» Горького. К моменту же встречи писателей, интерес к Горькому уже носил тягостный для него самого характер. Его осаждали просьбами о выступлениях на вечерах (о чем была, как сообщает Поссе, речь и в Хамовниках у Толстого), и его «появление в публике возбуждало настоящую сенсацию». Этот «элемент психологической моды» Горький и подчеркнул в своем вскоре написанном рассказе «О писателе, который зазнался» (см. статью С. А. Венгерова: «М. Горький» — в «Русской Литературе XX века 1890—1910», изд. «Мир», т. I, стр. 195).

Можно предполагать что запись Толстого об «удивительном чутье» женщин вызвана как беседой с Горьким, так и разговорами вокруг Толстого по поводу Горького.

¹ Поссе, вышеуказанное издание, стр. 122.—В дневнике же Толстого 11 мая 1901 г., в связи с его работой над предисловием к «Крестьянину» Поленца, записано: «...Мы все знаем, что босяки — люди и братья, но знаем это теоретически: он же (Горький) показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличены, но мы все прощаем за то, что он расширил нашу любовь».

После свиданий в Ясной Поляне и в период встреч в Крыму, Толстой неоднократно отмечает это свое

Вид камер Нижегород. тюрьмы, в которых были заключены в 1901 году М. Горький (***) и Скиталец (*).
Фото ~~И.~~ Иванова.

отношение к Горькому в своих письмах и дневниках. Горький-человек был ему симпатичен и приятен. По свидетельству Поссе, Толстой на Горького «смотрел положительно с нежностью» (8 октября 1900 г., в Яс-

ной Поляне) ¹. В печатаемых ниже письмах к Святополк-Мирскому и Ольденбургскому он подчеркивает, что любит Горького и как писателя, и как человека. В крымском своем дневнике отмечает: «Рад, что и Горький и Чехов мне приятны, особенно первый» ² (29 ноября 1901 г.). Последние слова становятся особенно значительными, если принять во внимание, как Толстой любил А. П. Чехова.

17 апреля 1901 года Алексей Максимович был арестован в Нижнем-Новгороде, в связи с найденными у него на обыске «Опровержением правительственного сообщения о студенческих беспорядках» и стихотворениями «На мотив Марсельезы» и «Сейте студентов» ³.

Побывавший в Нижнем известный впоследствии изданием сборников Т-ва «Знание» К. П. Пятницкий ⁴, будучи проездом в Москве, обратился через

¹ Поссе, там же, стр. 124. — Об этом посещении Горьким Ясной Поляны см. еще в воспоминаниях И. В. Ильинского: «Мои поездки в Ясную Поляну» — сборн. «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4-й, ред. В. И. Срезневского, М., 1923, стр. 103—108. — 8-го же октября 1900 г. С. А. Толстая сфотографировала писателей вблизи яснополянского дома.

² Разрядка моя.

³ См. статью А. Н. Свободова: «М. Горький и студенческое движение 1901 года» — «Каторга и ссылка», 1927, № 35, стр. 73—75.

⁴ См. его статью «Освобождение Горького из Нижегородской тюрьмы в 1901 г.» («Красная Газета», веч. вып., Ленинград, 3 февраля 1928, № 33).

общих знакомых к Толстому с просьбой хлопотать об освобождении Горького в виду плохого состояния его здоровья и тяжелого положения его жены, имевшей на руках ребенка и находившейся в ожидании другого. Лев Николаевич тотчас же написал печатаемые ниже письма к бывшему тогда товарищем министра внутренних дел, князю П. Д. Святополк-Мирскому ¹, и к принцу П. А. Ольденбургскому ², который в начале 1900 года приезжал к Толстому в Хамовники, чтобы познакомиться и побеседовать. Князь Святополк-Мирский в устном разговоре с К. П. Пятницким обещал запросить, кого следует, о деле Горького. Принц же Ольденбургский ответил Толстому публикуемым ниже письмом. Горький пробыл в заключении ровно месяц, до 17 мая.

Вскоре после этого, в конце июня 1901 г., Л. Н., будучи в Ясной Поляне, опасно заболел. Состояние его здоровья вызвало беспокойство не только в среде близких ему людей, но и в широких общественных кругах. В Ясную Поляну в течение трех недель неслись сотни телеграмм и писем с запросами о здоровье

¹ Князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (род. в 1857 г.), позднее, в эпоху «весны», после убийства Плеве, министр внутренних дел (с 26 августа 1904 по 18 января 1905).

² Принц Петр Александрович Ольденбургский (1868 — 1924), 27 июня 1901 г. вступивший в брак с великой княжной Ольгой Александровной, сестрой Николая второго. Этот брак был расторгнут в 1916 г. императорским указом, а в 1922 г. принц женился (в Париже) на О. В. Ратьковой-Рожновой.

Толстого, с выражением сочувствия и с пожеланиями выздоровления. Когда Лев Николаевич стал поправляться, он ежедневно получал приветствия и адреса от общественных групп разных городов и уголков России. Среди них 14-го или 15-го июля 1901 г. он получил печатаемое ниже приветствие «От нижегородцев»¹, под которым первый подписался Горький. В своем дневнике 16 июля Толстой отметил, что получает «выражения любви со всех сторон».

Осенью того же, 1901, года и зимой 1901 — 1902 г. Толстой и Горький неоднократно видались и беседовали в Крыму. Горький бывал у Толстого в Гаспре, а Толстой несколько раз посетил Горького в Олеше, где он жил под гласным надзором полиции. Об этих крымских встречах и беседах Горький рассказывает в своих воспоминаниях. Осенью 1902 года (6 октября) Горький еще раз побывал у Толстого — в Ясной Поляне. В этот раз с ним приезжал К. П. Пятницкий. Об этом свидании Толстой упоминает вскользь в своем дневнике.

В дальнейшие годы писатели лично не встречались. У Толстого сохранилось приятное впечатление от общения с Горьким, но стало возникать и развиваться определенно-отрицательное, критическое отношение к его сочинениям. В них Горький «невольнo отдаёт дань модному и в высшей степени мне отвратитель-

¹ Об этом приветствии была заметка в «Русских Ведомостях», 1902, 15 июля, № 193.

ному учению ницшеанства»,—писал Л. Н. Толстой¹.— Горький, в свою очередь, испытал значительное отчуждение от Толстого и всего того, чем они жил². Тем не менее, личное общение с Толстым оставило Горькому яркое воспоминание «о счастливых днях и великой чести знакомства со Львом Толстым», а смерть Льва Николаевича глубоко потрясла его. «Заревел я отчаяннейше и целый день плакал—первый раз в жизни так мучительно, неутешно и много...—...В душе этой (Толстого) много чуждого и прямо враждебного мне, но не думал я, что так глубоко и жадно люблю я человека Толстого»³.

15 марта 1928. Москва.

¹ Письмо г. Коренгольду от 10 ноября 1902 г.—Еще отзывы Толстого о сочинениях Горького см. в «Толстовском Ежегоднике 1912 г.» (М., 1912, стр. 140) и в сводке: «Толстой о Горьком. Собрал М. О. Хорош» (из печатных и неизданных источников)—«На литературном посту», 1928, № 10.

² См., напр., статьи Горького в «Новой Жизни» 1905 г. («Заметки о мещанстве»).

³ Письмо Горького к М. М. Коцюбинскому от 21 ноября 1910 г. (дата почт. штемп)—«Новый Мир», 1928, кн. I.

I.

М. Горький — Л. Н. Толстому.

[Почтовый штемпель:
Н.-Новгородъ, 19/1—1900.
Москва, 20/1—1900].

За всё, что вы сказали мнѣ—спасибо вамъ, сердечное спасибо, Левъ Николаевичъ! Радъ я, что видѣлъ васъ и очень горжусь этимъ. Вообще я зналъ, что вы относитесь къ людямъ просто и душевно, но не ожидалъ, признать, что именно такъ хорошо вы отнесетесь ко мнѣ.

Пожалуйста дайте мнѣ вашу карточку, если имѣете обыкновеніе давать таковыя. Очень прошу—дайте.

Низко кланяюсь вамъ

М. Горькій.

Хвораю я, кашляю, грудь болитъ. Чуть-было опять не поѣхалъ къ вамъ да вотъ легъ.

Адресъ мой: Нижній-Новгородъ
Полевая 20. А. М. Пѣшкову.

II.

Л. Н. Толстой — М. Горькому.

9 февраля 1900 г.

Простите меня, дорогой Алексѣй Максимычъ (если я ошибся въ имени, еще разъ простите), что долго не отвѣчалъ вамъ и не послалъ карточку. Я очень, очень былъ радъ узнать васъ и радъ, что полюбилъ васъ. Аксаков²) говорилъ, что бываютъ люди лучше (онъ говорилъ—умнѣе) своей книги и бываютъ хуже. Мнѣ ваше писанье понра-

¹ На конверте: Москва, Льву Николаевичу Толстому, Хамовни-
ческий переулок, д. № 21.

² Иван Сергеевич Аксаков (1828—1886), писатель - славянофил.
Л. Н. Толстой былъ хорошо знакомъ с нимъ.

вилось, а васъ я нашель лучше вашего писанія. Вотъ какой дѣлаю вамъ комплиментъ, достоинство котораго, главное, въ томъ, что онъ искрененъ. — Ну, вотъ, прощайте, жму вамъ дружески руку.

Левъ Толстой.

Надѣюсь, что письмо мое застанетъ васъ здоровымъ. Какъ хорошъ рассказъ Чехова въ «Жизни»¹. Я былъ очень радъ ему.

III.

Л. Н. Толстой — князю П. Д. Святополк-Мирскому.

6 мая 1901 г.

Ваше Сіятельство, ко мнѣ обратились жена и друзья А. М. Пѣшкова (Горькаго), прося меня ходатайствовать передъ кѣмъ я могу и найду возможнымъ о томъ, чтобы его больного, чахоточнаго не убивали до суда и безъ суда содержаніемъ въ ужасномъ, какъ мнѣ говорятъ, по гигиеническимъ условіямъ, нижегородскомъ острогѣ. Я лично знаю и люблю Горькаго не только какъ даровитаго, цѣнимага и въ Европѣ писателя, но и какъ умнаго, добраго и симпатичнаго человѣка. Хотя я и не имѣю удовольствія лично знать васъ, мнѣ почему-то кажется, что Вы примете участіе в судьбѣ Горькаго и его семьи и поможете имъ насколько это въ вашей власти.

Пожалуйста, не обманите моихъ ожиданій и примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности, с которыми имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою.

Левъ Толстой.

IV.

Л. Н. Толстой — принцу П. А. Ольденбургскому.

6 мая 1901 г.

Ваше Высочество, тотъ самый писатель Горькій (настоящее его имя Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ), о которомъ мы въ прошломъ году² говорили съ вами и писа-

¹ В «Жизни», январь 1900 г. (кн. I), напечатанъ рассказъ Чехова «В оврагѣ».

² Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій приезжалъ къ Л. Н. Толстому познакомиться въ январѣ или первыхъ числахъ февраля 1900 г.

нія котораго Вамъ особенно нравились, находится теперь въ ужасномъ положеніи: онъ вырванъ изъ семьи отъ находящейся въ последней степени беременности жены и большой туберкулезомъ легкихъ посаженъ безъ суда въ Нижегородскій, ужасный по своимъ антигигіеническимъ условіямъ, острогъ.

Его жена и друзья, зная, что я его люблю и какъ чловѣка и какъ писателя, обратились ко мнѣ, чтобы я, какъ могу, помогъ ему и ихъ горю, а я обращаюсь къ Вамъ съ твердой надеждой, что вы сдѣлаете, что можете, чтобы избавить его и его семью отъ того ужаснаго положенія, въ которомъ они находятся. Я увѣренъ, что вы не упустите случая сдѣлать доброе дѣло.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью Вашего Высочества покорный слуга

Левъ Толстой.

V.

Принцъ П. А. Ольденбургскій—Л. Н. Толстому¹.

Красное Село.
28-го мая.

Многоуважаемый Графъ Левъ Николаевичъ.

Согласно выраженной въ Вашемъ письмѣ просьбѣ, по наведеннымъ мною справкамъ выяснилось, что участь Горькаго уже облегчена переводомъ его изъ тюрьмы на домашній арестъ.

Примите, Графъ, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Принцъ Петръ Ольденбургскій.

¹ На бумагѣ с короной и монограммой: на конверте адрес (рукой принца): Москва, Хамовники. Его Сіятельству Графу Льву Николаевичу Толстому.

Штемп.: Красное Село, 29/V—1901. Москва, 30/V—1901. Почтов. вагон. 2/VI—1901. Дослано в Ясную Поляну.

На конверте пометка Л. Н. Толстого: БО (т. е. безъ ответа).

VI.

М. Горький — Л. Н. Толстому¹.

[Почтовый штемпель:
 Нижний-Новгород 19²²/_V01;
 Москва 19²³/_V01].

Спасибо вамъ, Левъ Николаевичъ, за хлопоты обо мнѣ. Изъ тюрьмы меня выпустили подъ домашній арестъ, что очень хорошо,—въ виду близкихъ родовъ у жены. Просидѣлъ я всего лишь мѣсяцъ² и, кажется, безъ ущерба для здоровья, да и на здоровьѣ жены вся эта канитель не очень сильно отозвалась, такъ что — всё обстоитъ благополучно. Слѣдствіе еще продолжается, но закончится оно пустяками для меня, — навѣрное только выгонять изъ Нижняго и отдадутъ подъ надзоръ.

Еще разъ — спасибо вамъ! Прошу прощенія, что вся эта канитель коснулась васъ. Низко кланяюсь С. А.³ и всему вашему семейству. Быть «подъ домашнимъ арестомъ» — ужасно смѣшно! Въ кухнѣ — полицейскій сидитъ, на крыльцѣ — другой, на улицѣ — еще. Гулять можно только въ сопровожденіи полицейскаго и лишь около дома, а на людныя улицы — не пускаютъ. Полицейскимъ тоже смѣшно караулить челоуѣка, который не только не намѣренъ бѣжать изъ города, но и по своей-то волѣ уѣхать изъ него — не хочетъ. Ну, всего хорошаго вамъ, здоровья, бодрости, покоя! Крѣпко жму руку вашу.

А. Пѣшковъ.

VII.

Приветствіе Л. Н. Толстому⁴.

От нижегородцев

Левъ Николаевичъ!

Обрадованные благополучнымъ исходомъ болѣзни твоей, шлемъ тебѣ, великій человекъ, горячія пожеланія еще мно-

¹ На конверте: Льву Николаевичу Толстому, Хамовнический пер. свой д., Москва (зачеркнуто).

(Надпись сверху): Козловская Засака, Тульской губ.

² С 17 апреля по 17 мая 1901 года.

³ Софья Андреевна Толстая (1844—1919).

⁴ На конверте: Тула, Ясная Поляна, Графу Льву Николаевичу Толстому.

Почтовый штемп.: Н.-Новгород, 13/VII—1901. Тула 14/VII—1901.

го лѣтъ здравствовать ради торжества правды на землѣ и такъ же неумолимо обличать ложь, лицемеріе и злобу, могучимъ словомъ твоимъ.

М. Горькій.
В. Неклепаевъ
А. Лебедевъ
А. Дьячковъ
Ф. Хитровский
М. Колесницкій
Н. Волковъ
Д. Сироткинъ
М. Лапшинъ
Милютинъ
Д. Шаховъ
Глазуновъ
А. Шишковъ
Иван Литвиненко
А. Мещеряковъ
Иван Ершевскій

В. Черновъ
И. Гусевъ
В. Шадринъ
И. Лялькинъ
А. Казанскій
А. Студенскій
А. Покровскій
А. Вязовъ
В. Болотовъ
(неразборчиво)
А. Цветковъ
И. Архиповъ
К. Деруновъ
М. Дмитриевъ
А. Яровицкій
Ф. Макаревскій
А. Гриневицкая
В. Малиновская.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО М. ГОРЬКОГО

Н. К. Пиксанов

Огромное значение Горького в новейшей русской литературе еще мало у нас выяснено. Наше литературоведение развивается как-то неравномерно, толчками. У нас создалась огромная литература о А. Блоке. Есть большие книги о Неверове, о Серафимовиче. А вот о Горьком, писателе не только национального, но и международного значения, у нас почти ничего нет.

Т.-е., конечно, имеется огромная критическая литература о Горьком. Для раннего периода его деятельности она колоссальна. В начале девятисотых годов вся журналистика — и не только русская, но и заграничная — была до краев переполнена Горьким. Да и позже о нем всегда писали много. Но это обилие — призрачно. Стоит только пересмотреть самое лучшее из того, что было написано о Горьком в старой либеральной и радикальной журналистике, чтобы увидеть, что здесь больше публицистики, полемики, субъективных впечатлений от только-что прочитан-

ного нового рассказа Горького или его драмы, чем настоящих изучений. За все тридцать лет, что пишут о Горьком, не нашлось ни одного критика и ни одной статьи, где бы определялись чисто-художественные черты творчества Горького. Его богатый язык, ритмика речи, композиция, портретная живопись, техника бытописания, пейзаж и т. д. — никогда не были предметом специального, точного описания. Для наших школьников и для самообразования буквально нечего порекомендовать в этом направлении.

Довольно много занималась Горьким и марксистская критика. О нем высказались почти все выдающиеся марксисты-критики, начиная с Плеханова и продолжая Воровским, Луначарским, Кубиковым и др. Здесь имеются блестящие страницы, глубокие социологические установки. Но и здесь много торопливых откликов «по случаю», субъективных, вкусовых оценок и проч. Статьи Евг. Соловьева-Андреевича, Богдановича, Кранихфельда и в свое время были слабы, теперь же перечитывать их — тяжелый труд. Составляя критическую хрестоматию о Горьком для учащихся из марксистских статей, я едва набрал семь печатных листов и, несмотря на тщательные поиски, не мог подобрать ничего подходящего для многих крупных произведений Горького.

Еще хуже дело обстоит с научными исследованиями по Горькому.

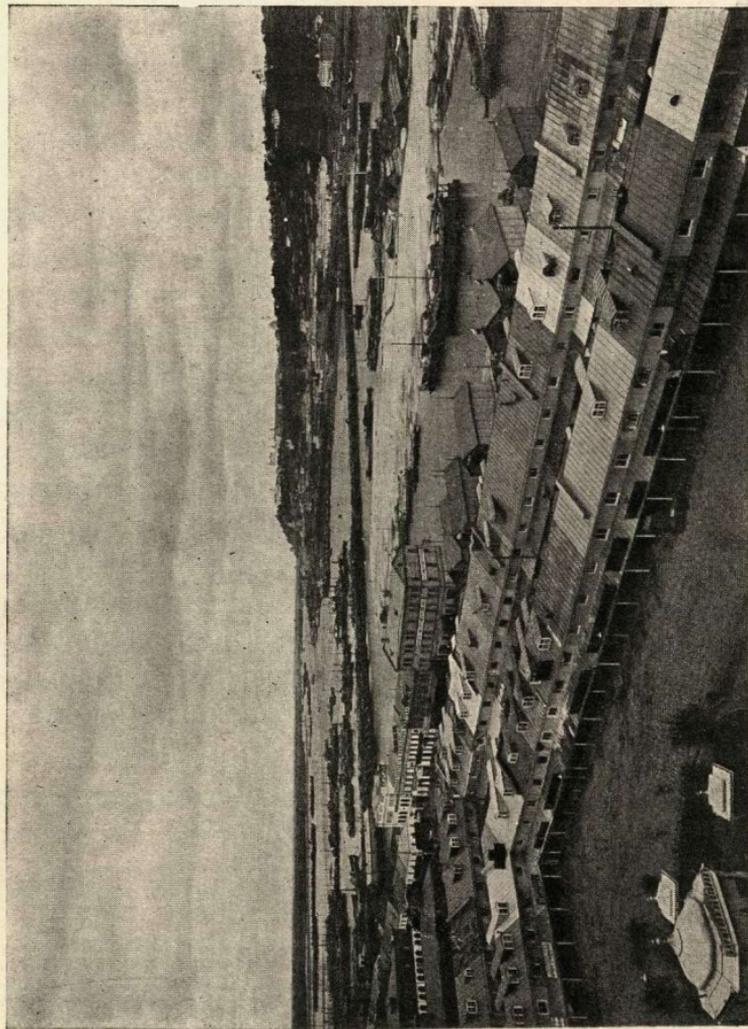

Фото М. Дмитриева.

Вид на Нижегородскую ярмарку.

Правда, есть формальное оправдание: трудно исследовать здравствующего писателя. Для этого, говорят, не хватает документальных материалов: черновых автографов произведений, писем художника и к нему, воспоминаний современников, биографических документов и т. д. Но это — лукавые отговорки. Во-первых, за тридцать лет в печати уже накопилось порядочно такого материала. Особенно за последние годы опубликовано много очень ценных данных, напр., о политической деятельности Горького — целая вереница документов из жандармских архивов. Обнаружено немало писем Горького и к нему. Недавно газеты облетело известие, что большая доля архива Горького поступила в Пушкинский Дом и, стало-быть, будут доступны изучению автографы Горького и его переписка. Да и помимо этого неизданного материала, в печати, так сказать — на поверхности, лежат богатые, нетронутые изучением материалы. Стоило нижегородскому краеведу А. Н. Свободову покопаться в старом «Нижегородском Листке», чтобы извлечь оттуда совершенно забытые, безвестные статьи Горького — о Чехове, о Брюсове, Бальмонте, Гауптмане, Врубеле и многих других. Об этом Свободов рассказал в «Красной Нови». А в «Печати и Революции» тот же Свободов из того же «Нижегородского Листка» извлекает интереснейшие цитаты из публицистических статей молодого Горького, — столь характерных для формирования его идеологии.

Но никто еще не тронул статей Горького в «Самарской Газете» 90-х годов, где Горький много писал под псевдонимом Иегудиила Хламиды. Нечего и говорить, что раннее художественное творчество Горького в его элементах, в его литературном окружении, в его эволюции — не подвергалось обследованию, хотя для этого обильны и общедоступны печатные материалы.

За последнее время странный заговор молчания вокруг развития Горького как-будто начал нарушаться. В 1925 г. вышла первая сводная литературно-биографическая книжка о Горьком — Рафаила Григорьева. Вышла одновременно книжка И. Груздева — с хорошим подбором биографических фактов. Тот же Груздев к юбилею обещает большую книгу о Горьком. Но всего этого еще чрезвычайно мало для такого крупного писателя, как Горький. Необходимо начать планомерное изучение Горького. И при первых же приступах к этому изучению откроется много такого, что по новому осветит и самого Горького и его литературную среду.

Здесь мне хочется рассказать об одной заслуге Горького перед литературой революционной России — о его руководительстве начинающими писателями.

Горький сам имел такого руководителя — в лице В. Г. Короленко. В «Моих университетах» и еще много раз Горький с горячей благодарностью рассказы-

вае, как значительна была для него нравственная и литературная помощь Короленко в начале поэтической деятельности. Талант Горького, однако, развернулся так быстро и его популярность выросла так стремительно, что вскоре и сам Горький стал литературным авторитетом. К нему, как к старшему собрату и учителю, вскоре потянулись за советом и помощью начинающие литераторы.

Среди них оказался и такой крупный поэт, как Леонид Андреев. В автобиографии, написанной в 1910 году, когда Андреев сам стал прославленным писателем, он сделал заявление, замечательное по горячему чувству и выразительности. «Пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он первый обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой рассказ «Баргамот и Гараська»), написал мне и потом в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя, как для писателя, величайшим счастьем, и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького — исключительно верного друга литературы и литератора. Только известная сдержанность по отношению к нему

заставляет меня удержаться от более горячего выражения чувства признательности и чувства глубокого, единственного уважения». Алексею Максимовичу Пешкову Андреев посвятил свою первую отдельную книжку «Рассказов», 1901 года.

Чрезвычайно характерно, как распределились наставники и ученики в литературной среде перед революцией 1905 года. Питомцы буржуазной, урбанистической культуры тяготели к символизму, искали назидания у В. Брюсова, у А. Блока. Выходцы из радикального разночинства, из пролетариата, из крестьянства обращались к Короленко и к Горькому. И тот, и другой с поразительной отзывчивостью и щедростью откликались на призыв начинающих.

Вскоре вокруг Горького образовалось кольцо учеников и последователей, однородных социально и идеологически и близких по духу и происхождению самому Горькому, именно — начинающих пролетарских писателей. В автобиографии пролетарского поэта Н. С. Тихомирова сохранилось ценное сообщение о том, как рабочих поощрял пример Горького: «Стихи я начал писать в типографии. Написал первое стихотворение «Думы рабочего», прочитал товарищам, которые посоветовали мне отнести в журнал «Печатное дело», а я и думаю — куда я понесу в журнал, что я — писатель, что ли? Один печатник и говорит мне: «Все писатели не сразу стали писать гладко и складно и, конечно, не мало бумаги попортили...

Возьмем хотя бы Максима Горького, простой рабочий малярного цеха, а талантище громадный имеет... А ты отнеси, чего там стесняться, свой журнал», — говорит мне «американец» Бубешко (работал на ручной американке)».

Деятель большевистского подполья и беллетрист Сергей Малышев рассказывает, как около 1897 года он, тогда «полуграмотный 22-летний парень», служивший в мучном лабазе, познакомился с рассказом «Челкаш»: «Улучив свободное время, я забрался на штабели товара и, втиснув себя между мешками с мукой, принялся читать книжку». Она произвела глубокое впечатление. «Прижав под фартуком книжку Горького, я шел на квартиру позади других и думал о прочитанном. Чем свет проснувшись утром с мыслью о книжке Горького, я, пока спали другие, ушел за деревянной сарай и там еще раз перечитал лучшие места. Именно книга М. Горького возбудила во мне сильную активность». Потом Малышев ревностно изучал Горького и на свободе, и в предварилке, и в Крестах («Прожектор», 1928 г., № 13).

Из личного и письменного общения с такими новичками Горький вынес огромный запас наблюдений. В 1911 г. он опубликовал их в «Современном Мире», в замечательной статье: «О писателях самоучках» (отдельной брошюрой выпущена в 1915 г.). В 1914 г. он снабжает своим предисловием «Сборник пролетарских писателей», в 1917 г. участвует в редактировании

другого аналогичного сборника. В статье 1911 года Горький сообщал, что за время 1906—1910 г.г. им было получено и прочитано более четырехсот рукописей «писателей из народа» и приводит замечательные цифровые данные о их социальном составе: из 348 авторов было рабочих — 114, крестьян — 67, извозчиков — 5, солдат — 5, каторжников — 4 и т. д. А в предисловии к сборнику 1914 года, 14 лет тому назад, заявил: «Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу» — и еще: «Бодрые силы пролетариата, возрастая количественно, становятся и качеством своим все более культурными; мы уже можем сказать, что, несмотря на ужасные условия жизни русского рабочего, он постепенно создает свою интеллигенцию». Горький не жалел усилий, чтобы помочь этой рабочей интеллигенции и содействовать развитию пролетарской литературы.

Когда-нибудь биографы Горького расскажут во всех подробностях и за все время историю его отношений с начинающими писателями (подобно тому, как аналогичная тема разработана в недавней книге А. Б. Дермана «Писатели из народа и В. Г. Короленко». Харьков, 1924 г. Отчасти эта тема о Горьком затронута в интересной книге Л. Клейнборта: «Русский читатель-рабочий». Л., 1925 г.). Я же возьму только писателей новейших, выдвинувшихся в революционные годы. При этом я воспользуюсь их авто-

биографиями, опубликованными В. Лидиным в сборнике: «Писатели. Автобиографии современников» (М. 1926 г.), а также и разнообразными другими источниками.

В своих автобиографиях, весьма кратких по естественной сдержанности здравствующих авторов, наши писатели чаще всего говорят о Горьком только в общей связи автобиографического сообщения, попутно, не вдаваясь в подробности. Автор обратившего на себя внимание романа «Жизнь Ивана», А. Демидов, пишет: «В 1916 г. перевожусь на службу в Петроград. Там встречался с М. Горьким, которому я многим обязан за указания и советы. Тогда охватывает меня горячее желание написать большую повесть из крестьянского быта, и в течение полутора лет, во вне-служебное время, я написал «Жизнь Ивана». — Вот и все. Какие указания и советы давал Демидову Горький, не говорится. Однако, несомненна связь этой встречи с Горьким с охватившим поэта «горячим желанием написать большую повесть».

Беллетрист И. М. Касаткин пишет: «За рассказы я взялся в 1904 г., сидя в Нижегородской тюрьме («Нянька», «На барках»), но напечатал их только в 1907 г. в волжской газете «Судоходец». Затем я надумился послать Горькому на Капри несколько вырезок с моими газетными рассказами, и с тех пор у меня с Горьким завязалась длительная переписка, а рассказы мои стали печататься в сборниках «Зна-

ние» и в больших журналах. В годы 1906—14 жил я в глуши и никакого общения с живым писательским миром не имел, как и раньше. Влияние этого мира было только в письмах Горького». И здесь автор скуп на подробности, но примечательно, что его общение с литературным миром в течение восьми-девяти лет поддерживалось «только письмами Горького».

Автор драм «Пугачевщина» и «Любовь Яровая», К. А. Тренев коротко сообщает: «Огромное значение в моей литературной биографии имел М. Горький, откликнувшийся с о. Капри на посланную ему вещь горячим сочувствием и с изумительной лаской ободривший меня в тяжкие минуты. Полагаю, что без этих одобрений я едва ли начал бы серьезно писать. Очень уж мало верил в свои силы». Еще короче пишет беллетрист С. А. Семенов: «Второй рассказ «На дорогах войны», носивший в первой редакции более бесхитрое название «На банды», я послал уже Алексею Максимовичу Горькому. Алексей Максимович по своему обыкновению не замедлил откликнуться небольшим, но изумительно сердечным письмом». И совсем лаконичен автор нашумевшего «Рвотного форта», Н. Н. Никитин: «В литературу вступил в 1922 году», «тут впервые познакомился с Горьким. Его слов никогда не забуду. Необыкновенный человек».

Итак, все в один голос свидетельствуют о внимании, отзывчивости, чутком понимании, нравственной

поддержке со стороны Горького, — в личных беседах и заочной переписке. «Изумительная ласка», «изумительно сердечное письмо», «необыкновенный человек» — такие определения, идущие от разных людей, но так одинаково горячие — живо напоминают оглашенное мною раньше заявление Л. Андреева.

Для начинающих было дорого еще то, что Горький помогал им проникнуть в печать, через те рогатки, какими, увы, обставлен путь литераторов-новичков. Тут Горький часто обнаруживал проницательность и уверенность больше, чем профессиональные журналисты-редакторы. Он оказывал протекцию в чужих изданиях, пользуясь своим авторитетом и связями; потом, когда стал издавать, с 1916 года, «Летопись», — щедро печатал литературные первинки и в своем собственном журнале. Автор прославленной «Конармии», талантливый И. Э. Бабель пишет: «В 1915 г. я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку; но я не послушался их и в конце 1916 г. попал к Горькому. И вот—я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 г.»

Как приподнимало, окрыляло новичков одобрение Горького, можно понять из горячего признания Все-

волода Иванова: «Первый рассказ написал осенью 1916 года, и он был напечатан в газете «Приишимье» в г. Петропавловске, Акмолинской области. Я решил, что если меня напечатали в газете, то напечатают и в толстом журнале: следующий рассказ я послал в «Летопись» Горькому. Послал и стал ждать славы. Самый счастливый день в моей жизни был через две недели, когда в грязный, длинный и темный подвал типографии вошел почтальон и подал мне письмо. Вся типография собралась читать письмо Горького. Все после этого письма решили, что я великий человек, и управляющий тоже согласился с этим и выдал нам десять рублей аванса на «вспрыскивание». Друзья мои перепились, а я сидел среди них трезвый — и чувствовал себя пьянее их».

Писателя-новичка, писателя-пролетария или разночинца часто следовало не только ободрить словом, но и просто — накормить. Тот же Всеволод Иванов продолжает: «В конце 20-го г. в Петербург мне помог перебраться Горький. Здесь вначале я едва не умер с голоду (Горький находился в Москве, и я приехал в пустой для меня город), потом Алексей Максимович кормил меня в Доме Ученых. Я тогда был робкий, а он густым басом, как его усы, говорил: «Вы не думайте, вам надо хорошо питаться. Ешьте». Я в хороших людей не верю, — мне кажется, они притворяются из презрения к человеку, — а Горький перепутал многие мои мысли».

Но попасть в категорию «хороших людей», помогающих начинающим писателям материально или протекцией в журналах, было бы мало для такого мастера словесного художества, как Максим Горький. Молодые писатели потому так и тянулись к нему со всех сторон, что прежде всего и больше всего искали совета, наставления художественного. Крупный, многогранный талант и крепкое мастерство Горького привлекали к нему писателей разных направлений. И сам Горький был широк и терпим. Так, он много содействовал писателям из круга «Серрапионовых братьев». Мы уже читали горячие заявления В. Иванова, Н. Никитина. Горький поддержал начинания серрапионовца Льва Лунца, и когда этот молодой поэт скончался, написал о нем теплый некролог в берлинском альманахе «Беседы». Выдвигающийся теперь беллетрист В. А. Каверин сообщает: «В конце 1920 года я приехал в Петроград, послал Горькому первый рассказ «Одиннадцатая аксиома». Тогда же появился «Орден Серрапионовых братьев»; Горькому и серрапионам я в значительной степени обязан всей моей литературной работой» И близко к словам Каверина, только еще сильнее, говорит автор романа «Города и годы» К. А. Федин: «В 1920 г. в Петербурге познакомился с М. Горьким, о встрече с которым можно будет вспомнить в другом месте. Он сделал для меня неизмеримо много, между прочим, содействовал прекращению моей постоянной работы в га-

зетах. Он же ввел меня в 1921 г. к «Серрапионовым братьям», дружба с которыми для меня — радость».

Но характерно, что серрапионовец Н. Никитин, сказав так горячо о знакомстве с Горьким, непосредственно за тем продолжает: «Мастерству-ремеслу учил меня Замятин». Писатели иного типа мастерству учились у Горького. Бабель, которого я уже цитировал, пишет еще о Горьком: «Он научил меня необыкновенно важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо,—Алексей Максимович отправил меня в люди. И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди». Алексей Максимович отправил в люди... Ведь, это было целое послушание, наложенное мастером на ученика. «И только в 1923 г., досказывает Бабель, — я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно. Тогда я вновь принялся сочинять». Всеволод Иванов, рассказав, как он глубоко пережил первое письмо Горького, продолжает: «Тогда я в две недели подряд написал двадцать рассказов и некоторые послал Горькому. А он мне написал, что это плохо и надо учиться и читать. Учиться я не умел, но начал и не писал два года. В эти два года я прочел столь много книг, сколько я не прочту, наверное, во всю дальнейшую жизнь». Это опять сказано скупно, без малейшей цитаты из нового письма Горького. И о со-

держательности слов Горького мы можем только догадываться из веской фразы: «не писал два года», и другой — о начавшемся запойном чтении книг.

Возьму еще цитату из автобиографии Ивана Вольнова, — удивительной автобиографии писателя, прошедшего в молодости тернистый путь, напоминающий путь Горького. После ареста в 1908 году, когда Вольнов был «бит и пытан», он бежал из сибирской ссылки за границу и после разных скитаний попал на Капри. «В январе 1911 г., на Капри, показал М. Горькому то, что я писал в Цюрихе. Все приставал к нему с вопросом, следует ли мне писать дальше. Просил, чтобы «честно» мне ответил. Горький ласково обходил вопрос, щадя мое самолюбие. Все, что я показал ему, было плохо. Но напечатал это в амфитеатровском «Современнике» за 1911 г. Амфитеатров впихнул туда немало и отсебятины. Это мои первые шаги. После этого я совсем сорвался с петли. Думал, испишу всю итальянскую бумагу стихами и в прозе. Мучил Горького, таская рукописи на просмотр. Он исправлял, заставлял переписывать. Как-то он стал спрашивать о прошлом моем. Послушал и предложил написать это и именно так, как я рассказывал. Я писал год. Когда кончил, принес Горькому. Понравилось. Он выбросил все лишнее, остальное же составило «Повесть о днях моей жизни». «Юность» написана уже самостоятельно. Вплоть до отъезда в Россию в 1913 г. Горький возился со мной. Заставлял читать,

исправлять рукописи... После Горького много, премного сделал для меня В. С. Миролюбов. Горький слишком мягко относился ко мне, часто во вред мне. Теперь я так думаю об этом. Тогда, быть может, это так и нужно было. Миролюбов был суров. Учась писать, я был между ласковой матерью — Горьким и суровым, но справедливым наставником — Миролюбовым».

Не всегда Горькому приходилось выступать в роли «ласковой матери». Приходилось брать на себя и роль «сурового наставника». В автобиографической книге писателя из народа Михаила Сивачева: «Прокрустово ложе» (М., 1911) рассказывается, как он, продав деревенскую избу, отправился искать Горького (сначала в Нижний, потом в Финляндию), чтобы тот «решил его судьбу». «Я верил в Горького, как в ту большую мудрость, которая раскроет мне меня», пишет Сивачев. Как всегда, Горький проявил и здесь много заботливости и к материальному положению писателя-бедняка, притом еще больного, и к его литературным опытам. Но эти опыты мало удовлетворяли Горького. Так, однажды, он пишет Сивачеву о его рассказе: «Васька Богданов — великолепная тема, но написана скучно. Длинно! Скучно! Для меня несомненно, что вы будете писать и должны писать, но теперь вам нужно учиться. Нужно читать и читать как можно больше и — хорошие книги». В конце-

концов с писательством у Сивачева ничего не вышло, и он готов вину переложить... на того же Горького.

Готов упрекать Горького — не за себя, а за целую группу писателей-неудачников — редактор журнала группы суриковцев «Друг народа» (1915), В. Ермилов. Ермилов рассказывает о своих спорах с Горьким: «— Напрасно, напрасно, — упрямо твердил он мне, когда я лет двенадцать назад открыл широкий доступ в свой тогдашний журнал «Народное благо» писателям из народа, — напрасно вы их так легко пускаете в среду заправских писателей. Вы их тем портите и будете нравственно отвечать за последствия. — В чем же тут вред, Алексей Максимович? — спрашивал я его, — если между ними я встречаю подчас людей способных, обладающих литературной формой, не менее, чем многие, — ох, как многие из тех интеллигентных писателей, которые легко находят себе приют на страницах наших журналов? Почему же крестьянам-поэтам, ремесленникам, пишущим не хуже профессионалов литераторов, запирают те двери, которые так широко раскрываются нередко даже перед заведомыми и безнадежными, неисправимыми посредственностями, бездарностями? — А потому, — решительно, взволнованно, почти гневно возразил он мне, — что в народе расплывать посредственностей грешно и стыдно. Отвлекать работников от обычной их работы ради дешевого успеха не стоит. Нехорошо развивать в них самообольщение, — это их унижает»...

В этих замечательных словах Горького было, разумеется, больше любви и уважения, чем в любезных, уклончивых и лукавых словах, какие так легко наговорить человеку, чтобы только отделаться от него. Ермилов этого не понял и обвинял Горького в том, что тот «смотрит придирчиво, строго на таких же, в сущности, выходцев из народа, как и он сам».

Но сами писатели бывали более чутки, чем этот редактор. Поэт Семен Фомин пишет, как Горький раскритиковал рассказы Фомина: «Сначала меня письмо его ошеломило. Я расстроился и ночи две не спал. Потом я понял, что—при всей строгости Алексея Максимовича к моим произведениям—безнадежно он на меня не смотрит. И теперь несовершенства свои я вижу более чем когда-либо. Учусь и буду учиться. Алексей Максимович строго ко мне отнесся и тем дал почувствовать, насколько серьезно надо относиться к художественному творчеству».

Вот еще один пример строгого, но плодотворного учительства Горького. В биографии А. С. Неверова, напечатанной Н. Н. Фатовым, воспроизведены письма Горького к Неверову (август 1915 г.) и здесь читаем: «Александр Сергеевич! Для большого журнала ваш рассказ недостаточно значителен, да и по теме своей слишком уж обычен. Так много писалось у нас о людях, которые живут неведомо зачем. Написали вы — не ровно. В начале — почти хорошо, а чем дальше, тем более скучно. Нет, попробуйте еще пописать, вы

можете сделать лучше. Времени нет, неудобная обстановка? Я понимаю это и не тороплю вас. Но я надеюсь, — более того, — я уверен, что вы должны и будете писать хорошо. Пока — всего доброго! Вам денег не нужно ли? Книг? Сообщите». В следующем письме: «Прочитал «Среди запасных» — написано недурно, метко, но — остерегайтесь выводов! Во дни такой страшной путаницы, каковы наши дни, выводы — опасны. Всё колеблется, дрожит, — надо изображать, как оно колеблется, дрожит. Изображайте не стремясь поучать от себя. Пусть учат факты. «От неизвестных причин» — тоже не дурной рассказец, но недостаточно ярко показана убивающая душу поадейки бытовая обстановочка, наше жестокое, темное, русское житьишко. Вы можете писать лучше, поверьте мне, я не ошибаюсь, можете! И вы будете писать лучше». Замечательна здесь и прямота, с какой указываются недостатки, и благожелательность, и спокойная уверенность в будущих успехах новичка (что и оправдалось).

Бывало и так, что и до личного знакомства и переписки, да и без них, Горький становился художественным руководителем начинающего писателя — одной силой своих произведений. Федор Гладков, автор «Цемент», теперь сам зрелый мастер, пишет, что когда он впервые, в 90-х годах, прочел рассказы Горького, то «вдруг почувствовал, что мир сразу изменил свой облик и заиграл неслыханной музыкой».

«И с этого дня я стал совсем другим человеком. Я был пьян, я был во власти неиспытанной мятежности, я впервые узнал невыразимую красоту безбрежной свободы. И с этого дня я бессознательно стал пленником Горького. Это имя для меня было волшебным, единственным, бесконечно родным и недостижимо прекрасным, как идеал. Все книги, которые я читал тогда, казались мне унылыми, тусклыми, бездарными. Я мог наслаждаться только бесконечно родным Максимом Горьким. И я читал его десятки раз, трепетал и волновался так же, как и в первый день, когда я лежал в саду. Я попрежнему печатался в газете, и всё, что писалось в то время, было только рабским подражением Горькому» («Красная Нива» 1928, № 13). Гладков писал тогда в «Кубанских Ведомостях».

Было бы увлекательно изучить литературную школу, созданную Горьким. В конце девяностых и начале девятисотых годов уже выявилась целая группа беллетристических произведений, созданных под сильным художественным воздействием Горького. Теперь мы многое уже и забыли, а молодежь этого и вовсе не знает. Но стоит только немного пересмотреть журналы начала девятисотых годов, чтобы почувствовать, под каким сильным возбуждением, идущим от Горького, жила тогдашняя беллетристика. Именно беллетристика. Лирическая поэзия избежала воздействия Горького. То-есть, и здесь кое-что откликнулось. Таковы напр., «Отрывки» Ив. Адарю-

кова под названием «Перед рассветом», напечатанные в газете в 1901 г. и живо напоминающие «Песнь о буревестнике». Такова «Песнь о трех юношах» Н. Д. Телешева в «Русской Мысли» 1901 г., — кавказская легенда, сильно напоминающая Горького. Но стихотворная поэзия не могла иметь образцов у Горького, который только в юношеские годы пробовал писать стихами. Его драматургия тоже не оказала сильного влияния — частью потому, что большинство его пьес мало удачно, частью потому, что социальная тематика, намеченная в таких его пьесах, как «Враги», не могла осуществиться в сценическом исполнении по цензурно-полицейским условиям, и подобные пьесы, зарождаясь, скоро и умирали в сознании тогдашних драматургов.

Зато беллетристике Горького посчастливилось необычайно. Она долго владела художественным сознанием молодых писателей. Особенно тут показательны первые годы двадцатого века. Образовалась целая особая «босяцкая» литература. Тема босяка завладела беллетристами. Наиболее рьяно откликнулись одесситы, вдохновляемые «Челкашом». Такова книжка Кармен: «Дикари. Из жизни обитателей одесского порта. С иллюстрациями, принадлежащими карандашу бывшего обитателя порта А. П-ва». Одесса. 1901. — Другая книжка того же автора: «На дне Одессы». Од. 1904. — Книжка Н. Б. Полинковского: «Среди босяков. Очерки и рассказы». Од.

1903. — Книжка С. С. Полятуса: «Интеллигентные босяки. Очерки и рассказы. Из личных наблюдений». Од. 1902. И другие города откликнулись на ту же «босяцкую» тему. В Москве в 1901 году вышла книга Д. А. Богемского: «Где лучше? Рассказы из жизни приморских босяков». В Петербурге — две книжки А. Бахтиарова: 1) «Босяки. Очерк с натуры». 1903 и 2) «Отпетые люди. Очерк из быта погибших людей». Назову еще книжку А. Т. Грабины: «Прежде погибшие». П. 1902, и другую — Ф. Ф. Платонова: «Рассказы». Ярославль. 1901.

Конечно, имена Полиновского, Богемского, Полятуса, Бахтиарова, Грабины, Платонова ничего нам не говорят. Но их книжки характерны, как знамение времени, как та массовая литературная продукция, которая была создана сильным возбуждением яркого таланта Горького. Были писатели более одаренные и сильные, закрепившие свое имя в летописях литературы, но также творившие под влиянием Горького. Таковы многие «знаниевцы», участники известных сборников т-ва «Знание», сборников, редактировавшихся Горьким. О них не распространяюсь, так как могу сослаться на страницы книги В. Л. Львова-Рогачевского: «Новейшая русская литература». Назову только Скитальца-Петрова. Позднее, с ликвидацией революции 1905 года, в литературе упало революционно-демократическое настроение, возобладали буржуазные течения, и в критике начались злорадные

хихиканья не только над «подмаксимками», но и над самим Горьким. Провозглашен был «конец Горького».

Но с подъемом нового общественного движения, вновь и все сильнее и сильнее стала чувствоваться огромная социально-эстетическая значимость Горького. И сам Горький начал создавать новые, такие крупные произведения, как «Детство», «В людях», «Мои университеты» и др. И не случайно то, что с 1916 года, особенно сильно, кажется, в 1920 — 1922 г.г., Горький становится властителем дум писателей нового призыва, глубоко переживающих вторую, великую русскую революцию.

За последние годы это учительство Горького расширяется и на рабочих и сельских корреспондентов. В газетах мы постоянно читаем отрывки из переписки М. Горького с рабкорами и селькорами. Возникают даже целые дискуссии в связи с вопросами, затронутыми этой перепиской. Высказанная в 1914 году уверенность Горького, что русский пролетариат «постепенно создаст свою интеллигенцию, выделяя часть своей физической энергии — претворяя ее в энергию психическую», эта уверенность теперь блестяще подтверждается.

В заключение укажу и еще одну группу начинающих писателей, состоящих в литературном общении с Горьким — начинающих поэтов из пролетарского студенчества. В журн. «Красное студенчество» за

1927 г. (№ 9) помещены два письма Горького к студенту-поэту А. Северному, свидетельствующие, как неисчерпаем Горький в своем стремлении помочь молодым собратьям. Возьму только одну цитату: «Вам надобно учиться технике; без знания техники и сапожную колодку не выстрогаешь. Почитайте хорошенько старых мастеров: Пушкина, Лермонтова и т. д. Не бойтесь их, — идеологически они вам повредить не могут, а технически — очень пособят. Модниками и фокусниками слова не увлекайтесь. Правда и простота — родные сестры, а красота — третья сестра. Работайте над собой побольше, не щадя себя».

Огромны и разнообразны заслуги Максима Горького. Среди них с горячей благодарностью вспомним в юбилейные дни и это неустанное и плодотворное литературное наставничество Горького.

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ «МЕЩАН»

П. О. Пылашевский

Композиционные средства, использованные писателем для своего произведения, определяются, главным образом, целью, которую ставит себе автор. Подбор персонажей, выбор места, времени, обстановки, наконец — самая фабула и сюжетная структура произведения определяются основным целеустремлением писателя.

Сделать попытку раскрыть эту цель и выяснить подсказанные ею композиционные приемы Горького и является задачей настоящей статьи.

Одним из самых сложных, но и самых важных элементов, необходимых для полного художественного оформления произведения, является его язык. Значение языка, как композиционного средства выражения мыслей, чувств, — одним словом, всего содержания психики выведенной автором среды, особенно рельефно выступает в произведениях драматической формы. Правда, театр оденет персонажей в соответствующие костюмы, заставит их двигаться

и жестикулировать сообразно их возрасту, психологии и принадлежности к тому или иному социальному слою, найдет интонации, ритм, темп и тембр для каждого из них; он создаст нужную гармонию звучания пьесы, но он не может дать языка: язык дается автором произведения.

Конечно, язык не единственное композиционное средство, но — несомненно — одно из главных. В произведениях бытового содержания, а в особенности в таких, где ставится и разрабатывается социальная проблема, яркость и сила убедительности стоит в прямой зависимости от степени использования автором языка, как социального элемента композиции.

Писатели революционного периода прекрасно учли это требование. Их персонажи говорят (удачно или нет — вопрос другой) своим языком, и это налагает на большинство современной литературы яркий бытовой колорит, который и дает своеобразную, красочную жизнь их произведениям. В период народнической литературы писатели (Решетников, Н. Успенский, Слепцов и др.) в высокой степени были озабочены тем, чтобы заставить своих «героев» каждого говорить его собственным языком.

Первая социальная драма Горького «Мещане» была встречена критикой очень сочувственно, как литературное произведение, «важное по замыслу и содер-

жанию»¹, раскрывающее сущность борьбы новых форм жизни и новых энергичных, жизнерадостных людей с пошлостью и затхлостью полонившего страну мещанства². Но вместе с тем отмечались недостаточно убедительная правдивость нарисованной жизненной картины³, допущение художественной неправды в главном образе пьесы — Ниле⁴. Но самое важное, что было справедливо подчеркнуто критикой, так это то, что для Горького «важны не лица, не этнографический тип»⁵, а его собственное настроение, настроение «романтика, мечтающего о силе, смелости, красоте человеческой жизни, о ее поэтической удали»⁶.

Таким образом, критика не решилась признать «Мещан» Горького бытовой реалистической драмой, а усмотрела в ней романтический призыв к структуре новых форм жизни. Это совершенно справедливо. Одним из самых чутких критиков, Богдановичем, было отмечено, что пьеса Горького даже в таком

¹ Богданович. «Критические заметки». «Мир Божий». 1902 г. № 5, отд. II, стр. 14.

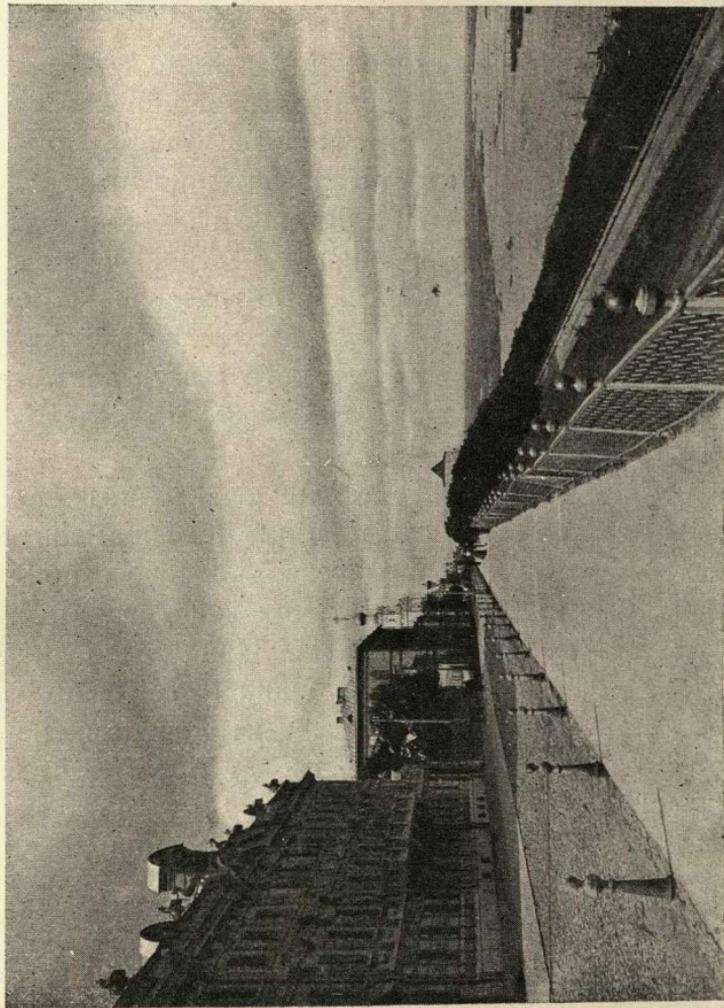
² Андреевич. «Мещане» Горького. «Научн. Обзор.». 1902 г. № 4, стр. 173 и сл.

³ Кранихфельд. «Журнальные заметки». «Образование», 1902 г. № 1, стр. 161.

⁴ Яроцкий. «Об одном из типов, выведенных М. Горьким». «Вестн. Воспитан.», 1903 г., № 3, стр. 85.

⁵ Андреевич. Назв. статья, стр. 179.

⁶ Там же, 176.

Откос над Волгой.

Фото М. Дмитриева.

театральном оформлении, какое ей дал Художественный театр, не произвела со сцены сильного впечатления и оказалась гораздо более яркой в чтении. Причину этого Б. видел в недостатке движения в пьесе. Но какое же и может быть движение в мещанском болоте, где «все замирает особенно быстро... и крик боли, и смех радости», где «всякое потрясение» — не более, не менее, как «удар палкой по луже»¹? Художественная правда заставила Горького свести движение в пьесе на-нет, и в этом — не минус произведения, а его плюс.

И все же, несмотря на отсутствие движения, пьеса имеет данные рассчитывать на большое внимание зрителя, так как она дана в разрезе большого напряжения, которое и является достаточным эквивалентом необходимого в драме движения. Но Богданович безусловно прав в том, что излишняя бытовая подчеркнутость, данная Художественным театром, не идет к пьесе; она ей мешает, мешает потому, что противоречит композиционному плану автора, для которого центром внимания является не внешняя бытовая оболочка, а внутреннее содержание созданного им произведения.

Внешняя бытовая сторона в пьесе сведена до минимума. Все четыре акта идут в одной и той же комнате. Хотя Горький и дал тщательное описание

¹ Слова Тетерева, стр. 107-108. Цитирую по первому изданию т-ва «Знание», 1902 г.

планировки и обстановки этой комнаты, но по ходу пьесы эта обстановка мало использована; она воспринимается лишь как внешняя бытовая рама, при чем ее элементы почти вовсе не связаны ни с отдельными персонажами, ни с их действиями и речами. Глаз зрителя привыкает к обстановке и ее уже не чувствует. Так же дело обстоит и с проявлением бытовых моментов; автор не дает им полностью развернуться перед зрителями. Так, например, три раза семья собирается за общим столом то обедать, то пить чай, но дальше начала дело не идет, срываясь вследствие начавшегося горячего спора.

Горький сосредоточил внимание зрителя не на деталях внешнего быта, не на отдельных его аксессуарах; внешнее нужно ему только как предпосылка, от которой он идет к критике внутреннего содержания этого быта, и даже не быта в собственном смысле слова, а системы мыслей, взглядов, убеждений, чувств, настроений живых носителей изображаемой среды.

Что же представляет собой эта среда и какими средствами Горький ее изображает?

И здесь опять-таки на первый план выдвинуты не внешние признаки, а внутренние. Внешняя речевая оболочка персонажей пьесы в достаточной степени нейтрализована. Несмотря на классовые и профессиональные различия, все они — горожане, грамотные и даже в известной мере образованные люди; город

отшлифовал их речь и, наложив на нее свой нивелирующий штамп, сгладил социальные особенности. Социально-речевая окраска, необходимая для бытового фона, необходимо задерживает на себе внимание читателя (а в особенности зрителя) и, конечно, поглощает значительную долю этого внимания. Горький экономит внимание зрителей для других целей; он производит отбор действующих лиц с расчетом на минимум социально-речевой дифференциации. Этот минимум, данный автором в удивительно тонком художественном рисунке (о чем ниже), не бьет в глаза и почти вовсе не задерживает на себе читателя (или зрителя), все внимание которого направлено на внутреннее содержание «героев», на систему их мыслей, взглядов, убеждений, на мир их образов.

Неведомский заметил, что Горький в период «босачества» пользовался своими босяками, «как рупором, заставляя их высказывать его, горьковские, заветные мысли»¹.

То же, в сущности, получается и в «Мещанах». В речах своих «героев» Горький поет свой революционный гимн новой, грядущей жизни, проклиная затхлую российскую действительность.

Делая установку не на быт, а на собственную мысль, Горький должен был использовать такие ком-

¹ «История русской лит-ры XIX в.» под ред. Овсяннико-Куликовского, т. V, стр. 243.

позиционные средства, которые бы обнажили, заострили мысль, брошенную в сознание слушателя.

План пьесы разработан в ряде столкновений отдельных фигур или групп. Все эти столкновения можно свести к двум рядам: в одном даны столкновения мещан с людьми иной формации; в другом — столкновения старшего поколения мещан с молодым, которое, будучи вросшим своими корнями в старое содержание жизни, отворачивается от него под влиянием тех воздействий, которые оказала на него новая жизнь.

Между отдельными столкновениями всех актов наблюдается ритмическая закономерность; они расположены в порядке возрастания по силе, длительности самого столкновения и по числу лиц, принимающих в нем непосредственное участие. От этого каждый новый акт становится напряженнее предыдущего, и наивысший момент напряжения падает на четвертый акт, где в столкновение втянуты почти все персонажи пьесы. Параллельно с ритмом возрастания звучания пьесы по актам, в пределах каждого отдельного акта проведен свой особый ритм звучания, который можно выразить формулой:

$$o - v < V > v - o$$

Здесь, под «o» я разумею полное отсутствие звуков, под «v» (vox) — звучание, которое, развиваясь кресцендо, доходит до наивысшего звукового

оформления и, пройдя его, стремится опять к «о». Этот двойной ритмический узор звучания является главным выражением движения в пьесе и, как такое, приковывает к себе внимание зрителя вложенным в это звучание содержанием. Причины этого вполне понятны. В основе каждого столкновения лежит борьба мыслей, взглядов, убеждений, различных по силе и качеству. Но самая мысль, требующая защиты, в процессе спора усиливается привлечением в большей или меньшей мере и всех других психологических элементов, что доводит активных участников столкновения до известной степени возбуждения, которое и передается зрителю. Зритель, переживая сложный ритмический узор звучания пьесы, волнуется волнением персонажей, втягивается в эти столкновения и начинает чувствовать, что в них-то и заключается самое главное. Таким композиционным приемом Горький вводит зрителя (или читателя) в сложный клубок мыслей, вложенных им в пьесу.

Но цель Горького не только в том, чтобы известным образом настроить зрителя и поставить перед ним ряд вопросов. Нет. Он ставит своей главной задачей привести зрителя к определенным выводам, вызвать у него ясное отношение к изображаемой среде.

Если в пьесах Чехова — непосредственных предшественницах разбираемой нами пьесы — и был в достаточно яркой образности представлен тот ту-

пик, куда зашла русская интеллигенция, но в них не было суда над «героями». «Герои» страдали, и с ними страдал и сам автор. Горький, несомненно, учившийся у Чехова драматургическому мастерству, не ограничился показом ненавистной ему социальной среды, но он вынес ей и решительный приговор, ибо он не хотел страдать страданиями своих «героев»; он взялся за перо, чтобы осудить их, вернее — через них осудить тот социальный строй, который и был причиной их появления в жизни. Эту цель Горький осуществляет путем введения в пьесу специального персонажа — певчего Тетерева.

Тетерев — главный судья развернутой перед ним авторской концепции российского мещанства. Эта его роль подчеркнута в пьесе словами Петра: «Мне нравится ваш стиль, Терентий Хрисанфович.. И нравится ваша роль — роль судьи всех нас... Но я желал бы понять—почему именно эту роль вы играете?..»¹. Эту роль играет в пьесе Тетерев потому, что он наделен недюжинным умом (на это не один раз указывается в пьесе) и глубочайшей ненавистью к мещанству. «Жизнь испорчена,—говорит он,—она скверно шита... Не по росту порядочных людей сделана жизнь.. Мещане сузили, окоротили ее, сделали тесной... и вот я есмь вещественное доказательство того, что человеку негде, нечем, незачем жить»².

¹ «Мещане», стр. 29.

² Там же, стр. 77.

Автор отдает в пьесе центральное место Тетереву, который, как Аргус, следит за всеми перипетиями пьесы: то одобряет, то подсмеивается, то глумится, то пророчествует. Если собрать воедино все замечания, реплики и монологи Тетерева, этого в высшей степени остроумного и глубокого отрицателя мещанства, то и получится суть пьесы, ее основной костяк, в достаточной степени заполненный плотью, кровью и даже нервами живого организма. В речах Тетерева дается беспощадный приговор российской действительности, но в них же звучит и мощный привет строителям грядущей новой жизни.

Разберем для примера несколько сцен, где фигурирует Тетерев, и тогда будет совершенно ясно композиционное назначение этой фигуры.

1 - й акт. Сцена по уходе Перчихина. В ответ на тоскливое ожидание Петра и Татьяны кого-нибудь со стороны, Тетерев мрачно замечает: «Никто к вам не придет... Никто не придет к вам, ибо у вас нечего взять». Зритель уже несколько ознакомился с содержанием выведенной в пьесе мещанской молодежи, и слова Тетерева, очень четко подытоживающие предыдущее содержание пьесы, заставляют зрителя насторожиться. Он чувствует, что эта оценка заслуживает большого внимания. Со стороны молодежи, недовольной замечанием Тетерева, следует протест; завязывается спор, прерываемый острыми, ядовитыми репликами Тетерева по поводу высказываемых

Петром взглядов и убеждений, и для слушателя уже не остается сомнения в том, что эта, страдающая в своем тупике, молодежь является элементом ненужным в жизни, бессодержательным и бесполезным. Из отдельных реплик, брошенных Тетеревым в этом споре, остановимся только на одной. Продолжая свои жалобы, Петр говорит: «Чорт дернул меня принять участие в этих дурацких волнениях. Я пришел в университет учиться и учился. Никакого режима, мешавшего мне изучать Римское право, я не чувствовал... нет! По совести... нет, не чувствовал. Я чувствовал режим товарищества... и уступил ему. Вот два года моей жизни вычеркнуто... да. Это насилие! Насилие надо мной — не правда ли? Я думал: кончу учиться, буду юристом, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!».

Тетерев иронически подсказывает: «Родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу...».

Эта реплика превосходна. Мало того, что она вскрывает все жалкое содержание жизненных устремлений Петра, она бьет по затрепанной прописи школьной молитвы, обнажая фальшь сложившихся социальных отношений.

Эгоисты по натуре, мещане для собственного удобства требуют от других незлобия, готовности за зло платить добром. Формула, взятая напрокат из системы евангельских изречений и усердно проповедуемая мещанством, вызывает глубокое негодование

у Тетерева. Его ответным монологом, как ударами молота, гневно разбивается этот оплот мещанского благополучия. «Когда вы говорите, что зло следует оплачивать добром, — вы ошибаетесь... Я говорю вам: добром платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять в человеке чувство ростовщика... Но за зло — всегда платите сторицею зла. Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближнего за зло его вам. Если он, когда вы просили хлеба, дал камень вам, опрокиньте гору на голову его» (стр. 41 — 42).

Во втором акте Тетерев сталкивается с главным, наиболее стойким представителем мещанства — Бессеменовым, и вскрывает всю беспросветность мещанской системы жизни, заявляя открыто, прямо ему, в глаза: «Вся жизнь — твой дом, твоё строение. И оттого мне негде жить, мещанин!.. Мне благороднее пьянствовать и погибать, чем жить и работать на тебя и подобных тебе» (стр. 68). «Вы знаете, — говорит Тетерев в сцене с Петром, — почему в России много пьяниц? Потому что быть пьяницей удобно. Пьяниц у нас любят. Новатора, смелого человека — ненавидят, а пьяниц — любят. Ибо всегда удобнее любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чем что-либо крупное, хорошее» (стр. 32). Для такой страны, где новатору, смелому, порядочному человеку остается только пьянствовать, нет будущего, ибо мозг ее, ее лучшие силы намеренно атрофируются, а это да-

ром не проходит. Зритель не может упрекнуть Тетерева в его пьянстве, в его пустой трате сил, ибо никто не станет спорить с тем, что «лучше пить водку, чем кровь людей» (стр. 69). Это Тетерев оставляет на совести мещан.

Тетерев ненавидит мещанство и своей ненавистью заражает зрителя. Он шаг за шагом разбивает основы этой идеологии, обнаруживая ее пошлость, полнейшую неспособность на устройство счастливой человеческой жизни; он глумится над прописями мещанской морали, связывающей человека по рукам и ногам и мешающей ему развернуть все силы и способности здорового таланта; но он горячо приветствует попытки новых людей выйти на жизненную дорогу. Самым ярким и самым сильным моментом пьесы является та сцена, где Нил, до крайности возбужденный, поет славу жизни, а Тетерев гремит анафемой против тех, кто ее не приемлет. Привожу необходимый отрывок:

Петр. Не раз я слышал эти речи. Посмотрим, как тебе ответит жизнь на них!

Нил. Я заставлю ее ответить так, как захочу. Ты — не стращай меня. Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жмет и давит человека, я знаю это — и это мне не нравится, возмущает меня. Я этого порядка не хочу! Я знаю, что жизнь — дело серьезное, но не устроенное... что она

потребуется для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я не богатырь, а просто честный, здоровый человек, и все-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так, и этак, тому — помешать, этому — помочь... вот в чем радость жизни!

Тетерев. Вот смысл глубочайшей науки! Вот смысл философии всей! А всякой другой философии — ан-нафема! (стр. 144).

Тетерев, сам погибший, может быть, навсегда человек, приветствует здоровые порывы к новой жизни у молодежи, вроде Нила и Поли, но он уверен, что борьба будет еще очень долгой и напряженной. «Не кричи, старик, — говорит он в четвертом акте Бессеменову. — Всего, что на тебя идет, ты не разгонишь... И — не беспокойся... Твой сын воротится. Он не уйдет далеко от тебя... Он это временно наверх поднялся, его туда втащили. Но он сойдет... Умрешь ты, — он немного перестроит этот хлев, переставит мебель... и — будет жить в сознании, что долг свой перед жизнью и людьми отлично выполнил... И жаден будет в свое время и так же, как и ты, самоуверен и жесток... И так же вот несчастного сына твоего не пощадят и скажут ему правду в лицо, как я тебе говорю: чего ты ради жил? что сделал доброго? И сын твой, как ты теперь, не ответит...» (стр. 170 — 171).

Речь Тетерева в высокой степени актуальна. Она звучит смело, бодро, настойчиво и глубоко проникает в сознание слушателя. Зритель напряженно прислушивается к тому, что скажет Тетерев, этот честный его руководитель по потемкам заскоружлого мещанства. Он верит ему не только, как пострадавшему, но и как прямому, честному судье изображенной среды. Мало того, он понимает, что удары Тетерева, через голову окружающих его мещан, направлены на жуткую по своей беспросветности российскую действительность. В этом и видим мы композиционное назначение фигуры Тетерева¹.

Таким образом, мы пришли к выводу, что основным двигателем пьесы Горького является его революционная мысль, развивающаяся в условиях речевого столкновения двух главных социальных слоев: мещанско-консервативного, боящегося революции и, конечно, не приемлющего ее, и рабоче-пролетарского, жаждущего ее, готовящегося к ней.

Так как в пьесе, в сущности, нет иного движения, кроме борьбы взглядов, убеждений, — одним словом — двух социальных систем человеческой мысли, то естественно, что в ней большое значение получает структура диалога, ибо диалог-то и двигает

¹ Совершенно не можем согласиться с толкованием фигуры Тетерева, данным артистом Соболюшкиным-Самариным, который обратил почти все сцены с Тетеревым в сплошную буффонаду.

Пьесе в этой постановке видели мы в Нижегородском Горьком театре в 1927 году.

пьесу, вырисовывая сюжетную кривую сталкивающихся мотивов борьбы. Фабульное содержание пьесы незначительно; оно как-то теряется. Зато на первый план выступает диалог — яркий, красочный, моментами очень живой и стремительный. Каждое лицо вносит на сцену свое особое настроение, и бьющая через край напряженная энергия не может держаться в рамках спокойного рассуждения. Мысль скачет, цепляясь за появляющиеся перебои, и своими блестящими ярко освещает совершенно неожиданные моменты и положения. Шуткой, остротой перебиваются серьезные мысли, и получается многоголосный оркестр, не подчиняющийся, по временам, ни единому управлению, ни определенному порядку развития какой-либо единой мысли. Горький прекрасно характеризует эту особенность своего диалога сравнением, брошенным Тетеревым:

Тетерев. Я люблю слушать, когда в театре музыканты настраивают скрипки и трубы. Ухо ловит множество отдельных верных нот, порою слышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорее услышать, что именно будут играть музыканты... Кто из них солист? Какова пьеса? Вот и здесь тоже... настраиваются...

Татьяна. В театре... да. Там приходит дирижер, взмахивает палочкой, и музыканты скверно, бездушно играют какую-нибудь старую, избитую вещь. А здесь... а эти? Что они способны сыграть? Я не знаю.

Тетерев. Кажется, что-то фортиссимо (стр. 137).

Горький не ошибся. Революционный ураган 1905 года и был той пьесой, которую сыграл российский пролетариат, и пьеса Горького была мощным к нему призывом.

Выше мы говорили, что внешние социально-речевые моменты даны в пьесе в минимальной дозе. Горький и здесь шел по линии уменьшения расхода внимания зрителя на внешние детали — с тем, чтобы усилить внутреннее содержание речи-мысли борющихся групп.

Но необходимый минимум социальных и профессиональных оттенков речи персонажей проведен автором с глубоким художественным чутьем. Зритель не имеет данных сомневаться в профессиональной или социальной принадлежности того или иного действующего лица пьесы. Так, напр., речь Перчихина, наиболее близко стоящего к народным массам, пересыпана пословицами; от речей Тетерева отдает семинарией и церковной службой; Бессеменов разговаривает нередко, как мелкий лавочник. Но не на этом держится главный упор автора.

Структура пьесы и в особенности структура диалога потребовала от Горького таких языковых средств, которые, вводя зрителя в социально-речевой круг того или иного действующего лица, не задерживали бы на этом его внимания, а служили бы средством

наиболее энергичного сцепления мысли зрителя с основными мыслями самого автора.

В качестве такого средства Горьким использован афоризм. Вот несколько примеров:

1. Действие 1-е. Перчихин рассказывает о ловле снигирей.

Перчихин. Люблю птичек ловить. Что есть на свете лучше певчей птицы?

Бессеменов. А ловить ее, птицу-то, грех. Знаешь?

Перчихин. Знаю, но ежели люблю и ничего кроме делать не умею. Я так полагаю, что всякое дело любовью освящается...

Бессеменов. Всякое?

Перчихин. Всякое!

Бессеменов. А ежели кто любит чужую собственность прикарманивать?

Перчихин. Это уж будет не дело, а воровство¹.

Две хороших мысли, брошенных как-будто между прочим, даны зрителю в афоризмах Перчихина.

2. Обиженный замечанием дочери, старик Бессеменов предлагает Акулине Ивановне молчать. «Мы с тобой люди старые, глупые»... Перчихин вступает в разговор и говорит: «А это ты, брат, верно сказал. Хоть и в шутку, а верно». Начинается небольшой спор:

¹ «Мещане», стр. 19-20. Разрядка моя.

Бессеменов. Я не в шутку...

Перчихин. Погоди! Старики — действительно глупый народ...

Бессеменов. Особенно, как на тебя помотришь.

Перчихин. Я — не в счет. Я даже так полагаю: не было бы стариков — не было бы и глупости... Старый человек думает, как сырое дерево горит: больше чаду, чем огня...

Тетерев (улыбаясь). Одобряю...

(Поля молча смотрит на отца и гладит его плечо рукой) ¹.

Легкие житейские афоризмы близко стоящего к природе Перчихина, одобряемые замечанием Тетерева и жестом Поля, глубоко воспринимаются зрителем и, характеризуя старика Бессеменова, дают ответ на общий жизненный вопрос, разбивая мещанскую мораль — требование уважения к возрасту.

Даже в речах небольших персонажей, вроде Цветаевой, Поля и Шишкина, нужные автору мысли облекаются в форму афоризмов. Напр.: «Не стоит быть умным человеком для того, чтобы только рассуждать» (Цветаева, стр. 127). «Надо говорить правду, брат! Даже в пустяках надо быть правдивым» (Шишкин, стр. 40). «Не все еще люди живут! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству их жить-то и

¹ «Мещане», стр. 21-22.

некогда совсем... они только работают, куска хлеба ради... а вот, когда и они...» (Поля, стр. 130).

Но самые яркие и наиболее действенные афоризмы звучат в речах Тетерева и Нила.

Размеры статьи не позволяют мне рассмотреть композиционное размещение афоризмов этих главных фигур пьесы. Ограничиваюсь приведением образцов.

А ф о р и з м ы Н и л а :

«Начальникам худо не будет» (57).

«Когда человеку лежать на одном боку неудобно, он перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно, он только жалуется.. А ты сделай усилие — перевернись» (59).

«Ребятишки — ведь, это люди в будущем... Их надо уметь ценить, надо любить. Всякое дело надо любить, чтобы хорошо делать» (61).

«Права не дают, права берут» (140).

«Хозяин тот, кто трудится... Да, хозяин тот, кто трудится. Запомните-ка это!» (74).

«Интересная штука — жизнь» (142). «Большое это удовольствие жить на земле» (143). «Жить, — даже и не будучи влюбленным, — славное занятие!.. В одном не вижу ничего приятного, — в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь — не вся за ними. Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле.

Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!..» (144).

Афоризмы Тетерева (кроме тех, которые заключаются в приведенных выше цитатах):

«Веселый человек — всегда славный человек... Подлецы редко бывают веселыми людьми» (31).

«Только философствуя, человек не лжет, ибо, философствуя, он просто выдумывает»... (147).

«Приличие требует, чтобы люди лгали».. (141).

«Лучше замерзнуть на ходу, чем гнить, сидя на одном месте» (137).

«Жизнь идет, старик, — кто не поспевает за ней, тот остается одиноким...» (171).

Правда революционных лозунгов, разрушающих систему мещанства, систему рабства, национального самомнения; разоблачающих пошлые прописи узкой патриархально-церковной морали, покрывающей, как плесенью, свободные порывы выросших из старого платья молодых сил, — вот в чем основное содержание афоризмов пьесы Горького.

ОБ АЛЛЕГОРИЯХ М. ГОРЬКОГО

А. Н. Свободов

I

М. Горький, вспоминая знакомство с В. Короленко, свои встречи с ним в Нижнем-Новгороде в начале 90-х годов, любовно рассказывает о том, как Короленко критически и дружелюбно-наставнически относился к его первым литературным шагам. Важно отметить, что Короленко не одобрял романтического стиля Горького, считая, что родной стихией его является реализм, а не умерший романтизм, а в связи с этим он холодно относился к таким рассказам, как «О чиже и дятле», или «Песня старого дуба» и т. д.

— А мы только что читали ваш рассказ «О чиже» — ну, вот, вы и начали печататься, поздравляю! — говорил Короленко. Оказывается, вы — упрямый, все аллегории пишете. Что же, — и аллегория хороша, если остроумна, и упрямство — не дурное качество (т. XVI, стр. 217) ¹.

¹ Все цитаты сделаны по изданию «Книги» 1923 г.

Еще определеннее сказывается отношение Короленко в оценке «Старухи Изергиль»:

— «Старуха» написана лучше, серьезнее, но все-таки снова—аллегория. Не доведут они вас до добра. Вы в тюрьме сидели? Ну, и еще сядете... (т. XVI, стр. 221).

Для нас интересно, что Короленко верно подметил революционное значение такого рассказа, как «Старуха Изергиль».

Предсказания В. Короленко о тюрьме сбылись: Горького затем не раз арестовывали и сажали в тюрьму; его аллегории особенно подвергались цензурным мытарствам, а жур. «Жизнь» за помещение «Песни Буревестника» подвергся каре. Верным осталось и то, что Горький настойчив и упрям: трудно ему было расстаться с аллегорическими рассказами. За первое десятилетие литературной деятельности, периода, так сказать, романтического, мы находим у Горького целый ряд аллегорий: «Песня старого дуба», «О чиже и дятле» (1892 г.), «Песня о Соколе» (1894 г.), легенда «О горящем сердце Данко»—«Старуха Изергиль» (1894 г.), «Фарфоровая свинья» (1898 г.), «Пред лицом Жизни» (1900 г.), «Весна» или «Разговор птиц» (1901 г.) и «Песня Буревестника» (1901 г.), не говоря о таких полуаллегорических фельетонах, как «Песня покойников» (1900 г.), «Как меня отбрили» (1896 г.), «Часы» (1896 г.) и др.

Видимо, Горький настолько сжился с аллегорической формой, настолько приучил читателя всюду видеть иносказательный смысл, что для удивительно жуткого рассказа «Вывод» (1896 г.), где нарисована картина истязания женщины, присоединяет следующее пояснение: «Это я написал не аллегорическое изображение гонения и истязания правды — нет, к сожалению, это не аллегория. Это называется вывод. Так наказывают мужья жен за измену» (том I, стр. 301).

В нашу задачу входит рассмотрение аллегорий только первого периода творчества писателя (1892—1902 г.). Это даст возможность проследить за ходом развития его общественно-политических взглядов, увидеть рост его художественного мастерства, вскрыть связь его с общественным движением 90-х и 900-х годов, благодаря чему обрисуетя ясней социологический эквивалент этих аллегорий.

II

Горький, подобно Тургеневу, Короленко и другим писателям, часто выступал, да и теперь выступает, не только, как художник, но и как критик и публицист. Взять хотя бы его «Статьи» (1905—1916 г.г), или еще лучше его ранние статьи в газетах за 1895—1902 г.г. Здесь имеется интересный материал, помогающий лучше проникнуть в лабораторию художественного творчества писателя. Рассказы из босяцкой

жизни сопровождаются статьями и заметками о босяках и «Для золотой роты»¹. Жизнь «Мещан» находит отзвуки в заметках «О мещанстве»², «О беспокойной книге»³; «Дети Солнца», «Дачники» — эти представители русской интеллигенции — находят в Горьком безжалостного критика в статьях «Разрушение личности»⁴ или «О размагниченном интеллигенте»⁵. Таких параллелей можно привести много.

Не мог Горький не коснуться вопроса и об аллегориях, тем паче, что как раз в 1899 г. вышла книжка Оливьи Шрейнер «Грезы и сновидения». Разбору их он посвятил целый фельетон⁶, а в связи с этим высказал и ряд соображений по этому поводу. Из этого фельетона видно, что Горький большой поклонник аллегорий Оливьи Шрейнер, и в доказательство художественной и идейной ценности их он приводит несколько аллегорий. Чем же мотивирует Горький такое отношение к аллегориям? Для него ясно одно, что «аллегория нужна», раз имеется за последнее время целый ряд таких произведений — у Немоевского, фон-Эшенбаха, Стринберга, Короленко, Мамина-Сибиряка и др., а потому он не согласен с теми

¹ «Ниж. Листок» 1901 г. № 305.

² «Статьи 1905-16 г.» изд. «Парус».

³ «Нижегор. Листок» 1900 г. № 357.

⁴ «Статьи 1905-16 г.» изд. «Парус».

⁵ «Ниж. Листок» 1901 г. № 86.

⁶ «Ниж. Листок» 1899 г. № 398.

историками литературы, которые давно похоронили аллегорию, как ненужную художественную форму. Правда, аллегория — «трудная литературная форма, всегда стремящаяся изложить заранее предвзятую мысль, нравоучение в художественном образе». И если она трудна, «как форма, как работа», то аллегория очень удобна, «как одежда идеи, как вместилище ее». Горькому дорого то, что аллегория вмещает огромное идейное содержание. «А в рамки аллегории можно уложить, говорит Горький, такую грандиозную тему, обрисовав ее, разумеется, легкими чертами, без психологии явлений, без того проникновения в душу, в суть их, которое и представляет собой, собственно, художественное творчество, являясь счастливым уделом единиц-гениев». Развивая свою мысль, Горький добавляет, что «под аллегорией можно ловко скрыть сатиру, колкость, смелую речь, в нее можно вложить огромное идейное содержание».

Раз таковы особенности аллегории, как формы, то чем же все же объяснить популярность ее в конце 19 века? Такой вопрос ставит Горький и приходит к ответу, по моему, недостаточно мотивированному. Он объясняет тем, что «в форме аллегории можно удобнее и проще сказать то, что хочешь». С этой стороны правильно, что аллегория удобна для выражения идей, нравоучений, как сильное агитационное средство. Но одним таким утверждением всего

Вид ^{на} Канавино, Ярмарку и Пески (1870—1880 г. г.).

Фото Карелина.

не объяснишь. Тут приходится напомнить другие соображения, высказанные Горьким еще в фельетоне 1896 г. «Ответ Карелину» («Ниж. Листок» № 215). Возражая Карелину по поводу оценки картин Врубеля, Горький останавливается на выдвинутом Карелиным вопросе — о свободе искусства. И здесь ему кажутся доводы Карелина мало убедительными. Он убежден, что искусство социологически обусловлено. «Символ, вернее — аллегория, а не символ, — возражает Горький, — проник в христианское искусство под влиянием гонений язычников и совсем не может знаменовать собою свободу искусства, а как раз невозможность искусства воспроизводить в надлежащих формах те явления и тех лиц, воспроизводить которых оно желало и стремилось».

Вот эти-то социально-политические условия были одними из важных причин господства аллегории не только в середине века, но они же обуславливают появление аллегорий и в новое время. В эпохи переходного характера, когда новый класс выступает на борьбу со старым, отживающим, он, естественно, выступает с проповедью своих идей, как бы своего рода агитацией, — аллегория является удобной и сильной формой для популяризации этих идей посредством художественного слова. С другой стороны, и класс уходящий, умирающий, в этой борьбе ищет успокоения, и свои философско-мистические идеи также выражает в аллегориях.

Если взять другую эпоху — появление романтизма в конце 18 и в начале 19 века, то мы увидим здесь свой характерный стиль, при господстве сказочно-легендарного жанра и аллегории. Яркий представитель немецкого романтизма Новалис недаром так высоко ставил форму сказки, как высшую форму поэзии, и недаром в своих произведениях так часто прибегал к аллегориям. И сказка «Розовый цветок», и роман «Гейнрих Офтердинген» насыщены аллегориями. Недаром также картина Делакруа «Борьба за существование» носит аллегорическое название «Ладья Данте».

Появление аллегории у романтиков тем знаменательнее, что ей был нанесен сокрушительный удар Лессингом в его трактате «Лаокоон или о границах живописи и поэзии» (1766 г.). Лессинг, как знаем, еще мирился с аллегорией в живописи, в скульптуре, но не допускал ее в поэзии: «Но зачем же поэт будет без нужды употреблять то, к чему художника принуждает необходимость?». И, несмотря на это, когда романтикам, этим выразителям идеологии интеллигенции эпохи промышленного капитализма, пришлось столкнуться с доживавшими еще, старыми традициями и воззрениями феодального строя, — они воспользовались и похороненной Лессингом аллегорией. Правда, для борьбы — натиска по общественным вопросам — воспользовались романтики байронического типа, другая же группа романтиков, так на-

зываемая иенская школа, с Новалисом во главе, прибегала к сказкам и аллегориям, как лучшей форме борьбы с реальной действительностью в их стремлениях за пределы конечного к бесконечному.

Такую же картину наблюдаем и к концу XIX столетия, на рубеже XX. Появление в 90-х годах неоромантизма, символизма также многозначительно. Выступление на историческую сцену рабочего движения обозначало борьбу, победу, торжество для одних, и гибель, раздвоенность, разочарование для других. Но для тех и других аллегория явилась удобной формой выражения своих мыслей и чувств. Одним нужно было звать на приступ, на борьбу, другим надо было укрыться от начинающейся бури. На одной стороне — социальный революционный неоромантизм М. Горького, а на другой стороне — философско-мистические идеи: Бальмонта, раннего Брюсова, Андрея Белого. Здесь и Л. Андреев — со своей «Стеной», «Жизнью человека»; здесь и Блок с «Розой и крестом».

Конечно, нельзя смешивать аллeгорию с символом (это различные литературные понятия), но все же они очень близки друг к другу, часто переходят один в другой, а потому символические и аллегорические образы должны рассматриваться, как явления одного порядка. Бургарт, излагая принципы Эльстера («Новые горизонты в области исследования поэтического стиля»), делает попытку указать на различие между

символами и аллегориями. Но оказывается, что «условные символы, уже затемненные и мало понятные, несколько приближаются к аллегории в этом ее значении» (39 стр.). То же самое приходится ему говорить и об индивидуальных символах. Разница только количественная. «Несколько ближе соприкасаются аллегория и символ индивидуальный, — говорит Бургарт, — но все же разница между ними ясна. В то время, как аллегория дает нам только бледный образ, символ дает образ жизненный и яркий». Выходит, что вся разница только в «жизненности и яркости». А это во многом зависит от талантливости автора. Спрашивается, чем тогда аллегорический образ «Песни Буревестника» Горького отличается от символического бальмонтского образа «Подводные растения», так как по яркости и жизненности он несколько не уступает последнему? Аргумент, как видим, для различия совсем неубедительный. И различие между аллегорией и символом заключается совсем в другом. В то время, как символ обладает многозначностью, в аллегории дается почти всегда связь художественного образа с тем или иным явлением и вопросом.

Таким образом, живучесть аллегории, действительно, как М. Горький заметил, вызывается тем, что она «удобнее для высказывания мыслей», но вот это самое высказывание обуславливается социально-политическими явлениями.

На аллегориях М. Горького видно будет, как они созвучны эпохе начинавшегося революционного рабочего движения, как они являлись необходимыми, как художественно-организующее звено, в борьбе с самодержавно-капиталистическим строем. С другой стороны, важно отметить близкую родственность, созвучность Горького не только рабочему движению, как «боевого борца за социализм», но и родственность избранному им дидактическому жанру — аллегориям.

М. Горький по сути своего характера — учитель, наставник в лучшем смысле этого слова. Он принадлежит к той группе писателей, которые смотрели на литературу, как на кафедру, с которой раздается учительное слово. Вслед за Гоголем, Толстым, Короленко — Горький всюду повторяет мысль о высокой миссии русской литературы — ее учительстве. Прекрасную оценку нашей классической литературы дал Горький в статье «Разрушение личности»¹. Здесь очень высоко ставил он прежнего русского писателя-общественника. «Это был честный боец, великому-человек правды-ради, богатырь в труде и дитя в отношении к людям, с душою прозрачной, как слеза, и яркой, как звезда бледных небес России» (48 стр.).

Горький настойчиво звал своих современников продолжать эти лучшие традиции русской литературы. Учительство старых писателей хорошо им фор-

¹ Статьи 1905-16 г. изд. «Парус».

мулировано в следующих словах: «Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы. Помогай ему подняться с колен, иди к нему, иди с ним! Уважай подругу твою, прекрасную русскую женщину, учись любить в ней человека, товарища твоего в трудной работе строительства русской земли» (48 стр.). Вот этим-то традициям остался верен Горький в течение всей 35-летней литературной деятельности. Их он постарался ярко воплотить в своем творчестве; он действительно откликнулся на тот горячий призыв, который раздался из уст маленького человека («Читатель» — 1898 г.): «Ненавидь меня, бей, но извлекай из тины моего равнодушия к жизни. Я хочу быть лучшим, чем есть; как это сделать? Учи...».

И Горький, по мере своих сил, старался—учить, наставлять, будить и призывать к устройству лучшей жизни. В рассматриваемых аллегориях это всего ярче выражено.

III

Теперь посмотрим, в чем же заключается идейное содержание данных аллегорий и каково их внешнее оформление. В недошедшей до нас поэме «Песнь старого дуба» (т. XVI, стр. 151), с которой Горький вернулся в Н.-Новгород после длинного путешествия по югу России (1893 г.), имелось, по его шутливому признанию, огромное содержание: «Я был убежден,

что громадное человечество, прочитав мою поэму, благотворно изумится пред новизною всего, что я поведал ему, правда повести сотрясет сердца всех, живущих на земле, и тотчас же взиграет честная, чистая, веселая жизнь». К сожалению, читатель тогда так и не узнал этого нового средства оживления жизни. Должно быть, форма их была далеко не безупречна. Зато на ряде других опубликованных аллегорий читатель имел возможность знакомиться с новыми мыслями, которые, будучи выражены в художественных образах, волновали сердца чутких читателей.

Вслед за «Песней дуба» была напечатана аллегория «О чиже, который лгал, и дятле, любителе истины». Перед нами трагический случай из жизни чижа, который имел благородную мысль — помочь пернатому царству переменить обстановку их жизни и, вместо «серой, хмурой погоды», зажить среди солнца и яркого света. «За мной, кто смел!» — раздался его призыв. И птицы уже готовы были лететь, хотя и не знали пути передвижения, но вот явился его противник — мудрый дятел и легко разбил неосновательные мечтания чижа, доказав, что в первой же деревне, если они полетят, их всех переловит «Гришка-птицелов». Птицы послушались совета дятла, отказались лететь. А бедному чижу не оставалось ничего делать, как только «заплакать». Так благородный порыв, хорошие намерения и цель не могли

осуществиться из-за того, что слабенький чижи́к взялся не за свое дело, не зная пути, не будучи для этого достаточно подготовлен.

Небольшой эпизод развит динамически: сперва даны успехи чижа по части агитации, затем столкновение чижа с дятлом и победа последнего. Для развития действия удачно выбраны лица — чиж и дятел, как контрасты. Чиж — это «мизерная, вз'ерошенная, серенькая с восковым носиком птичка», и мудрый, степенный дятел — любитель истины, «питающийся червяками». Данные эпитеты хорошо обрисовывают действующих лиц. Идеологическое содержание раскрыто формой диалога, при чем чиж выступает с длинными разглагольствованиями, а дятел, как любитель факта, выражается кратко и выразительно. Стил ь их речей схвачен удачно, в соответствии с их характерами и той ролью, которую они играют. Природа служит фоном, активной роли не играет; она только метонимически связана с действием. Сперва «серая и хмурая погода»; затем — весеннее оживление рощи как бы вторит смелым призывам чижа. А в конце, когда заплакал чиж,—и «день был такой грустный». Так первый ряд аллегорий выполнен живо и просто.

Ясен, без особых напряжений, и второй ряд — индифферентный. Мысль — проста. Среди тогдашнего общества не было еще настоящих вождей, которые бы повели народные массы к новой жизни, а те, кто

брался, уподоблялись чижикам, были слабы и мало сведущи. Чтобы понятней был переносный смысл, автор беретса сам за истолкование, старается подсказать свое решение. Подсказывающим моментом здесь является, как и в баснях, обнаженная мысль автора, которая особенно «выпирает» в самом заглавии, а затем в концовке, которая ведется от лица рассказчика. Смысл иносказания ясен и без подобных подсказываний. Из немногих эпитетов, сравнений видно, на чьей стороне симпатии автора, но из них же видно, что «благородный» чиж не годится в вожди народа. Достаточно того, что выступления чижа заканчиваются такими едкими словами: «Бедный маленький чиж нахохлился». Сатирический элемент на-лицо, и читатель в подсказывании не нуждается.

Итак, чтоб бросить упрек, высмеять слабость лиц, претендующих на право руководства, заострить вопрос — как нельзя лучше подходит небольшая форма аллегории, точно так же, как в конце 70-х и 80-х годов сатирические сказки Салтыкова-Щедрина были могучим орудием борьбы против «премудрых пискарей» или «карасей-идеалистов».

Мысль данной аллегории являлась актуальной для того времени. Россия стала оправляться после реакции 80-х годов; в обществе торжествовали «серые и хмурые» люди, которых так хорошо выводил А. П. Чехов. Экономически страна только что перенесла страшное потрясение — голодовку (1891 г.),

как результат отсталости бюрократически - помещичьей формы правления. Наконец, крепнущее рабочее движение показывало, что прежние руководители-народники не могут стать вождями: для этого у них нет ясной программы, нет должной силы воли. А Горький, будучи в 1892 году в Тифлисе, служа в железнодорожных мастерских Закавказских железных дорог, уже вел пропаганду в социал-демократическом духе, за что и был по делу Афанасьева арестован в 1898 г., а потому мог уже тогда разбираться в руководителях движения. Но, будучи начинающим, как только что еще начиналось и само рабочее движение, — он не видел еще смелых буреветников или храбрых соколов, а потому, сатирически изобразив обстановку, указал читателю на необходимость искать выхода из тяжелого положения. Интересно, что Горький в своих воспоминаниях о короленковском времени сравнивает себя с чижом, а интеллигентов с воронами: В. Короленко «стоял в стороне от группы интеллигентов-радикалов, среди которых я чувствовал, как чиж в семье мудрых воронов», — говорит М. Горький.

Так общественные вопросы и личные переживания тесно переплелись и нашли выражение в достаточно смелой, но не вполне совершенной по форме аллегории «О чиже и дятле».

К 1894 г. относятся две аллегории: «Песня о соколе» и «Горящее сердце Данко» («Старуха Изергиль»). Социальное значение их более важно, чем первой, и по своему оформлению они являются более совершенными, чем первая.

Первоначальный аллегорический ряд «Песни о соколе» сводится к следующему. Смелый Сокол, с разбитой грудью, после ожесточенной схватки с врагом, упал на вершину ущелья, где на солнце грелся Уж. Умиравший думает только об одном: как бы еще раз подняться в небо и схватиться с врагом. Он счастлив и упоен поэзией битвы. По совету Ужа, он сбрасывается вниз и гибнет, но тут же «волна потока его схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море». Размечтался, захотел испытать и проверить прелесть полета и Уж. Он также бросился вниз, но «не убился, а рассмеялся». И тут же, самодовольный, что знает правду, раздражается иронической речью по адресу безумца Сокола. Картина вставлена в рамку песни, «старой песни», с «своеобразной мелодией» и с революционным содержанием.

Опять сюжет развернут посредством двух персонажей, диаметрально противоположных друг другу: смелого Сокола и осторожного Ужа. Но между ними нет борьбы, а показана разница в их мирозерцании и тактике. Читатель видит, что Сокол своим примером заражает даже земноводного Ужа, и тот, несмотря на свою осторожность и мудрость, решается

лететь. Но «рожденный ползать—летать не может»,—этим афоризмом Горький помогает сразу уяснить существо Ужа, довольного сыростью и теплом. Сокол же дан в виде бесстрашного борца, знающего, что надо бороться и бороться на смерть. Интересно, что в первой рассмотренной нами аллегории Чиж упоминает про Соколов, но там эти борцы оказываются с опущенными крыльями: «Но Соколы—слабы и хилы, забились робко в ущелье и злятся без чести и звуков под звуки чужого веселья». Здесь же Сокол другого рода. Возгорелась уже соколиная гордость и смелость, не сидится в ущельи и бесстрашно летит он на битву.

В параллель Соколу и Ужу тонко проводится другая пара: с одной стороны—ручей, море, а с другой—камни, утес. Седой, смелый поток «стремится через камни к морю». «Весь в белой пене, седой и сильный, он резал горы и падал в море, сердито воя». Этот поток—тоже борец, но не одинокий, а связанный с морем. Он-то и подхватил умершего Сокола и умчал его в море. Вот этот-то второй параллельный ряд первоначальной картины очень важен в композиционном отношении: он своей картинностью и эмоциональностью помогает автору избежать нарочитого подчеркивания нравоучительности, обнажения мысли. Самая мысль, благодаря этому, получает эмоциональную окраску. Один штрих—«что волны моря с печальным ревом о камень бились» уже красо-

чен, а величественные эпитеты — «львиного рева» и «грозной песни» — вместе с метафорами — «дрожало небо, дрожали скалы» — говорят о грандиозности развертывающейся борьбы, борьбы двух миров, двух враждебных станов. Здесь нет места усталости, отчаянию. Аллегория заканчивается естественно вытекающей концовкой: бьющиеся волны поют гимн смелой птице, а сравнение «капель крови» Сокола с «искрой» огня говорит образно о революционном значении такого подвига: «Но будет время — и капли крови твоей горячее, как искры, вспыхнут во мраке жизни, и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света» (т. I, стр. 186).

В этой тонко сделанной работе одно вызывает недоумение: зачем автору понадобилось поставить Сокола в зависимость от Ужа? Как известно, от Ужа исходит совет Соколу броситься с вершины ущелья. Этим самым ослабляется значение роли Сокола. Как будто он сам не мог найти выхода из своего положения, а нужны были подсказки Ужа... Можно было бы дать другую мотивировку. Если бы имелось в виду отметить ограниченность интеллектуальной стороны Сокола, тогда трудно согласиться с концовкой, которая говорит об искре, зажигающей смелые сердца...

Иносказательный смысл аллегии ясен. Либеральному обывателю, вернее — мещанину, противопоставлен смелый борец-революционер. Правда, он гибнет,

как гибли революционеры-террористы¹ в схватке с самодержавно-капиталистическим строем, но этот борец не один. В народной массе, стонущей в каменных тисках жизни, гнилого ущелья, уже виден коллективный протест: недаром волны одна за другой бьются о скалы и смело идут на приступ.

Таково идейное революционное содержание этой аллегории. Так она и воспринималась тогдашним революционно-настроенным читателем и своей художественностью захватывала его, что и делало аллгорию боевой революционной песней. Верную оценку этой аллегории дает сормовский рабочий, видный участник революционного движения в Сормове — Петр Андреевич Заломов, прототип Павла Власова из «Матери». В публикуемом в настоящем сборнике письме он пишет: «Недаром Горький изображает мечтанство в «Песне о Соколе» в виде Ужа, которому нужно лишь одно, чтоб было тепло и сыро, который смеется над полетами в небо, который не понимает пламенного боевого энтузиазма Сокола-пролетария — единственного, до конца революционного класса».

*

Другая аллегория, «О горящем сердце Данко», подходит к той же социальной проблеме, касается также

¹ Так, в 1887 г. были казнены 5 членов «Террористической фракции Народной Воли» с Александром Ульяновым во главе. По свидетельству Лукашевича, данная фракция была переходной от «Народной Воли» к социал-демократии.

гибели вождя, героя, но дается в другом разрезе. В «Песне о Соколе» не видно было самой борьбы, в ней мы видели уже умирающего Сокола. В «легенде о Данко» дана смерть, гибель героя, но уже после того, как он сумел вывести людей к солнцу и свету. Здесь герой гибнет по другой причине, и борьба здесь другого характера.

Прямой аллегорический ряд вставлен в следующую рамку. Среди смрада болот, среди тьмы и лесов живут, а вернее — прозябают, когда-то смелые, сильные люди. Среди них родился уже страх, робость, рабские чувства. И вот является смелый, красивый Данко и убеждает их сдвинуться с места и выбраться из леса. Его послушались, видя в нем силу и огонь. Это был уже не слабенький чижик. Во время странствований, при возрастающих невзгодах и трудности пути, стало среди народа усиливаться недовольство, ропот и возмущение. Автор в толпе народа подмечает непривлекательные стороны. Сравнения толпы «со стадом овец», или они — «как звери», или «насторожились, как волки» — красноречиво говорят о настроении как самого героя, так и автора. Негодование против людей у Данко сильно возрастало, но он все же постарался погасить недобрые чувства к людям. И в последний момент, когда усилилась буря, а вместе с этим возросла и ожесточенность народа, готового растерзать смельчака, — Данко вырывает из своей груди сердце, и оно сразу

засияло и радугой красок осветило дорогу. Здесь автор употребляет сравнения другого порядка; они усиливают положительную роль данного поступка: «оно (сердце) пылало, как солнце», или это — «факел великой любви к людям». Горящее сердце, проникнутое жалостью к людям и горячей любовью, превозмогло все, и, наконец, люди вышли из леса на чистый воздух, ширь и простор. Роль смелого Данко закончилась. Сердце истратило весь свой огонь, истекло уже кровью. Радостные люди даже не заметили его умирания, а какой-то «осторожный человек, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой».

Здесь опять сюжет разворачивается путем контраста и столкновения, борьбы. Смелому Данко противопоставляется, с одной стороны, природа, с ее препятствиями, а с другой стороны — противопоставляется и толпа, порой детски беспомощная, а порой — по-зверски жестокая. Задача Данко и заключалась в преодолении природных препятствий, а также и темного, зверского в ведомых им людях. Данко удалось и то и другое преодолеть: своим горящим сердцем он осветил дорогу и вывел массы к свету.

Картина столкновения и усиливающегося ожесточения между толпой и Данко дана сжато и красочно. Здесь много метафор, живо рисующих картину. Лес представлен живым существом, враждебным людям. Метафоры и сравнения помогают олицетворению ле-

са: «деревья заступили дорогу могучей стеной», или «как змеи, протянулись всюду корни»; «болото разевало свою жадную гнилую пасть».

Переносный смысл аллегории выступает сам собой. Людям нужна жертвенная любовь, чтобы преодолеть все темное, зверское, как в них самих, так и в враждебных человеку явлениях природы. И мы видим, что горящее сердце Данко, как и искры, капли крови Сокола, оказываются родственными. Они — явления одного социального порядка. В борьбе за общее дело, дело улучшения жизни народа требуются жертвы, и Горький воспел революционное значение этих подвигов, которые для широких масс являются солнцем, факелами, крепким цементом, помогающим народу выбраться из гнилых болот жизни. И то, что Горький потом рассказал в «Матери» или Серафимович в «Железном потоке», — это только детальное углубление того, что сжато, ярко дано в легенде о Данко.

*

Аллегория «Фарфоровая свинья»¹ дана, как и аллегория «О чиже», в сатирическом освещении. Взятые беседующие под новый год различные фигурки в кабинете зажиточного буржуа. Тут и старинные часы, и чортик из папье-маше, тут и бюст Гейне, и бронзовый Меркурий, и, наконец, Фарфоровая Свинья. Главным действующим лицом является

¹ «Нижегородский Листок» 1898 г. № 354.

Фарфоровая Свинья. Она много разговаривает (нужно заметить, что представители пошлости, умеренности в аллегориях Горького больше говорят, чем представители революционной борьбы). Фарфоровая Свинья развивает свой проект жизни. Во-первых, нужно хорошее питание, а затем необходимо иметь при себе, а не в себе самые здоровые и простые ходовые мысли, как-то: «дважды два четыре», «голодный должен есть» и «бить блох жестоко». Для свиньи непонятны ожидания людей чего-то нового в наступающем году, для нее и книги «вроде квашеной капусты». Выразителем противоположных взглядов на жизнь является бюстик Гейне и, главным образом, — часы. Так как вопрос касается деяний людских, то часы объясняют и причину отставания часов. Оказывается, часам тяжело идти вровень с течением времени. Часы с уверенностью констатируют, что «необходимые деяния уже созрели, но не совершены, ибо нет рук для работы дружной и святой, для работы над расширением жизни».

*

Разговор прекращается появлением хозяина квартиры, только что сыто пообедавшего, недовольного пессимистами и удовлетворенного достижениями науки, удобными для его благополучия. Подобная концовка здесь очень удачна. Она живо иллюстрирует взгляды «Иоркширской фарфоровой свиньи» и

зло насмехается над мирным благополучием мещански-сытых и довольных людей. Здесь второй ряд иносказания тесно связан с первым, не требует никакого напряжения, разгадки, расшифровки. Это достигается тем, что фигуры говорят и судят о жизни людей, а хозяин квартиры дает лишний штрих к происходившему спору. Мысль Горького направлена против ограниченного, тупого, пошленького отношения к жизни, и в то же время видна скорбь о том, что мало, недостаточно для созревшего дела рук. Он бьет по мещанству и своей удачно сделанной формой — небольшой, но сильной — бьет прямо в цель. Ведь, для Горького мещанство — самый злейший враг. Эти мысли он развивает и в своей пьесе «Мещане» (1901 г.), и в своих статьях 1908 г.

Интересно также отметить, что и роль часов у Горького еще раньше была использована в полуаллегорическом фельетоне под прямым заглавием «Часы» (1896 г., «Ниж. Лист.», № 323, перепечатан в «Нижегор. Сборнике», изд. «Знание» 1904 г.). Фельетон проникнут боевым содержанием. Там ясно сказано, — что есть только две формулы жизни: гниение и горение. «Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую: каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное». И заканчивает лозунгом, уже знакомым нам по «Песне Сокола» и «Горящему сердцу Данко»: «Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя!»...

Аллегория «Пред лицом Жизни» дана совершенно в другом разрезе. Она напечатана в 1900 г. (№ 354 «Нижегор. Лист.»), уже после появления книги Оливьи Шрейнер «Грезы и сновидения». Это обстоятельство не могло не повлиять на форму построения данной аллегии. И по своему идейному содержанию, и по форме она очень значительна.

Пред «Лицом Жизни» выступают два недовольных жизнью человека. Один — усталый, унылый, несчастный человек — просит у Жизни примирить «мое хочу» с твоим — «я должен». Он хочет свободы и власти. Другой — тоже недовольный жизнью человек «с грубым, но добрым лицом». Он не просит от Жизни, а требует. Жизнь с «бесстрастным взглядом» и «бесцветными глазами» отвечает первому, что она даров даром не дает, что ее (Жизнь) сперва надо победить, а потом и получать, а на властные требования второго отвечает кратко: «Возьми».

Аллегория дана в форме революционного плаката и построена на живом диалоге между персонализированной Жизнью и двумя недовольными. Как раз оба героя — прямая противоположность друг другу. Пользуясь сравнениями — «как привычный нищий» или «улегся, как собака», или метафорами — «тюрьма благополучия», «ярмо ее законов», — автор дает яркую оценку действия первого, а в репликах

второго — «говорите проще», «говорите строже, не жалуйтесь», и в эпитетах «грубое, но доброе лицо» — пред нами схематично обрисован сильный и властный человек, настоящий хозяин жизни, представитель нового класса, на стороне которого все симпатии автора. Многословная, интеллигентская речь первого и сжатая лаконическая речь второго резко подчеркивают характеристику этих двух противоположных типов. Сюжет развернут динамически, что придает всей аллегории устремительность, активность. Подчинив себе первого, жизнь сама подчинилась властной руке второго. Контраст сильный и многозначительный.

Иносказательный смысл здесь совершенно не нуждается ни в каких подсказываниях автора, да их и нет. В этом огромное преимущество данной аллегории. Формулировка «гниение или горение» — здесь налицо. Все люди должны не просить, а требовать и властно добиваться лучшей жизни. «Лицо жизни» — своим «возьми» ясно говорит другое: «гори!»... На этой антитезе у Горького строятся и большие его произведения. Взять, хотя бы, Татьяну и Петра из «Мещан» — с одной стороны, а Нила с Полей — с другой стороны, или же другую пару — Ежова, Фому Гордеева и Маякина из «Фомы Гордеева», или новые пары — Рюмины («Дачники»), Четверноговы («Дети Солнца») — с одной и Мария Львовна («Дачники») — с другой стороны. Это — особая тема, требующая специального разбора...

Две последние аллегории — «Весна» и «Песня Буревестника» — тесно связаны друг с другом, как в идейном, так и композиционном отношении: «Песня» как бы является окончанием «Весны», но даны они в двух различных плоскостях.

«Весна» дана в виде жанровой картинки. Здесь действующими лицами являются знакомые уже нам птицы — вороны, воробьи, голуби, чижи. Фоном является опять приход весны, оживление природы. Отсюда естественное расслоение пернатого царства на два лагеря: радующихся приходу весны и недовольных. Особенно возмущает степенных птиц (ворона, снигиря) заносчивое поведение синиц и жаворонка. Последний занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов. Природа и здесь актуальна. Концовка гласит «ручьи текут, журчат, поют песню о реке, что их затем примут волны моря и с собой унесут для новой деятельной жизни».

«Разговор птиц» представлен в живой драматической сценке, диалоги которой очень сжаты и выразительны. В речах каркающих и нежных, «как бляение овцы», почтенных воронов — живо схвачена бюрократия царской России; в репликах легкомысленных воробьев — ясно чувствуются робкие, осторожные либералы: «тихо сказал: да здравствует свобода,

а тотчас же громко добавил: в пределах законности»; в дерзком поведении синиц, у которых «нет уважения к чину, званию, общественному положению собеседника» — безусловно выведено революционно-настроенное студенчество, как-раз в 1901 г. высланное из столицы «за беспорядки»; в «бормотаньи» жаворонка слышатся отголоски революционных песен поэта; в чижах и чижике, поющем где-то слышанную им «песню о Буревестнике», даны представители тогдашнего радикального общества.

Этот второй иносказательный ряд дается без всяких подсказываний со стороны автора. То удачные эпитеты, как ворона «благонамеренно покачала головой», то сравнение нежных звуков с «блеянием овцы» — живо очерчивают образ, а концовка о бегущих ручьях, стремящихся слиться с волнами моря, дополняет общую картину весны и является в то же время и выражением основной мысли автора. Мысль здесь та, что все революционно-настроенные силы должны слиться и итти приступом на самодержавно-капиталистический строй. Дела, на что не раз указывал Горький, созрели, а нужных рук еще мало. А борьба предстоит огромная.

Выражением смертельной схватки двух враждебных станов и является «Песня Буревестника». Здесь Горький нарисовал самую картину схватки, будущей

революции, с нарастанием моментов революционной борьбы. И картина получилась сильная, заражавшая современного читателя.

К данной роли уже не годился смелый Сокол, здесь нужна была другая мощная птица, как Буревестник, и не одиночка-борец, а выразитель революционной массы. Картина уже дана в другой плоскости — в виде песни с революционным содержанием. Для этого более всего подходят резкий контраст, смена настроений и нарастание революционных чувств. И здесь мы видим: с одной стороны — море, волны и гордо реющий «между тучами и морем» Буревестник, «черной молнии подобный», а с другой — утесы, скалы, тучи, гром и ветер. Сюжет дан в виде нарастания этой борьбы, с уверенностью в победе. Сперва только еще собираются тучи и воет ветер. Робкие птицы все испугались, попрятались: чайки, гагары стонут, глупые пингвины попрятались в ущелье. И тем величественнее вырисовывается бесстрашность Буревестника: «то волны крылом касаясь, то стрелой взмывая к тучам». Но буря усиливается, «гром грохочет, волны стонут, с ветром споря». Гордый же Буревестник борется смелее, чем раньше. «Как стрела, пронзает тучи, пену волн крылом срывает». Эта борьба вызывает в нем одно — смех и слезы: «он над тучами смеется, он от радости рыдает». Близится девятый вал борьбы, стаи туч уже пылают «синим пламенем», но море их не боится, — «оно их ловит и

в своей пучине гасит». Пророк победы — Буревестник — теперь кричит одно властное, твердое, победное: «Пусть сильнее грянет буря!».

Переносный смысл, а именно — близость русской революции и уверенность восставшего народа в победе, — очевиден сам собой, и автор не прибегает ни к каким пояснениям. Своей концовкой, подготовив читателя изображением ряда нарастающих картин, он четко выражает свою мысль: «То кричит пророк победы: «Пусть сильнее грянет буря!».

Для героической революционной фабулы нужен и подходящий стиль. И здесь на-лицо соответствующие изобразительные средства. Встречающиеся здесь эпитеты, сравнения, метафоры взяты из величественно-героического лексикона, чем усиливаются и поддерживаются эмоциональные чувства и настроение. Такие сравнения — «как стрела», «как демон», «как огненные змеи», «как синее пламя»; или такие метафоры — как, например, «над ревушим гневно морем», «стонут волны» и «поют и пляшут волны»; или такие эпитеты — как «гордый черный демон бури», «изумрудные громады», «над седой равниной моря» — все это немного риторично, но все это обуславливается той задачей, какую автор поставил себе в данной аллегории. И эту задачу, как видим, автор выполнил с большим мастерством, и «Песня Буревестника» сыграла важную революционизирующую роль.

За М. Горьким остается неотъемлемое его право — называться «Буревестником» первой русской революции. События 1905 года—лучшее свидетельство его пророчества. Данная аллегория была написана в 1901 г. весной, как-раз когда начало усиливаться рабочее и революционное движение. Сормовские рабочие от простой маевки на Моховых горах (1892 г.) переходят к политической демонстрации 1 мая 1902 года. Студенческие беспорядки 1901 г. и сдача студентов в солдаты говорили, что температура в воздухе повышается. Сам Горький со Скитальцем и несколькими Нижегородскими студентами арестуется 16 апреля 1901 г. за подготовку воззваний к сормовским рабочим и сидит в тюрьме целый месяц, а затем ему запрещается жить в Н.-Новгороде. Все эти факты говорят за то, что за десятилетие произошли большие сдвиги в революционном настроении народных масс, и «Песня Буревестника» вместе с «Весной» являлись не только выражением этих чувств и мыслей, но и важным организующим элементом, звавшим на борьбу, решительную и победную борьбу с самодержавно-капиталистическим строем.

Высокую оценку революционности этих аллегорий дают следующие лица, принадлежащие к разным революционным группам. П. А. Заломов пишет, что «Песня Буревестника» — так же, как и «Песня Сокола» — была выражением настроения пролетариата:

«и разве не так же пролетариат изображен в виде Буревестника, который смеется над бурей, который весь — страстное, напряженное ожидание бури?»

А вот и другое свидетельство: это перехваченное жандармами письмо 1901 г., принадлежащее В. Морковину, одному из студентов-революционеров и легшее в основу следственного дела Горького. Привожу только заключительную часть: «Читал нам Горький свои новейшие произведения, не пропущенные цензурой: «О писателе, который зазнался», «Весна»... Первая вещь ему не нравится самому... Вторая вещь привела нас всех в восторг. «Весна» характеризует современный момент возрождения. Действие происходит в пернатом царстве. Все царство разделяется как бы на два поколения: одно — консервативное, другое — молодое, стремящееся к свободе. Написано очень хорошо. Хороша песнь, которую поет чиж...»

Так М. Горький, сам тесно связанный тогда уже с рабочим движением, сумел ярко выразить чувства и мысли этого революционного момента, и «Песня Буревестника» стала призывным гимном к революции.

Рассмотренные аллегории вполне подтверждают высказанное выше положение, что аллегория является удобной формой для выражения мыслей и что появление их у Горького не случайно, а социологически

обусловлено. У Горького много мыслей, идей, и мыслей не банальных для того времени, а новых, которые рвутся наружу, ищут скорейшего выражения. Эти мысли, в связи с развитием революционно-общественного движения в стране, естественно углублялись, революционизировались, становясь в свою очередь агитационными лозунгами. Понятно, что для выражения определенно предвзятых мыслей больше всего подходили аллегии, которые при сжатости, схематичности и иносказательности скорей могли увидеть свет и стать доступными для широких кругов читателей.

И Горький сумел использовать аллегорию, придав ей форму художественной выразительности. Аллегии у Горького даны в трех разрезах: в форме песни и легенды («Песня о Соколе», «Песня Буревестника», «Легенда о Данко»), в форме жанровой картинки («О чиже и дятле», «Фарфоровая свинья», «Разговор птиц») и в форме революционного плаката («Пред лицом Жизни»). Резкий контраст при подборе действующих лиц является удобным приемом для развития сюжета. Большинство аллегорий даны в динамическом состоянии, что вполне соответствует и социальному заказу и бунтующей натуре самого автора. Явления природы служат не только фоном, но активно-действующим, сознательным лицом, чем достигается художественная выразительность и чем автору удается избегать нарочитых подсказываний,

столь неизбежных при аллегориях. Постепенно, с ростом художественного таланта М. Горького, совершенствовались и его аллегории. От несколько растянутой, с авторскими подсказываниями аллегории — «О чиже и дятле» Горький переходит к простой, четкой и выразительной аллегории — «Пред лицом Жизни» и «Песня Буревестника».

М. ГОРЬКИЙ В ГРАФИКЕ

Н. В. Ильин

Напрасно мы стали бы обвинять первых издателей сочинений М. Горького в том, что выпущенные ими книги отличались крайне убогим внешним оформлением. Эти издания были так типичны для конца девятнадцатого и начала двадцатого веков, в большинстве предназначенных для широкого распространения и не пользовавшихся благоволением царской цензуры.

Первые отдельные издания М. Горького имеют все отрицательные стороны небрежного технического оформления книги. Неумелое построение наборной обложки, титульного листа, составленных из девяти или десяти различнейших по рисунку гарнитур шрифта, неважная верстка, нечеткая печать и дешевая бумага— вот что сопутствовало первым изданиям книг М. Горького. Никакого, конечно, графического оформления не было и признака.

Упомянутые первые отдельные издания М. Горького рассматриваются нами не со стороны, как уже сказано, внешнего графического оформления в полном

понимании слова графика¹, а упомянуты исключительно как исток отдельно выпускаемых книг М. Горького.

Широкая популярность М. Горького в начале нашего века, вызвавшая такой горячий отклик во многих областях искусства: станковая живопись, скульптура, театральные постановки и проч. мало отразилась в дореволюционной графике, за исключением карикатур на М. Горького, обильно помещавшихся в сатирических журналах того времени, как «Искры», «Стрекоза», «Развлечение», «Петербургская Газета», «Будильник» и др.

Бесчисленное множество карикатур сопровождают каждый шаг М. Горького. Просматривая эти карикатуры, убеждаешься, в огромном большинстве, в их плоском остроумии (данный вид графики нами не рассматривается).

В начале двадцатого века уже существовал журнал группы художников «Мир Искусства», который сплотил вокруг себя энтузиастов графиков и мастеров книги, как, например, Александр Н. Бенуа, Е. Лансере, М. Добужинский, И. Билибин и др., давшие уже в 1905 году в революционном журнале «Жупел»

¹ Понятие книжной графики обнимает разнообразный комплекс декоративных, символических и иллюстрационных изображений, связанных с книгой. С формальной стороны к этому понятию относится все, начиная с ксилографии и кончая тоновыми рисунками акварели.

прекрасные графические революционные рисунки и украсившие невыпущенный в то время в свет, по цензурным условиям, календарь революций Бурцева.

Никто из упомянутых графиков не считал нужным в то время иллюстрировать или хотя бы дать обложку к книгам М. Горького.

Может быть, это зависело от издателей, не привлечших их к оформлению сочинений М. Горького.

Этим фактом мы хотим подчеркнуть, что передовая часть художников «Мир Искусства» того времени, в эпоху 1905 года, несмотря на вспыхнувшую их «революционность»,—после разгрома рабочего движения 1905 года охладела к революционным темам и ушла, по образному выражению Сергея Маковского, в ретроспективизм и, конечно, в дальнейшем была несозвучна демократическому эпосу творчества М. Горького.

Характерно отметить, что отображение в графике произведений М. Горького мы можем зафиксировать лишь начиная с 1916 года.

Редактировавшийся М. Горьким журнал «Летопись», сыгравший такую большую роль в нашей общественности, имеет уже прекрасную графическую внешность, исключительно хорошо сделан заголовок, хорошо вяжущийся с содержанием номера, и сконструированный из набора; журнал отпечатан на хорошей бумаге. И вообще этот журнал технически

оформлялся не хуже издававшихся в те годы сборников—книг издательства «Шиповник». И как противоположны по внешности журналу «Летопись» были другие журналы, где впервые были напечатаны произведения М. Горького: «Русское Богатство», «Новое Слово», «Северный Вестник», «Жизнь», «Мир Божий», и даже сборники «Знание».

В 1917 году издается впервые полное собрание сочинений М. Горького, в качестве бесплатного приложения к распространенному тогда журналу «Нива». В этом издании мы видим поразительно нехудожественную обложку С Лодыгина, модернистическую в основе. Цветочки и листочки, изображенные вокруг надписи, совершенно не вяжутся с творчеством «Буревестника». В то время как в издании той же «Нива» мы видим иногда и хорошие обложки, исполненные художниками группы «Мир Искусства», как напр., полное собрание сочинений А. Толстого, сделанное И. Билибиным, полное собрание сочинений Глеба Успенского, сделанное по рисунку Е. Лансере.

В том же 1917 году, в начале Февральской Революции, в журнале «Свободное Искусство» (№ 6) была помещена баллада М. Горького «О графине Элен де Курси», украшенная различными сентенциями, среди которых есть весьма забавные.

Эта баллада сопровождается иллюстрациями, сделанными В. В. Лебедевым, в лице которого мы

видим пионера-иллюстратора произведений М. Горького, давшего незабываемый едкий графический типаж, совпадающий конгениально с творчеством М. Горького.

Мы особенно выделяем прекрасную иллюстрацию, изображающую Элен де Курси с патером.

В 1918 году в издании журнала для детей «Северное Сияние» вышла небольшая книга — «Сказки» М. Горького, обложку которой сделал художник А. Н. Лео. Обложка орнаментальна, технически разрешена прекрасно. В том же году, в издании «Парус», вышли две книги М. Горького — «Статьи» и «Ералаш», украшенные типовыми обложками М. Добужинского.

Сухой орнаментальный рисунок, со слепой надписью названия, поражает своей небрежностью, необычной для такого мастера книги, каким является М. Добужинский.

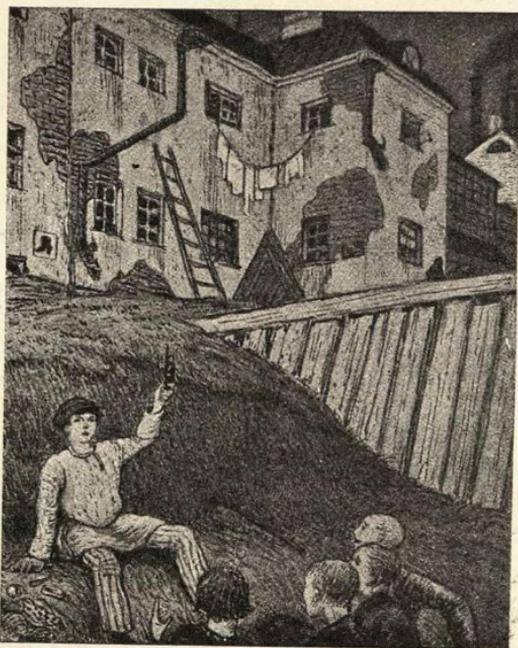
Зато другая работа М. Добужинского, а именно иллюстрация к «Детству» М. Горького прекрасно графически разрешена. 1918 год был годом юбилейной даты. В этом году М. Горькому исполнилось 50 лет.

В. В. Лебедев, иллюстрация к Элен де Курси.

В. В. Лебедев, иллюстрация к Элен де Курси.

М. Добужинский, иллюстрация к «Детству»
М. Горького.

Несмотря на тяжелые условия того времени, на полную разруху полиграфической промышленности, только что организованное Государственное Издательство (Ленинград) выпустило прекрасную, не только для того исключительно тяжелого времени, народную библиотеку из произведений М. Горького, к украшению

которой были привлечены лучшие графики РСФСР. В этом издании в первую очередь мы отмечаем работы художника графика И. В. Симакова, вложившего много усердия в дело иллюстрирования советской книги. Обложки И. В. Симакова к произведениям М. Горького натуралистичны, иллюстративны, просты и ясны, отмечены правильным пониманием графического рисунка, понятного для пролетарского читателя.

Мы особенно выделяем из этой серии обложки «Дело с застегжками», «Двадцать шесть и одна» и «На плотях», где динамика действия разрешена блестяще.

В этой же серии народных книг М. Горького мы видим работы В. Ходасевич, исполненные, может быть, с более культурным пониманием графического оформления обложки, чем это сделал И. В. Симаков, но менее по-

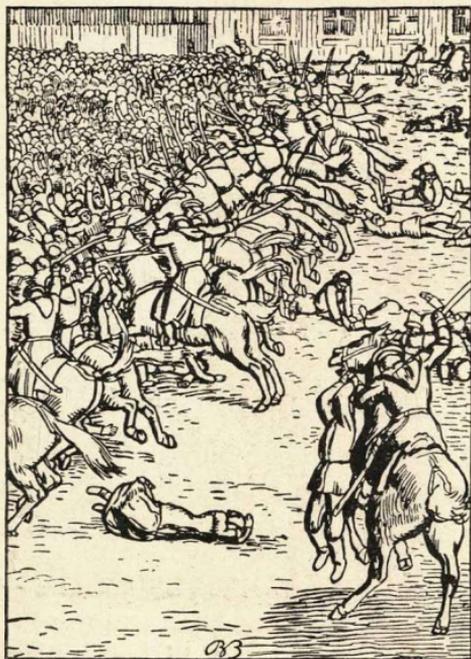
нятные и убедительные для массового читателя. Обращает на себя большое внимание книга Горького «9 Января» с иллюстрациями В. Д. Замирайло. Как декоратор книги, В. Д. Замирайло выработал оригинальный стиль орнаментации ее, может быть, несколько однообразный в технике рисунка, но зато давший исключительную остроту в иллюстрациях, трактующих жуткую картину «9 Января». Обложка к этой книге типична для творчества В. Д. Замирайло,

М. ГОРЬКИЙ На плотях

Государственное издательство
Петтоградъ 1919

Обложка И. В. Симакова.

В. Д. Замирайло, иллюстрация к «9 января»
М. Горького.

но все же модернистична в своей основе и слабо увязывается с содержанием заголовка.

Книга эта, хотя она и принадлежит к раннему периоду деятельности Государственного Издательства (Ленинград), заслуживает быть особо отмеченной.

Нельзя не упомянуть также об обложке книги Вячеслава Полонского «Максим Горький», со стилизованным, хорошо

построенным рисунком, изображающим Буревестника. Просмотром этих графических рисунков к произведениям М. Горького мы заканчиваем первый этап:

Гражданская война и интервенция мешали планомерному ходу работ книгоиздательского аппарата РСФСР.

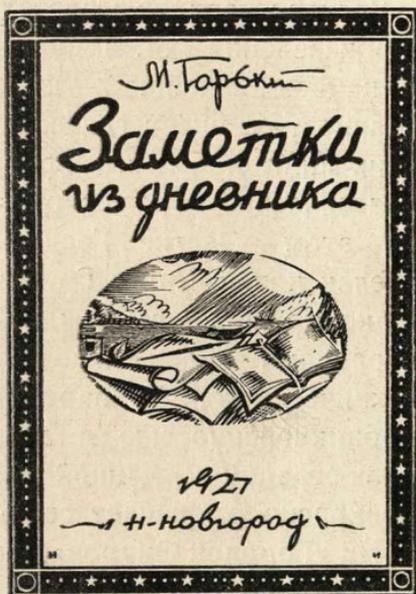
Современное книгопечатание в течение последних лет стремится дать хорошо оформленную—графически и технически—книгу.

Внедрение культуры техники книги в толщу массового читателя стало настолько обыкновенным явлением, что читатель уже сам принимает активнейшее участие в деле оформления революционной книги.

Нередким явлением стало сопровождение выпускаемых книг иллюстрациями, предназначенными не для узкого круга любителей, как в дореволюционные годы, а для широкой народной аудитории.

Вопрос об иллюстрировании книг является актуальным для издательств и требует наличия графиков — иллюстраторов. Современная советская графика достигла такой большой культуры в своем развитии, что данная отрасль изобразительного искусства стала одним из важнейших его участков.

В настоящее время книги М. Горького и о нем, выпускаемые как центральными, так и провинциальными издательствами, отмечены высокой культурой техники оформления.

Обложка издания «Нижегородской Коммуны».

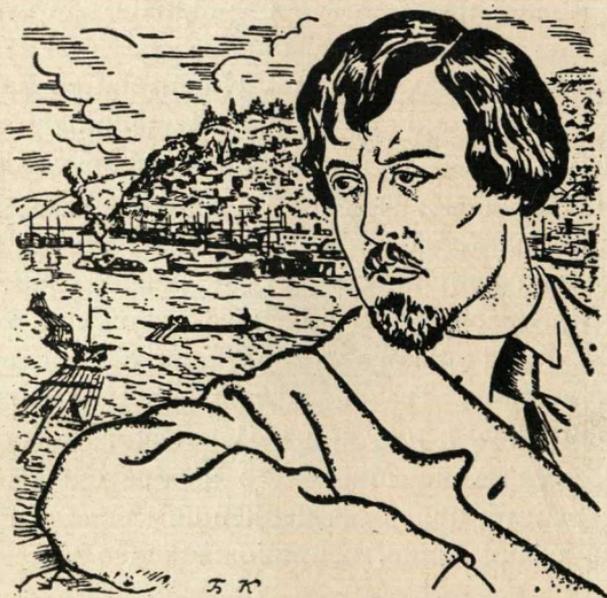
Государственное Издательство, монополизирующее произведения М. Горького, выпускает последние с наивозможнейшей тщательностью, но не всегда удачно разрешает графическое оформление Горьковских книг, и до сего времени не иллюстрирует эти классические образцы русской литературы. Все же и на этом участке Государственным Издательством сделан почин. Книга Груздева «Жизнь и приключения Максима Горького» (изд. 1928 г.) сопровождается иллюстрациями художника Н. А. Тырса, исполненными технически как-бы нарочито небрежно, с большой проникновенностью в детскую психологию. В ряде иллюстраций к данной книге художник Н. А. Тырса прекрасно разрешает свою задачу.

Ни «Городок Окуров», ни «Фома Гордеев», ни «Дело Артамоновых», ни целый ряд других произведений М. Горького, как сказано, еще не иллюстрированы.

Советская графика недавно потеряла одного из крупнейших мастеров—иллюстраторов, Б. М. Кустодиева.

В работах Б. М. Кустодиева есть прекрасные иллюстрации к произведениям М. Горького.

Особенно выделяется иллюстрация, изображающая мятежного Фому Гордеева на фоне широкой Волги, усеянной баржами, пароходами, плотами, и приволжского города, в очертаниях которого узнаем Нижний-Новгород. Даже обложка, исполненная Б. М. Кустодиевым к первому изданию «Дело Артамоновых», умело и наглядно выражает интерпретацию текста.

Б. М. Кустодиев, иллюстрация к «Фоме Гордееву»
М. Горького.

Мы не случайно останавливаемся на Б. М. Кустодиеве, т. к. считаем, что факт непривлечения последнего к делу иллюстрирования М. Горького является большой ошибкой Государствен. Издательства.

Большая же часть книг М. Горького в издании Государственного Издательства выпускаются в так называемых рубашечно-декоративных обложках, исполненных, во многих случаях, художником М. Кирнарским, технически сделанных грамотно, но крайне однообразных и утомительных.

Мы не можем не отметить среди работ М. Кирнарского обложку к книге «Переписка В. И. Ленина с М. Горьким». (Изд. 1927 г.). И считаем совершенно неудовлетворительно сделанной внешность книги «По Руси» (1928 год) М. Горького. Оформление этой книги является неудачнейшим подражанием немецкому книгоиздательству.

Примечательнейший советский график С. В. Чехонин дал прекрасную графическую обложку к книге— «На дне» М. Горького в постановке Московского Художественного Театра, в издании Гиз, 1925 год, а также Маркса, и для книги Чуковского «Две души Горького» (издание Маркса) с изображением А. М. Эти две работы являются ценнейшим вкладом в графическое оформление, сопровождающее издания М. Горького.

Два выпуска выходящего в издании «Московский Рабочий» «Романа-газеты» посвящены произведениям М. Горького и сопровождаются иллюстрациями. Первое из них «Дело Артамоновых»— с иллюстрациями слабыми и непроникуемыми, мешающими тексту, и второе— «Детство» — с иллюстрациями известного графика Бруни, графически выполненными превосходно, но, к сожалению, технически воспроизведенными плохо.

Наш очерк был бы неполон, если бы мы не упомянули книги «У русского царя», вышедшей в издании ГИЗ'а в 1926 г. Обложка книги—с сатирическим

рисунком, изображающим последнего царя. Рисунок обложки едкий и технически законченный, но исполнен в манере художника Реми. Также необходимо отметить книгу, являющуюся переделкой рассказа А. М-ча — «Мальва», на обложке которой художник М. Г. проникновенно изобразил Мальву, сидящую на берегу.

Силуэт М. Горького.

Мы не касаемся различных наборных обложек, которые могут быть произведены, как производимые, так как, к сожалению, в этой области, за исключением типовой обложки — «Русские писатели», с которой вышел сборник «А. М. Горький» в издании «Никитинские субботники», а в издании «Колос» за 1927 год — М. С. Каролицкого «М. Горький», — ничего не сделано, что бы могло быть отмечено.

Широкая популярность М. Горького естественно вызвала среди художников интерес не только к его произведениям, но и к его личности.

Слишком долго было бы перечислять имена всех художников, которые запечатлели в своих произведениях М. Горького, — мы останавливаемся лишь на тех, которые наиболее ярко зафиксировали его в графике.

Один из замечательнейших русских портретистов-психологов В. А. Серов накануне 1905 года дал

превосходнейший портрет М. Горького. Мы не останавливаемся на данном произведении В. А. Серова, а желаем вскрыть первый замысел, т. е. рисунок. На этом рисунке—в легких очертаниях головы, но с особым подчеркиванием всей остальной фигуры Горького, мы усматриваем устремленность и динамичность движения вперед, как бы предвидящие события 1905 г.

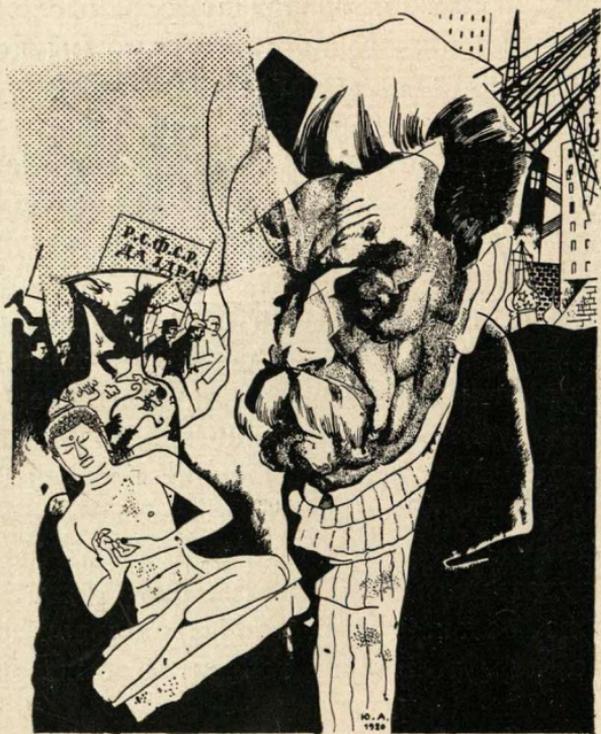
Мы не можем пройти и мимо графики В. Фалилеева, изобразившего личность М. Горького в другом разрезе. Здесь нет динамики, лицо спокойно, только глаза тревожно и грустно глядят, как будто бы в них отражается пройденный тяжелый жизненный путь.

Среди работ Ю. Анненкова, в его серии портретов, исполненных и разрешенных графически блестяще, мы находим лист с портретом Горького.

Вот что повествует об этом портрете Евгений Замятин¹:

«Портрет Горького,— сумрачное, скомканное лицо— молчит, но говорят только еще вчера прорезавшиеся морщины над бровью; орет красный ромб с РСФСР и от него— темная тень— может быть даже дыра— в голове. А сзади, странное сочетание: стальная сеть фантастического огромного города— семизвездные купола Руси, проваливающиеся в землю, или, может быть, поднимающиеся из земли Две души».

¹ Ю. Анненков, 1922 г. «Портреты», изд. «Петрополис», 1922 г.

Ю. Анненков, М. Горький.

Приведенное толкование портрета, сделанное Евген. Замятиным, возможно, совпадает с замыслом худ. Анненкова, данным в его портрете, — но мы должны отметить исключительную субъективность этого толкования, которое, может быть, не всеми будет принято. Этот рисунок оставляет незабываемое впечатление.

Виднейший график С. В. Чехонин дал целую серию портретов М. Горького, исполненных различными манерами.

Один из них, исполненный в 1919 году, мы считаем наиболее удачным. Это — Горький за книгой.

То же сумрачное лицо, что и на портрете Анненкова, та же чуткая настороженность. Только фоном этого портрета послужила коллекция восточных статуэток и предметов М. Горького.

Великолепные документы представляют из себя рисунки художника Дени. В этих рисунках Горький уже 20 года, больной. Сгорбленная, большая фигура говорит о переутомлении, говорит о близкой старости.

Популярные рисунки И. Н. Ракицкого и Андреева, отмечаемые нами, как и рисунки большинства художников, изображают Горького только с формальной передачей портретного сходства.

Заканчивая наш очерк, мы не претендуем на полноту анализа тех или иных видов графики, связанной с именем М. Горького, а лишь намечаем вехи для будущего исследования в этой области и под-

черкиваем, что, в связи с только что исполвшимся юбилеем, интерес широкой читательской массы к личности А. М. и к его произведениям должны еще более усиливаться.

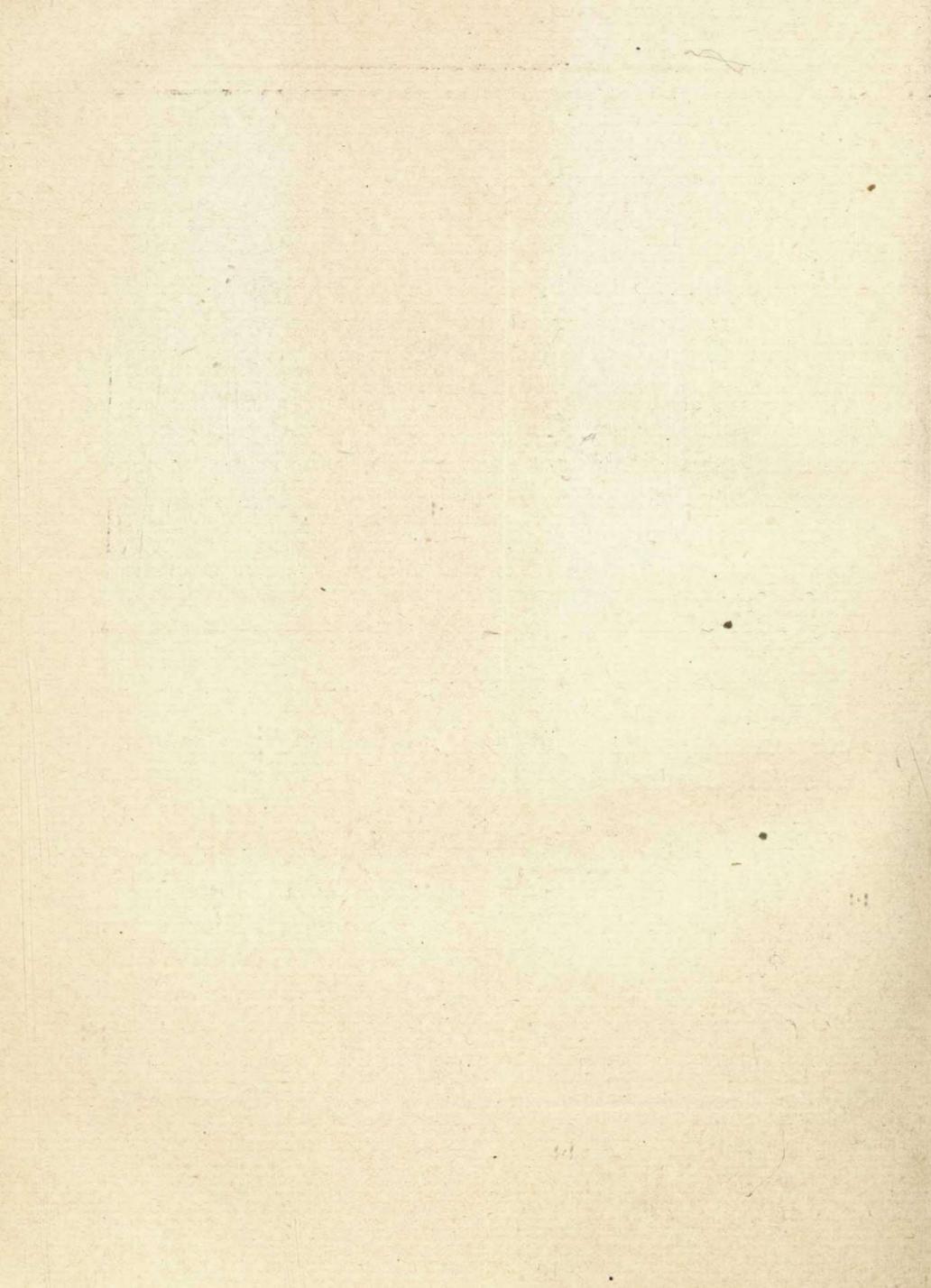
Мы уверены, что в связи с этим издательства в ближайшем будущем привлекут к делу иллюстрирования основных произведений М. Горького лучших советских графиков, которые пополнят существующий пробел, до сих пор еще наблюдаемый в этой области.

Дени—рисун. А. М Горький 1920 г.

Данный очерк составлен по экспонатам, находящимся в Нижегород. Госуд. области. музее и предоставленным мне Д. В. Прокопьевым.

Приложение.

Максим Горький — Л. Толстому¹.

[Почт. штемп.: Нижний-Новгородъ,
15/II—1900; Москва, 16/II—1900].
На конверте: Москва, Льву Николае-
вичу Толстому, Хамовнической пе-
реулокъ, с. д.

Спасибо, Левъ Николаевичъ, за портретъ и за добрыя, славныя ваши слова про меня. Не знаю я лучше-ли я своихъ книгъ, но знаю, что каждый писатель долженъ быть выше и лучше того, что онъ пишетъ. Потому что — что книга? Даже и великая книга только мертвая, черная тѣнь слова и намекъ на истину, а человѣкъ — вмѣстилище Бога живаго, Бога — же я понимаю, какъ неукротимое стремленіе къ совершенствованію, къ истинѣ и справедливости. А потому — и плохой человѣкъ лучше хорошей книги. Вѣдь такъ?

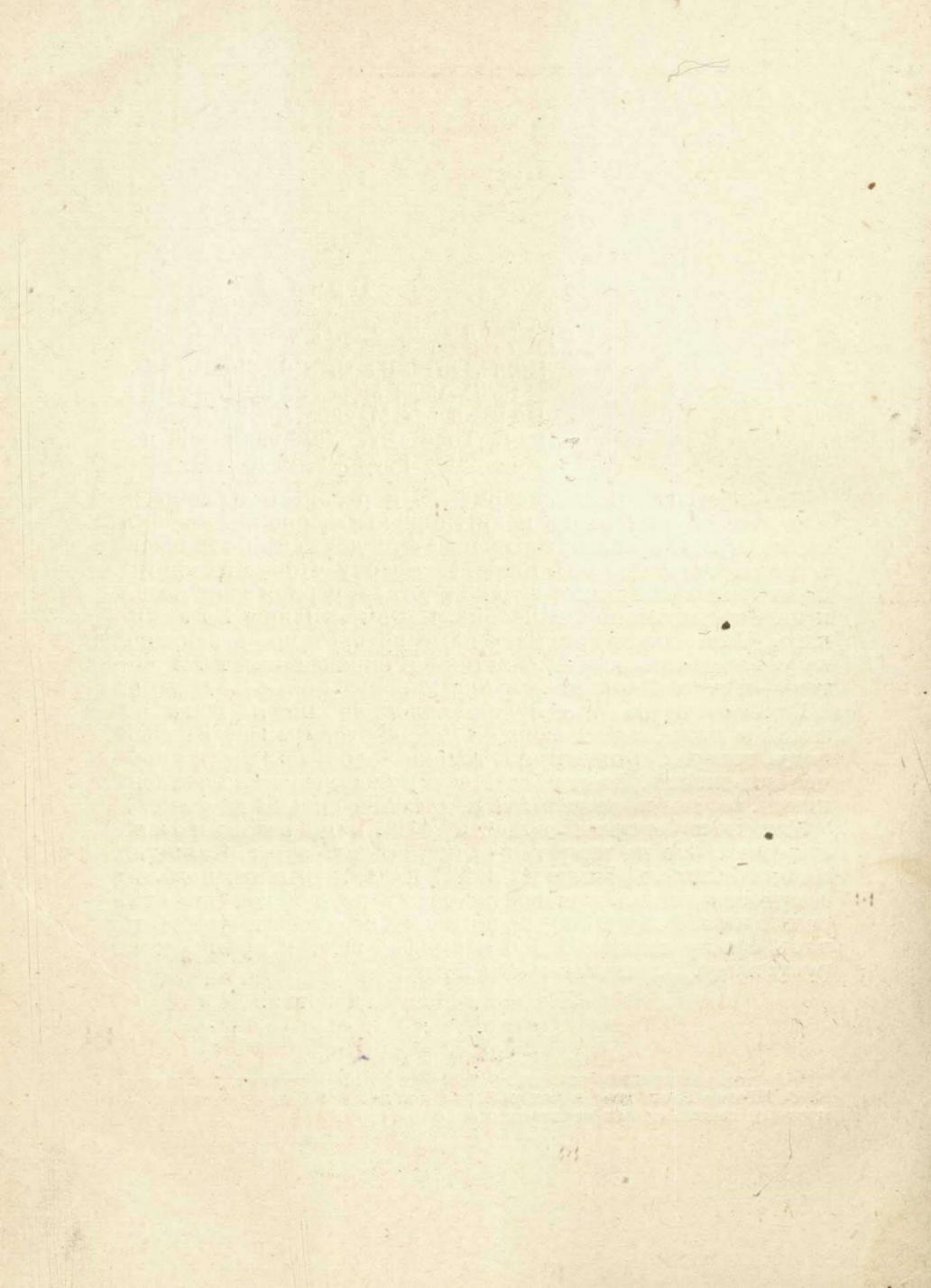
Глубоко вѣрю, что лучше человѣка ничего нѣтъ на землѣ и даже, переворачивая Демокритову фразу на свой ладъ, говорю: существуетъ только человѣкъ, все-же прочее есть мнѣніе. Всегда былъ, есть и буду человѣко-поклонником, только выражать это надлежало сильно не умею.

Ужасно хочется мнѣ попасть къ Вамъ еще разокъ и очень огорченъ, что не могу теперь-же сдѣлать этого. Кашляю, голова болитъ, работаю на всѣхъ парахъ, — и пишу повѣсть о мудрствующихъ лукаво, каковыхъ не люблю. Они есть самый низкій сортъ людей, по моему, но, чтобы не утомлять васъ, брошу писать. Низко кланяюсь вамъ и крѣпко жму руку вашу. Кланяюсь и семейству.

Желаю добраго здоровья!

А. П ѣ ш к о в ъ.

¹ Настоящее письмо было получено уже во время печатанія статьи К. С. Шохор-Троцкого, в которой оно должно бы быть помещено, — поэтому текст письма печатается в концѣ книги.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, рассказов, повестей и фельетонов, помещенных М. Горьким в Нижегородских газетах («Волгарь» и «Нижегородский Листок») за период 1893—1901 г.г.¹

Газета «ВОЛГАРЬ».

1893 год.

- ✓ «Маленькие истории». Нищенка.—М. Горький.—№№ 259, 261, 263.
- ✓ «Маленькие истории». Сон Коли.—М. Горький.—№№ 290, 294, 297.
- ✓ «Маленькие истории». Убежал.—М. Горький.—№№ 303 и др.

1894 год.

- ✓ «Пробуждение».—М. Горький.—№ 29.
- ✓ «Дед Архип и Ленка».—М. Горький.—№№ 35, 37, 39, 41, 43.
- ✓ «Горемыка Павел» (повесть).—М. Горький.—№№ 80, 82, 83, 85, 87, 90, 92, 98, 100, 104, 108, 110, 112, 116, 118, 121, 123, 127, 129, 133, 135, 139, 141, 143, 152.

¹ За отсутствием под рукой полных комплектов «Волгаря» и «Нижегородского Листка», указатель является далеко неисчерпывающим, особенно в части «Волгаря». Не включены также №№ «Беглых заметок» за 1896 г. — в «Ниж. Листке», которые подписаны И. М. Расатис и Некто~~и~~ и достоверность которых перу М. Горького с полной очевидностью еще не доказана. Темы «Беглых заметок», поставленные в скобках, составлены автором указателя.

Газета «НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОК».

1896 год.

«Тронуло».—М. Горький.—№ 136.

«Хан и его сын».—М. Горький.—№ 148.

«Трубочист». Роман.—М. Горький.—№ 164.

«Открытие». Элегия.—М. Горький.—№№ 173, 181.

«Отомстил».—М. Горький.—№ 185.

«Соло». Этюд.—М. Горький.—№ 199.

✓ «Беглые заметки» (О цирковых развлечениях).—М. Г—ий.—№ 201.

«Беглые заметки». М. Врубель и «Принцесса Греза» Ростана.—М. Г—ий.—№ 202.

«Беглые заметки».—№ 203.

✓ «Беглые заметки» (Павилион г. Москвы).—М. Г—ий.—№ 205.

✓ «Дипломатия» (Картинка с натуры).—М. Горький.—№ 206.

«Слепота любви» (Легенда).—М. Горький.—№ 208.

✓ «Беглые заметки» (Музыка на выставке и о творчестве Врубеля).—М. Г—ий.—№ 209.

«Беглые заметки» (О павильоне Нобеля).—М. Г—ий.—№ 212.

«Легенда о еврее».—М. Горький.—№ 213.

«Ответ Карелину».—М. Горький.—№ 215.

✓ «Беглые заметки» (О развлечениях в павильоне Врубеля).—М. Г—ий.—№ 217.

«Сны». I. Катастрофа.—М. Горький.—№ 220.

✓ «Беглые заметки» (О концерте Хорватских студентов и о славянах).—М. Г—ий.—№ 220.

✓ «Машинный Отдел».—М. Г—ий.—№ 226.

✓ «Беглые заметки» (окончанье). О нефтяном деле в связи с павильоном Нобеля.—М. Г—ий.—№ 228.

✓ «Беглые заметки» (О Врубеле и Карелине).—М. Г—ий.—№ 229.

✓ «Машинный Отдел». А—а!—№ 229.

✓ «Машинный Отдел».—М. Г—ий.—№ 231.

«Союзники».—М. Горький.—№ 234.

«Беглые заметки». Две книги.—М. Г—ий.—№ 245.

«За бортом» (Элегия).—М. Горький.—№ 249.

✓ «Беглые заметки» (О Врубеле и «Неделе»).—М. Горький.—№ 250.

✓ «Как мы устроили наше хозяйство».—М. Горький.—№ 255.

✓ «Из обывательской жизни».—М. Г—ий.—№ 257.

- «Ради них». Идиллия.—М. Горький.—№ 258.
 «Как меня отбрили».—М. Горький.—№ 262.
 «Беглые заметки» (О выставке и ее закрытии).—М. Горький.—№ 265.
 «Красота». Рассказ одного романтика.—М. Горький.—№ 269.
 «Беглые заметки» (О художественном отделе на выставке).—М. Г—ий.—№ 271.
 «Разгром» (Впечатления о выставке после закрытия).—М. Г—ий.—№ 283.
 «Поэт» (набросок).—М. Горький.—№ 286.
 «Вода и ее значение в природе и жизни человека» (Исповедь преступника).—М. Горький.—№ 290.
 «Роман».—М. Горький.—№ 297.
 «Разбойники на Кавказе» (Очерк).—М. Горький.—I—№ 309; II—Керим—№ 134, № 324; III—Саммат—№ 325 и № 327.
 «Немой». Башкирская легенда.—М. Горький.—№ 316.
 «Встреча». Набросок.—М. Горький.—№ 323.
 «Часы». Элегия.—М. Горький.—№ 321.
 «Шабры». Рассказ.—М. Горький.—№№ 332 и 334.
 «Свободные дни». Этюд.—М. Горький.—№№ 346, 348, 352.
 «Навождение». (Святочный рассказ).—М. Горький.—№ 359.

1897 год.

- «Херсонес Таврический» (Очерк).—М. Горький.—№№ 60, 67.
 «Письма».—М. Горький.—№ 130.
 «Крымские эскизы».—М. Горький.—№ 148.
 «Ярмарка в Голтве».—М. Горький.—№№ 196 и 210.

1898 год.

- «Проходимец» (Из воспоминаний).—М. Горький.—№ 31.
 «Хороший Ванькин день» (Эскиз).—М. Горький.—№ 128.
 «По поводу отчета правления О-ва для пособия учащимся в начальных училищах г. Н.-Новгорода»—I. Хл.—№ 133.
 «Праздник Шиитов».—М. Горький.—Тифлис. №№ 174, 181.
 «Встряска». Страничка из Мишкиной жизни.—М. Горький.—№ 237.
 «Беглые заметки». О войне, мире и т. д. I.—Хл.—№ 287.
 «Библиографические заметки». «Журнал для всех».—М. Горький.—№ 287.

- «Беглые заметки». О человеколюбии в связи с искусством на обухе рожь молотить.—I. Хл.—№ 292.
 ✓ «Христославы».—М. Горький.—№ 354.
 ✓ «Фарфоровая свинья».—М. Горький.—№ 354.

1899 год.

- ✓ «На базаре» (I—Коммерсант, II—Герой, III—Ребенок).—М. Горький.—№ 40.
 ✓ «Сирота».—М. Горький.—№№ 209, 272.
 «Фома Гордеев» (окончание).—М. Горький, (Примечание газеты: Перепечатывается последняя глава повести из жур. «Жизнь» с разрешения автора и редакции).—№№ 293 и 295.
 «Мутер—История живописи в XIX веке» (библиографическая заметка).—М. Г—ий.—№ 314.
 «Литературные заметки». Тан.—«Чукотские рассказы».—М. Г—ий.—№ 329.
 «От А. П. Чехова».—М. Горький.—№ 330.
 «Вниманию местных дам».—М. Горький.—№ 338.
 ✓ «На бесплатном катке».—М. Г—ий.—№ 342.
 «Аллегии Оливии Шрейнер». (По поводу книги О. Шрейнер—«Грезы и сновидения», перевод с английского, цена 25 коп. Петербург. 1900 г.)—М.—Г—ий.—№ 348.
 «Библиографическая заметка». «Новая библиотека». Изд. М. Дорошенко. (Короленко «Лес шумит», с 6 рисунками, ц. 6 к.; «Сон Макара» с 6 рисунками, цена 8 к.; Проспер Мериме «Маттео Фальконе» с 5 рисунками, цена 5 коп.; Теодор Еж «На рассвете», цена 60 к. Петербург, Екатерингофский проспект, д. № 31, кв. № 21).—М. Г—ий.—№ 352.
 ✓ «В Сочельник».—М. Горький.—№ 354.

1900 год.

- «Песни Покойников». (Святочный рассказ).—М. Горький. № 1.
 «Сирано де Бержерак. Героическая комедия Эдмона Ростана».—М. Горький.—№ 4.
 «Нечто о елке».—М. Горький.—№ 9.
 «О Всесословном клубе».—М. Г—ий.—№ 17.
 «Литературные заметки». По поводу нового рассказа А. П. Чехова—«В Овраге» («Жизнь»—Январь).—М. Горький.—№ 29.

- «Литературные заметки». I. Эдмонт Эстонье Жульен Дарто («Библиотека «Жизни», № 5).—М. Горький.—№ 261.
- «Елка».—М. Горький.—№ 306.
- «Литературные заметки». II. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова.—М. Горький.—№ 313.
- «Трое». Новая повесть.—М. Горький. (Приводятся большие выдержки из жур. «Жизнь»—Ноябрь)—№№ 336, 338.
- «Перед лицом Жизни».—М. Горький.—№ 354.
- «О беспокойной книге».—М. Горький.—№ 357.

1901 год.

- «Трое». Новая повесть М. Горького (перепечатано из жур. «Жизнь»—Декабрь).—№ 3 и № 4.
- «Библиография». (А. Вербицкая. Анненкова-Бернар. Альфред Мюссе).—М. Горький.—№ 24.
- «Библиография». (Безобразов. «О современном разврате»).—М. Горький.—№ 33.
- «Песня о слепых».—М. Горький.—№ 77 (Перепечатано из «Журнала для всех»).
- «О размагниченном интеллигенте».—М. Горький.—№ 86.
- «Для «Золотой роты».—М. Горький.—№ 305.
- «Перед восходом солнца». Драма Г. Гауптмана (К сегодняшнему спектаклю).—М. Горький.—№ 307.
- «История одного преступления». Рассказ.—М. Горький.—№№ 311, 313, 316 и 318.
-

MICHAEL SMITH & COMPANY

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs and is mostly illegible due to fading and low contrast.

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

М. Горький (перед текстом): Портрет относится к 1903 г. Фот. М. Дмитриева (из собр. Музея Горького).

М. Горький и Ленин (стр. 11): Фот. относится к 1920 г.

Дом Киришбаума (стр. 41): Дом № 15 (б. Киришбаум) на Мартыновской ул., в котором М. Горький жил в период 1902-1905 г.г. Фото Реутт (из собр. А. А. Белозерова).

М. Горький у стола (стр. 55): Портрет относится к 1901 г. Фот. М. Дмитриева (из собр. Музея Горького).

М. Горький в саду (стр. 69): Снят в 1902 году в саду при доме Киришбаум на Мартыновской ул. (из собр. Н. А. Саввина).

Редакция «Нижегородского Листка» (стр. 83): Снято в помещении Редакции (дом б. Приспешникова на Б. Покровке, ныне ул. Я. Свердлова) 3 августа 1899 г. по случаю закрытия газеты на 2 месяца за помещение писем из Сормова. Фамилии заснятых (слева направо): А. Н. Шмидт, И. В. Ермаков, Н. А. Скворцов, Ф. П. Хитровский, С. Д. Протопопов, М. Горький, Е. М. Ещин, С. И. Гриневицкий, С. А. Духовской, А. Д. Тихонравова (Гриневицкая), стоит Е. Д. Тихонравова (Скворцова). Фот. М. Дмитриева.

Звездин пруд (стр. 95): Фот. Карелина 70—80 г.г. Напротив этого пруда, в доме № 17 (бывш. Гогина) М. Горький жил у родственника чертежника Сергеева с перерывами в 1880-1885 г.г. (из собр. Музея Горького).

Народный Дом (стр. 101): Здание было построено «Обществом распространения начального образования в Нижегородской губ.» в 1903 г. М. Горький много содействовал постройке здания и стоял

во главе первого театрального товарищества, организовавшего художественные постановки на сцене Народного Дома.

Благовещенская площадь (стр. 109): Благовещенская (ныне Советская) площадь со старым театром (направо) и бывш. Городской Библиотекой (налево, верхний этаж). В эту библиотеку М. Горький сделал много пожертвованных книгами. Фот. Карелина, относящаяся к 1870-1880 г.г. (из собр. Музея Горького).

Домик на Успенском съезде (стр. 123): Здесь М. Горький провел детские годы у деда и бабушки Кашириных, после смерти отца (1874 г.). Фот. Иванова (из собр. Музея Горького).

Нижегородская тюрьма (стр. 155): Здесь М. Горький находился в заключении в 1889 и в 1901 г.г. (из архива Истпарта ГК ВКП(б)).

Нижегородская тюрьма (стр. 169): Вид с тюремного двора на камеры. Второе окно от башни (нижний этаж)—камера, в которой сидел в 1901 году М. Горький. В камере над ним сидел беллетрист Скиталец (С. Г. Петров) (из архива Истпарта ГК ВКП(б)).

Нижегородская тюрьма (стр. 191): Камеры, в которых сидели в 1901 г. М. Горький (××) и Скиталец (×). Фот. Иванова 1928 г. (из собр. А. А. Белозерова).

Вид на Нижегородскую Ярмарку (стр. 203): Снято в 1906 г. На Ярмарке М. Горький в течение трех летних сезонов (1883—1885) работал у своего дяди в качестве десятника. Фот. М. Дмитриева (из собр. Музея Горького).

Откос над Волгой (стр. 229): Любимейшее место прогулок М. Горького. Последний вспоминает о своих встречах и беседах здесь с В. Г. Короленко и Петропавловским-Карониным. Фот. М. Дмитриева (из собр. Музея Горького).

Вид Канавина, Ярмарки и Песков (стр. 253): Фот. Карелина 1870—1880 г.г. В Канавине М. Горький жил с матерью в период с 1877 по 1880 г. (из собр. Музея Горького).

С * О * Д * Е * Р * Ж * А * Н * И * Е	
П Р Е Д И С Л О В И Е	3
МАКСИМ ГОРЬКИЙ И НАША РЕВОЛЮЦИЯ	5
Л Е Н И Н О Г О Р Ь К О М	17
И З П И С Ь М А О Г О Р Ь К О М	33
З Н А К О М С Т В О С Г О Р Ь К И М	39
М О И В С Т Р Е Ч И С Г О Р Ь К И М	36
И З В О С П О М И Н А Н И Й О Г О Р Ь К О М	53
П Р О В О Д Ы Г О Р Ь К О Г О В К Р Ы М	67
Г О Р Ь К О В С К А Я Д Е М О Н С Т Р А Ц И Я в 1901 г.	76
Г О Р Ь К И Й И «Н И Ж Е Г О Р О Д С К И Й Л И С Т О К»	81
И З В О С П О М И Н А Н И Й О Г О Р Ь К О М	94
Г О Р Ь К И Й И Т Е А Т Р В Н А Р О Д Н О М Д О М Е	99
М. ГОРЬКИЙ И БЫВ. ГОРОДСК. БИБЛИОТЕКА	106
Г О Р Ь К И Й И «Н И Ж Е Г О Р О Д С К И Й С Б О Р Н И К»	114
И З Ж И З Н И М. Г О Р Ь К О Г О В К А З А Н И	120
Г О Р Ь К И Й В Р Е В О Л Ю Ц И О Н Н О М Д В И Ж Е Н И И	143

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МАКСИМ ГОРЬКИЙ	186
К. С. ШОХОР-ТРОЦКИЙ	
ЛИТЕРАТ. НАСТАВНИЧЕСТВО М. ГОРЬКОГО	
Н. К. ПИКСАНОВ	201
К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ «МЕЩАН»	
П. О. ПИЛАШЕВСКИЙ .	226
ОБ АЛЛЕГОРИЯХ М. ГОРЬКОГО	
А. Н. СВОБОДОВ	248
ГОРЬКИЙ В ГРАФИКЕ	
Н. В. ИЛЬИН	283
П Р И Л О Ж Е Н И Е	
. . . . .	301
УКАЗАТЕЛЬ НАПЕЧАТАННОГО ГОРЬКИМ	
. . . . .	303
ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ	
. . . . .	309

NEW YORK, N. Y. 10001

RECEIVED

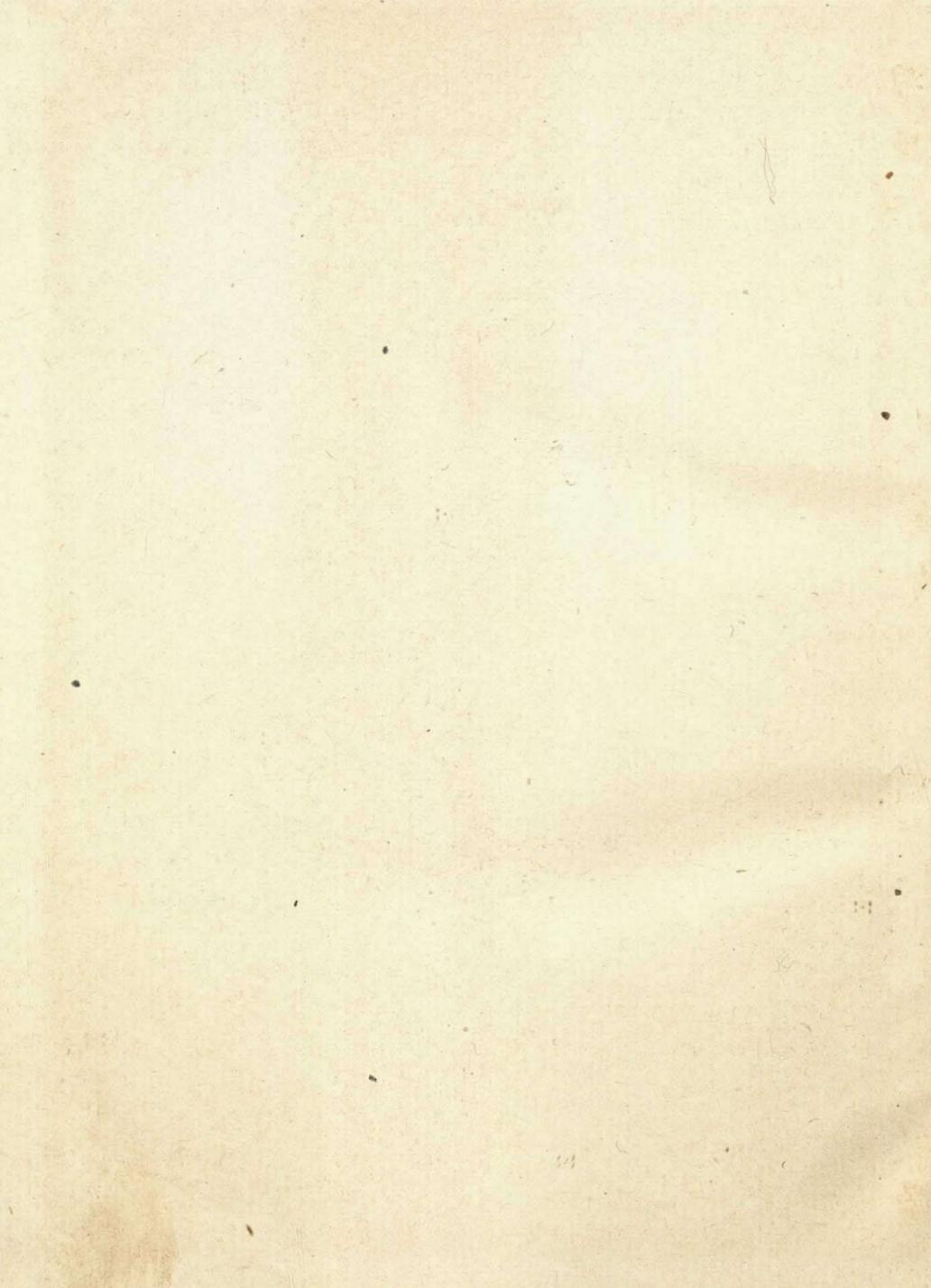
1964

NOV 10 1964

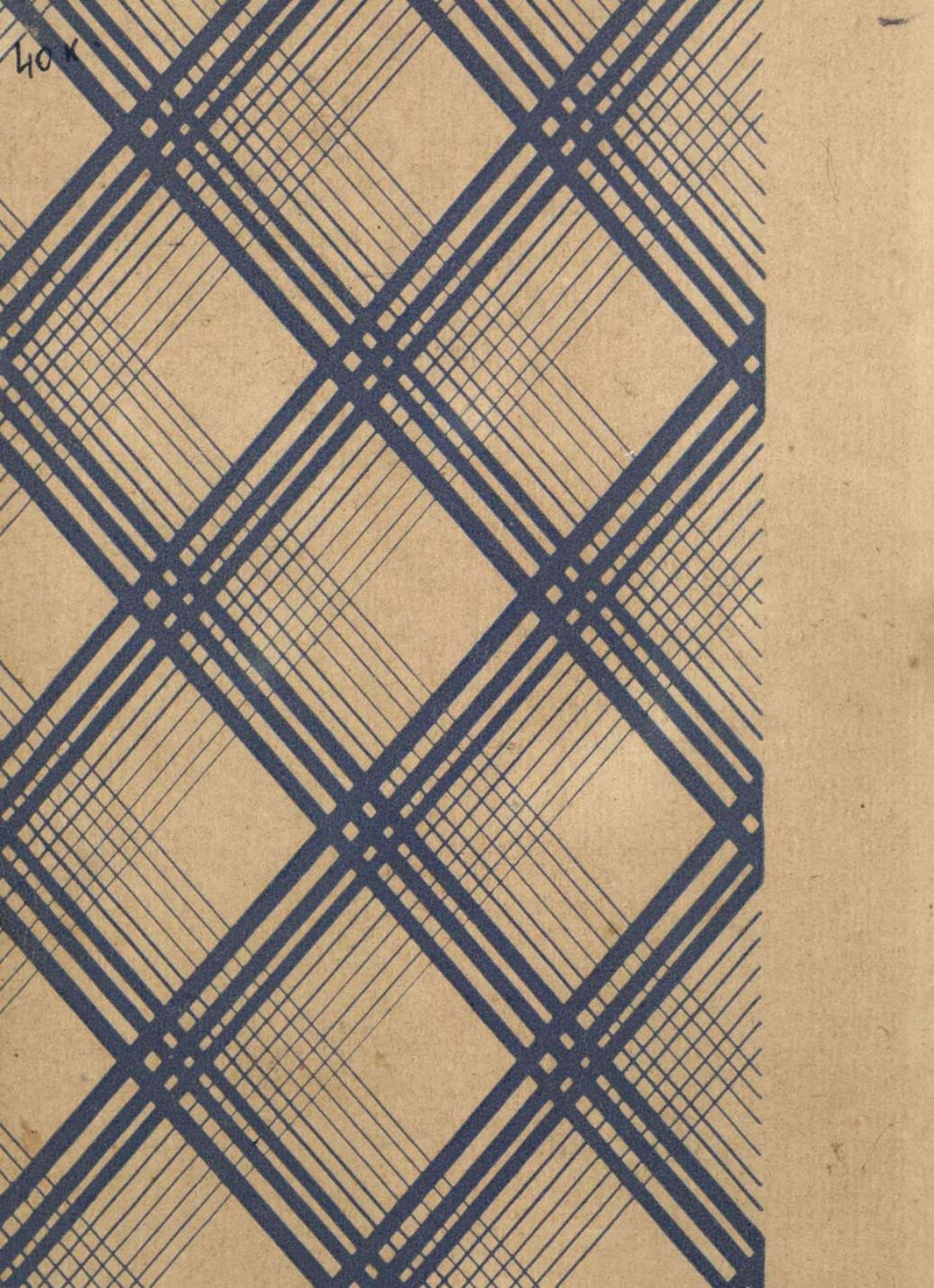
1964

NOV 10 1964

1964

401